

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

4

1 9 6 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО
· НАУКА ·

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

4

1966

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К. И. Миккульский.</i> Основные черты ликвидации эксплуататорских классов в социалистических странах Европы	3
<i>В. Д. Королюк.</i> «Дранг нах Остен» и историческое развитие народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период феодализма (Обзор основной проблематики исследования)	14
<i>Е. И. Демина.</i> Место дамаскинов в истории болгарского литературного языка	28

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

<i>Г. И. Коляда.</i> Из истории южно-восточнославянских книгопечатных связей в XVI—XVII вв.	34
<i>Е. С. Макова.</i> Состояние заградской торговли в середине XVI в. по данным таможенных записей городской коммуны.	44
<i>Ю. Ритчик.</i> «Франческа ди Римини» Яна Перуды	55
<i>А. А. Илюшин.</i> «Атреев пир» в «Божественной комедии» (в соотношении со славянскими сюжетами и переводами Данте).	62
<i>Т. П. Агапкина.</i> Неопубликованное письмо Бедржиха Вацлавека	66

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры и рецензии

<i>Н. Н. Улащик.</i> «Восстание 1863 года. Материалы и документы»	70
<i>С. Шерлаимова.</i> Издания трудов чехословацких критиков-марксистов	75
<i>С. Н. Азбелев, В. Б. Вилинбазов.</i> Журнал польских фольклористов	78
<i>В. Г. Карасев, Г. М. Славин.</i> Освободительная война в Югославии (1941—1945 гг.)	81

<i>В. Д. Назаров.</i> Источники по славяно-румынским связям	83
<i>Ю. И. Смирнов.</i> На пути научного поиска	86

З а м е т к и о к н и г а х

<i>Р. П. Гришина.</i> Б. Григоров. Вторая конференция на БКП	89
<i>Зденка Шимончич</i> (СФРЮ). Документы и материалы по истории Народно-освободительной войны и революции в Югославии	89
<i>Л. С. Кишкин</i> «Výbor z české literatury husitské doby»	90
<i>А. С. Мыльников.</i> «Slovník českých spisovatelů»	91

Б и б л и о г р а ф и я

<i>М. Черных.</i> Новые данные к библиографии трудов Ю. Мархлевского	92
Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1965 г. (продолжение)	96
Содержание иностранных журналов	100

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>В. В. Гусев, А. Е. Москаленко, Н. Т. Сапронова.</i> Гретья межвузовская конференция, историков-славистов в Воронеже	103
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> Польско-советский симпозиум, посвященный балто-славянским отношениям	109
<i>Г. Фридлендер.</i> Симпозиум по истории польского и русского романа	110
<i>В. М. Мокиенко.</i> На филологическом факультете ЛГУ	111

В И н с т и т у т е с л а в я н о в е д е н и я А Н С С С Р

<i>Е. П. Наумов.</i> Заседание, посвященное памяти П. А. Ровинского	111
<i>А. И. Виноградова.</i> Защита диссертации	113

Н а у ч н а я ж и з н ь з а р у б е ж о м

<i>Конрад Грау</i> (ГДР). Изучение истории германо-славянских отношений в ГДР	113
<i>Франьо Туджман</i> (СФРЮ). О работе Института истории рабочего движения Хорватии	119
<i>Павол Петрус</i> (ЧССР). О научно-исследовательской работе литературоведов на Философском факультете университета им. П. Й. Шафарика в Кошицах	122

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ,
 В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора),
 Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ,
 Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора),
 Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ,
 Я. Б. ШМЕРАЛЬ

К. И. МИКУЛЬСКИЙ

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ЛИКВИДАЦИИ ЭКСПЛУАТАТОРСКИХ КЛАССОВ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ ЕВРОПЫ

На основе глубокого анализа мирового развития XXIII съезд КПСС констатировал, что за последние годы мировая социалистическая система еще более окрепла, повысился ее международный авторитет, ее влияние на судьбы человечества. Советский Союз уверенно идет по пути строительства коммунизма. В других странах социалистического содружества «неуклонно укрепляется социалистический строй, совершенствуются новые общественные отношения, повышается благосостояние народа, растет международный престиж социалистических государств»¹.

Достижения братских стран народной демократии явились результатом коренных социально-экономических преобразований, важнейшим из которых была ликвидация эксплуатации человека человеком на основе обобществления средств производства.

Рассмотрим здесь основные формы и методы ликвидации эксплуататорских классов в социалистических странах Европы.

Во многих странах Центральной и Юго-Восточной Европы в период, предшествовавший народно-демократическим революциям, существовало два эксплуататорских класса: капиталистов и землевладельцев-помещиков. Эти два класса выступали в тесном союзе.

Несмотря на большие различия в уровне развития производительных сил, для стран Центральной и Юго-Восточной Европы была характерна относительно высокая концентрация капитала. Не только в экономически наиболее развитых странах этого района, но и в менее развитых странах сложилась монополистическая верхушка национальной буржуазии. Вместе с тем в их экономике в ряде случаев ведущее место занимал иностранный монополистический капитал (английский, французский, германский и др.). В большинстве стран монополистическая верхушка местной буржуазии выступала в роли агента иностранных монополий при расхищении природных богатств и эксплуатации трудящихся своих стран. В период второй мировой войны эти страны были либо захвачены германскими империалистами вооруженным путем, либо закабалены с помощью политических сделок германского фашизма с их правящими кругами и превратились фактически в колонии, в которых хозяйничал германский капитал.

Антагонизм между эксплуататорами и эксплуатируемыми в странах Центральной и Юго-Восточной Европы достигал большой остроты. В Польше, например, перед войной крупные и средние капиталисты

¹ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС съезду Коммунистической партии Советского Союза. М., 1965, стр. 7.

составляли 2%, а помещики — лишь 0,36% всего населения, однако они занимали господствующие позиции в экономической и политической жизни страны². Буржуазия экономически отсталых стран этого района в целях получения высокой прибыли в большей мере, чем буржуазия экономически развитых стран, прибегала к чрезмерной интенсификации труда, к резкому занижению заработной платы. О том, в какой пропорции «распределялся» национальный доход между классами, можно судить хотя бы по такому факту: в 1939 г. в Болгарии буржуазия присвоила 72% созданного в промышленности национального дохода. За период с 1924 по 1944 г. иностранный капитал выкачал из Болгарии, по неполным данным, более 1 триллиона левов. На производственные цели эксплуататорские классы страны использовали ничтожную часть своих доходов. В период с 1924 по 1944 г. капиталовложения составляли всего 4—5% национального дохода в год³.

Процесс концентрации и централизации капитала в этих странах, по большей части, не сопровождался подъемом производительных сил. Капиталистические монополии, представленные зачастую иностранным капиталом, как правило, не базировались на высокоразвитой индустрии. Для этих стран было характерно наличие многочисленных слоев средней и мелкой буржуазии. Эти слои испытывали большое давление со стороны монополистического капитала, разорялись, не выдерживая конкуренции с ним, и в то же время, стремясь сохранить свои позиции, усиливали эксплуатацию трудящихся.

В деревне, наряду с гнетом помещиков, усиливался гнет финансового капитала, различными путями подчиняющего себе сельское хозяйство. Ускорялась классовая дифференциация крестьянства, в процессе которой выделялась немногочисленная кулацкая верхушка, а все бóльшая часть крестьянства превращалась в пролетариев и полупролетариев.

Обострению классовых противоречий способствовали не только усиление финансовой олигархии, проникновение капитализма в деревню и т. п., но и консервация в большинстве стран отдельных пережитков феодализма. Это выражалось в сохранении помещичьего класса, в методах эксплуатации трудящегося крестьянства со стороны крупных землевладельцев, во всем укладе деревенской жизни.

Сохранение помещичьего класса во многих странах Центральной и Юго-Восточной Европы было обусловлено историческим типом развития капитализма в сельском хозяйстве этих стран: замена феодального способа производства капиталистическим протекала постепенно, эволюционным путем. Конечно, хозяйство крупных землевладельцев-помещиков и капиталистических предпринимателей базировалось в основном уже на капиталистической эксплуатации. Однако сохранялся ряд существенных черт помещичьего хозяйства: родовые латифундии, широкое использование кабальных, полукрепостнических форм эксплуатации крестьянства, включавших элементы личной зависимости рабочей силы, экстенсивный способ хозяйствования, большая роль ренты в структуре помещичьих доходов и т. д. Лишь в Болгарии еще в XIX в. в ходе национально-освободительной борьбы против турецкого ига феодальное землевладение было ликвидировано, а потому класса помещиков не существовало; начиная с последней четверти XIX в. сельское хозяйство там развивалось по ка-

² «Hospodárske informace ze zahraničí», 1964, № 9. Подробный анализ классовой структуры общества в Польше в межвоенный период см.: J. Ś z c z e p a Ź s k i. *Zmiany w strukturze klasowej społeczeństwa polskiego*. В кн.: *Przemiany społeczne w Polsce Ludowej*. Studia pod redakcją Adama Sarapaty. Warszawa, 1965.

³ «15 лет народной власти в Болгарии». София, 1959, стр. 75; «Die Industrialisierung der Volksrepublik Bulgarien in den Jahren der Volksmacht». Sofia, 1959, S. 7.

питалистическому пути без существенных феодальных пережитков. Это относится и к ряду районов Югославии.

В сельском хозяйстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы наблюдался, с одной стороны, процесс концентрации земельной собственности и земледользования в руках капиталистической верхушки⁴, а с другой — дробления крестьянской земельной собственности. Число крестьянских хозяйств повсеместно возрастало, размер же земельной площади, приходившейся в среднем на одно хозяйство, сокращался, усиливалась чересполосица. Процесс концентрации сельскохозяйственных машин, крупного инвентаря, рабочего скота в крупных хозяйствах протекал даже быстрее концентрации земельной собственности, и доля этих хозяйств в общей массе имеющих в сельском хозяйстве машин, инвентаря и т. п. была значительно выше их доли в обрабатываемой площади.

Не только мелкие, но и середняцкие хозяйства зачастую обходились примитивным инвентарем, не имели рабочего скота и т. д. Например, в Болгарии по данным переписи 1934 г. на каждые два хозяйства приходилось по одной деревянной сохе, на каждые три хозяйства — по одной молотильной доске. Всего лишь 6,4% хозяйств имели бороны, 1,17% — рядовые сеялки, 0,07% — сенокосилки, 18,8% — веялки. Каждое седьмое хозяйство вообще не имело сельскохозяйственного инвентаря⁵. Многие крестьянские хозяйства не покрывали издержек производства, и их задолженность ростовщикам, помещикам, кулакам систематически возрастала; разорение крестьянских хозяйств носило массовый характер. Так, в Болгарии общая сумма задолженности крестьянских хозяйств составляла в 1934 г. 21 млрд. левов, т. е. была на 6 млрд. левов больше годового валового дохода всего сельского хозяйства⁶. Задолженность крестьян Чехословакии в 1935 г. была равна годовому валовому доходу сельского хозяйства страны⁷.

Из года в год возрастала численность сельских пролетариев и полупролетариев. Так, в Чехословакии по переписи 1930 г. примерно $\frac{1}{3}$ всех занятых в сельском хозяйстве составляли наемные рабочие; многие из них были безземельными батраками, остальные владели клочком земли, однако он давал лишь дополнительный доход к заработку, получаемому от работы по найму⁸. В Болгарии в 1934 г. батрачила почти половина всех владельцев крестьянских хозяйств, причем число безземельных крестьян составляло к 1936 г. 16,5 процента всех крестьянских хозяйств⁹. Эти данные свидетельствуют о далеко зашедшей пролетаризации сельского населения.

На завершающем этапе второй мировой войны в результате побед Советской Армии и народных вооруженных восстаний в странах Центральной и Юго-Восточной Европы были разгромлены фашистско-коллаборационистские режимы. Активизировались все демократические и

⁴ В отдельных случаях в силу специфики экономического и политического развития тенденция к концентрации земельной собственности была выражена слабо. Так, Тодор Левашки, анализируя развитие земельных отношений в Болгарии в период 1926—1934 гг., приходит к выводу, что в эти годы процесса концентрации земельной собственности не наблюдалось (см. «Известия на Икономическия Институт», кн. 3—4, год. XIII, том 24. София, 1963). Однако и тогда происходило укрепление позиций капиталистической верхушки в сельском хозяйстве, что находило свое выражение в расширении использования наемного труда, арендных отношений, интенсификации сельскохозяйственного производства в капиталистических хозяйствах и т. д.

⁵ «Болгарская деревня по пути кооперирования». София, 1959, стр. 9.

⁶ «15 лет народной власти в Болгарии», стр. 52.

⁷ И. М. Маергойз. Чехословацкая социалистическая республика. М., 1964, стр. 610.

⁸ Там же.

⁹ «15 лет народной власти в Болгарии», стр. 49, 50.

патриотические силы, быстрыми темпами формировалось широкое единство этих сил при руководящей роли рабочего класса. Народы стран Центральной и Юго-Восточной Европы вступили на путь демократии и социального прогресса. При этом последовательная политика Советского Союза, направленная на защиту демократических завоеваний, воспрепятствовала вмешательству империалистических держав во внутренние дела этих стран.

Коммунистические и рабочие партии стран Центральной и Юго-Восточной Европы, стоявшие во главе революционного движения масс, учитывая обстановку в своих странах, исходили из возможности осуществления в основном мирным путем революционных преобразований после освобождения от фашистского ига. Жизнь подтвердила правильность этого курса: внутренняя и внешняя реакция оказалась не в состоянии помешать становлению нового строя.

По мере углубления революционных преобразований в странах народной демократии Европы утверждалась диктатура рабочего класса и было начато строительство основ социализма. Переход государственной власти в руки трудящихся при руководящей роли рабочего класса явился решающей предпосылкой для осуществления перестройки классовой структуры общества. При этом одни группы эксплуататоров — помещики, финансовая олигархия, а также коллаборационисты из других слоев буржуазии — оказались к моменту народно-демократических революций уже полностью изолированными от народа; их антинародная политика была в полной мере разоблачена. Но некоторые эксплуататорские группы в тот период еще имели определенное политическое влияние, и предстояло в открытой политической борьбе изолировать их, дав народным массам возможность накопить опыт классовой борьбы, глубже уяснить перспективы общественного развития. Рост политической зрелости, классового самосознания трудящихся — один из решающих факторов, определивших темпы общественных преобразований.

Важно подчеркнуть и другое обстоятельство: в первое время существования народной власти решались задачи национально-освободительные, антифашистские, антиимпериалистические, а в ряде стран и антифеодальные. Некоторая часть эксплуататоров проявляла готовность участвовать в решении этих задач, поскольку они не противоречили ее интересам. Поэтому коммунистические и рабочие партии стремились вовлечь эти слои в общенародное революционное движение. Наконец, требовалось определенное время (особенно в условиях послевоенной разрухи) для организации и расширения социалистического производства в масштабах, которые позволили бы удовлетворять основные материальные потребности общества. По мере создания необходимых политических и экономических предпосылок эксплуататоры постепенно, вплоть до их полной ликвидации, вытеснялись из различных сфер экономики. Последовательная экспроприация одного слоя эксплуататоров за другим отражала процесс развития классовой борьбы, углубления революции, являясь следствием все более полного сосредоточения государственной власти в руках рабочего класса и укрепления его руководящей роли среди остальных трудящихся.

Несмотря на существенные различия в темпах и последовательности ликвидации эксплуататорских классов в странах народной демократии Европы, можно выделить несколько этапов, более или менее общих для всех этих стран: 1) этап ликвидации крупного землевладения и монополистической верхушки буржуазии, начавшийся в 1944—1945 гг. и завершившийся в 1946—1947 гг., причем в ряде стран уже на этом этапе были осуществлены важные мероприятия по ликвидации средней буржуазии;

2) этап ликвидации подавляющей части средне- и мелкокапиталистических слоев не только в промышленности, но и в торговле и других отраслях, кроме сельского хозяйства (примерно 1947—1949 гг.); 3) этап завершения ликвидации остатков капиталистических элементов в несельскохозяйственных отраслях, а также ограничения и частичной ликвидации капиталистической верхушки деревни (примерно 1949—1953 гг.); 4) этап дальнейшего ограничения и вытеснения, а затем и полного завершения ликвидации кулачества как класса на основе практически полного охвата крестьянства производственным кооперированием (к 1958—1962 гг.).

В большинстве европейских стран народной демократии ликвидация крупных землевладельцев началась раньше и завершилась скорее, чем ликвидация крупных и средних капиталистов в городе. Так как законы о земельной реформе в большинстве этих стран предусматривали довольно высокий максимальный размер земельной собственности, в основном они непосредственно не затрагивали позиций кулачества. Лишь в Болгарии (а также в Албании на втором этапе проведения земельной реформы) эти преобразования были направлены преимущественно на ограничение кулацко-капиталистических хозяйств (там был установлен наименьший максимальный размер частного землевладения). В других же странах в ходе земельной реформы были конфискованы только те кулацко-капиталистические хозяйства (величиной менее установленного максимума частного землевладения), которые принадлежали фашистам, военным преступникам, коллаборационистам. Поэтому средние и мелкие капиталистические хозяйства здесь частично сохранили свои позиции. Даже в Болгарии, где был более ярко выражен антикапиталистический характер земельной реформы, на основании закона о трудовой земельной собственности была отчуждена земля лишь примерно у 10% кулацких хозяйств, так как около 90% кулацких хозяйств входили в группу хозяйств с земельными участками менее установленного законом максимума¹⁰. Максимум земельной собственности составлял в Чехословакии и Румынии 50 га, в Венгрии — 57 га, Польше — 100 га или 50 га пашни (а в трех западных воеводствах — 100 га независимо от размеров пашни), в ГДР — 100 га, Болгарии — 20 га (и 30 га в районах Южной Добруджи), Албании — 5 га на семью и дополнительно по 2 га на каждого женатого члена семьи, Югославии — 45 га сельскохозяйственной земли или 25—35 га пашни. В 1953 г. в Югославии был издан закон, согласно которому максимальный размер землевладения был снижен до 10—15 га. Для хозяйств батраков и сельскохозяйственных рабочих, получивших землю, или малоземельных крестьян, расширивших в результате прирезки земли площадь своих хозяйств, устанавливался значительно более низкий максимум землевладения. Например, в Польше он составлял 15—20 га сельскохозяйственной площади. В ряде стран предусматривались некоторые исключения, допускавшие известное превышение установленного максимума землевладения, например, для лиц, имевших заслуги в борьбе с фашизмом, для владельцев опытных хозяйств¹¹.

Демократические земельные реформы если и не устранили, то все же серьезно затормозили капиталистическое развитие в сельском хозяйстве.

Как правило, запрещалась купля-продажа и аренда земли, полученной по земельной реформе; это означало практически изъятие из частного оборота в большинстве стран более $\frac{1}{3}$ всей сельскохозяйственной

¹⁰ В довоенной Болгарии использовали наемный труд батраков почти 75% хозяйств размером от 10 до 20 га. См.: М. М а р к о в. Към въпроса за класовите изменения в НРБ. София, 1960, стр. 109.

¹¹ Подробнее см.: А. П е т р о в. Социалистическое строительство в сельском хозяйстве европейских стран народной демократии. М., 1951.

площади (например, в Чехословакии фонд земельной реформы, из которого наделялись землей безземельные и малоземельные крестьяне и выделялись земли для государственных хозяйств, составил 38% всей площади, в Польше — 34%; лишь в Болгарии из-за отсутствия крупнопомещичьего землевладения фонд реформы составлял только 4,5% всей сельскохозяйственной площади страны).

В ряде случаев законами о земельной реформе устанавливалось, что обработка земли, полученной по реформе, должна производиться без применения наемной рабочей силы. Были ограничены права собственников на сдачу земли в аренду.

Часть земель, конфискованных в результате аграрных реформ, была национализирована и на них созданы государственные хозяйства, но основной земельный фонд в большинстве стран распределялся между безземельными и малоземельными крестьянами, которые получили от народно-демократического государства участки земли на правах частной собственности.

Земельные реформы не только привели к ликвидации крупного землевладения, но и существенно изменили социальную структуру крестьянства. Сократился удельный вес малоземельных хозяйств, а их средний размер увеличился. Доля средних крестьянских хозяйств существенно повысилась как в общей численности хозяйств, так и во всей сельскохозяйственной площади. Их средний размер также возрос. Средние хозяйства окрепли и стали доминирующей социальной группой в деревне. Хотя деревня продолжала оставаться арендой ожесточенной классовой борьбы, мероприятия народной власти в значительной мере положили конец процессу размывания среднего крестьянства, характерному для этих стран до победы нового строя. В ходе индустриализации владельцы мельчайших и мелких хозяйств или члены их семей все более включались в работу на промышленных предприятиях, в госхозах и т. д., что резко повышало их жизненный уровень. Тем самым в деревне исчезал слой бедноты, резко сузились возможности крупного крестьянства эксплуатировать дешевую наемную рабочую силу.

Ликвидация крупной и средней городской буржуазии была осуществлена в европейских странах народной демократии постепенно, несколькими этапами. В значительной мере это было обусловлено тем, что в большинстве этих стран революционные преобразования, носившие на самом начальном этапе антиимпериалистический и антифашистский характер, постепенно перерастали в социалистические. Первыми мероприятиями в этом направлении были конфискация имущества фашистов, военных преступников, лиц, сотрудничавших с оккупантами, и т. п., а также конфискация германского и итальянского имущества. В руки народа перешли и предприятия, являвшиеся собственностью капиталистических государств. Наряду с этим производилась национализация банков, важнейших средств транспорта, средств связи, национализация или принудительный выкуп важнейших промышленных предприятий, передача во владение государства имущества, брошенного его собственниками, национализация всех предприятий в некоторых ведущих отраслях промышленности и т. п. Эти мероприятия первоначально носили характер демократических преобразований, направленных против германского и итальянского капитала и монополистической верхушки местной буржуазии, коллаборационистов и военных преступников. Они вели к ликвидации отдельных групп буржуазии, но сами по себе еще не означали курса на ликвидацию капиталистов как класса.

Последующее упрочение народной власти, формирование народно-демократического государства как органа диктатуры рабочего класса

предопределили дальнейшее развертывание национализации основных средств производства и ее социалистический характер. На последующих этапах национализирована была подавляющая часть промышленности. Важнейшие отрасли промышленности были национализированы, как правило, вне зависимости от их размеров. В остальных отраслях национализации подлежали в большинстве стран предприятия, на которых производственные мощности или численность рабочих превышали максимум, устанавливаемый законами¹². В большинстве европейских стран народной демократии была национализирована вся промышленность, за исключением мелкой. В тех отраслях, в которых критерием для национализации служила численность рабочих, были национализированы: в Чехословакии — предприятия, на которых когда-либо в период с 1 января 1946 г. по момент принятия закона о национализации в апреле 1948 г. работало более 50 чел., в Венгрии — предприятия с 10 и более рабочими (а в некоторых отраслях — с 5 и более рабочими), в Польше — предприятия, на которых при работе в одну смену могло быть занято более 50 чел., в Румынии — предприятия с числом рабочих более 10. В Болгарии, Албании и Югославии практически были национализированы все предприятия, кроме кустарно-ремесленных. Особенностью социально-экономических преобразований в ГДР было то, что в собственность народа в течение 1945—1948 гг. перешли на основе конфискации только предприятия военных преступников, активных нацистов и лиц, наживавшихся на подготовке и ведении войны.

Ликвидация в ходе социалистических преобразований собственности иностранного капитала была основой упрочения национальной независимости европейских социалистических стран, одной из важнейших предпосылок подъема их экономики.

Национализация основных средств производства и обращения, осуществленная в 1945—1949 гг., завершилась почти полным переходом в руки народно-демократического государства промышленности, банков, средств транспорта и связи, оптовой торговли. Государство сосредоточило в своих руках также большую часть розничного товарооборота и крупные предприятия бытового обслуживания населения.

В отличие от СССР, где национализация была осуществлена безвозмездно, в социалистических странах Европы сочетались методы безвозмездного отчуждения и выкупа. Компенсации подлежала стоимость национализируемого имущества юридических и физических лиц иностранных государств (кроме Германии и Италии). Размер компенсации и порядок ее выплаты устанавливались путем заключения соглашения с соответствующим государством. В ряде случаев компенсировалась и стоимость национализируемого имущества граждан данной страны. Иногда предусматривался в различных формах частичный выкуп. Во всех странах лишались права на компенсацию: лица, бежавшие из страны, сотрудничавшие с фашистскими властями, совершившие преступления против народной власти и т. п. Дальнейшее углубление революционных преобразований избавило трудящиеся массы от выплаты значительных средств свергнутым эксплуататорам.

В результате проведенных преобразований социалистическому сектору в европейских странах народной демократии стали принадлежать командные высоты народного хозяйства. Однако и после проведения земельных реформ и национализации основных средств производства экономика этих стран продолжала оставаться многоукладной. Наряду с

¹² См. А. Н. Иодковский. Национализация в европейских странах народной демократии. Сравнительный обзор законодательства. М., 1956.

социалистическим сектором, занимавшим ведущие позиции, в различных отраслях народного хозяйства, особенно в сельском хозяйстве, еще имелись капиталистические предприятия, в основном мелкие, а также существовал многочисленный слой простых товаропроизводителей (средние и мелкие крестьянские хозяйства, кустари и ремесленники, мелкие розничные торговцы).

После осуществления национализации главное место в деятельности социалистических государств, направленной на ограничение, а затем и вытеснение оставшихся капиталистических элементов в городе и деревне, заняли средства экономической политики. В народном хозяйстве велась борьба между социалистическими и капиталистическими формами хозяйства. Рост социалистического сектора вел к сужению сферы действия экономических законов капитализма и одновременно подрывал механизм их функционирования на тех участках народного хозяйства, где еще сохранялась капиталистическая собственность на средства производства. Социалистический сектор не только добился всестороннего перевеса над капиталистическим, но и стал играть ведущую роль по отношению к мелкотоварному сектору. Рабочий класс, связанный в основном с социалистическим сектором, укреплял экономический союз с трудящимся крестьянством (товарообмен между промышленностью и сельским хозяйством, помощь, оказываемая крестьянству со стороны МТС, и т. д.) и постепенно сводил на нет экономические связи между мелкотоварным и капиталистическим секторами. Тем самым из-под влияния капиталистического сектора вырывалась та социально-экономическая сфера, которая была важной базой его развития.

Одновременно велась социалистическая перестройка крестьянского хозяйства. На основе опыта первых социалистических предприятий в сельском хозяйстве, благодаря разъяснительной работе партии рабочего класса и при большой материальной и организационной помощи государства в деревне развернулся процесс производственного кооперирования крестьянства. Создание сельскохозяйственных производственных кооперативов началось в Болгарии уже в 1944 г., в Венгрии — в 1948 г., в Чехословакии и Румынии — в 1949 г., в ГДР — в 1952 г.¹³

Социалистическое государство расширяло фронт наступления на капиталистические элементы. В результате политики индустриализации и технического перевооружения всех отраслей народного хозяйства позиции социалистического сектора неуклонно укреплялись. Тем самым создавались условия для полной ликвидации зависимости народного хозяйства от капиталистических элементов, назревала возможность полной замены капиталистического производства производством, базирующимся на социалистических формах хозяйства (в том числе и в сельском хозяйстве).

Одновременно завершался процесс постепенного лишения капиталистических элементов материальной базы их эксплуататорской деятельности¹⁴.

Наряду с экспроприацией, социалистическое государство прибегало и к различным ограничительным мерам по отношению к частным предприятиям (государственная регламентация найма рабочей силы, оплаты на-

¹³ В ряде стран небольшое число сельскохозяйственных производственных кооперативов было создано еще раньше, в первые же годы после освобождения.

¹⁴ В отличие от других социалистических стран Европы в ГДР на стадии завершения ликвидации капиталистических элементов получили распространение смешанные государственно-частные предприятия как форма постепенного социалистического преобразования капиталистического сектора. Полугосударственные предприятия создаются там в условиях господства социалистического сектора не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве и в других отраслях экономики.

емного труда, условий труда, реализации продукции, налогообложение и др.). Капиталистические элементы все более лишались той роли, которую они отчасти еще продолжали играть в организации общественного производства и обмена, сужалась сфера приложения их капитала; они лишались возможности использовать в своих интересах различные звенья процесса производства и обращения. Например, укрепление МТС и различные формы помощи государства крестьянству устраняли зависимость крестьянских хозяйств от кулачества; расширение сети социалистической розничной торговли вело к вытеснению частной торговли. Налоговая политика социалистического государства обеспечивала изъятие у капиталистов значительной части присваиваемой ими прибавочной стоимости. Уменьшению прибылей капиталистических элементов способствовало также государственное регулирование цен. В результате экономических мероприятий социалистического государства в корне подрывалась возможность расширенного воспроизводства капитала. Оборот капитала был поставлен в такие рамки, которые зачастую обуславливали свертывание предпринимательской деятельности. Разумеется, наиболее широко наступление на капиталистический сектор развернулось тогда, когда в ходе социалистического строительства были созданы необходимые не только политические, но и экономические предпосылки для его вытеснения и полной ликвидации.

Последним относительно многочисленным эксплуататорским слоем, располагавшим значительной экономической базой, было кулачество. В ходе социалистического строительства протекал процесс его ограничения и постепенного вытеснения. Социалистическое государство использовало такие рычаги, как установление максимальных размеров земельной собственности, ограничение, а в ряде случаев запрещение купли-продажи и аренды земли, закрепление за государством преимущественного права аренды земли, запрещение или ограничение найма рабочей силы, прогрессивные ставки налогообложения и обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству, дифференцированные (в зависимости от размеров хозяйств) тарифы за работы МТС, ограничение и запрещение свободной продажи сельскохозяйственной техники и др. Эти меры вели к уменьшению размеров и сокращению численности кулацких хозяйств. Например, в Чехословакии за период с 1952 по 1957 г. доля кулацких хозяйств в пахотной земле сократилась с 14,1 до 1,6%¹⁵. В Болгарии после земельной реформы оставалось около 4 тыс. хозяйств размером более 20 га, в 1953 г.— 147, в 1956 г.— всего лишь 6; число хозяйств размером от 10 до 20 га, часть которых в условиях Болгарии также относилась к кулацким, сократилась с 6615 в 1953 г. до 773 в 1956 г.¹⁶

В обстановке, сложившейся в европейских социалистических странах, стало возможным прибегнуть к гибким формам ликвидации кулачества как класса. Основной формой ликвидации кулацких хозяйств было сведение их до размеров середняцких, а не полная экспроприация. Некоторая часть кулачества бросала занятие сельским хозяйством и устраивалась на работу в другие отрасли. Но значительная часть кулаков, оставшаяся в деревне, была вынуждена под влиянием экономической политики социалистического государства отказаться от использования наемной рабочей силы, ростовщичества и т. п. и продолжала вести хозяйство в масштабах, обычно присущих середнякам. В этих странах зачастую становилось возможным ликвидировать экономическую базу кулачества в значительной мере еще до полного завершения кооперирования крестьянства.

¹⁵ A. Novotný. Projevy a stati. Sv. 2. 1958—1962. Praha, 1964, s. 29.

¹⁶ М. Марков. Там же, стр. 108, 125.

Большую роль в изменении социального положения кулаков сыграло принятие их в кооперативы и обобществление на этой основе принадлежавших им средств производства. При этом были предусмотрены необходимые меры для того, чтобы прежнее социальное положение бывших кулаков, вступивших в кооперативы, не использовалось ими в корыстных целях. Например, в Чехословакии кооперативы ограничивали выкупные платежи за имущество, внесенное в кооператив бывшими кулаками. Это достигалось путем установления более высокого, чем для других крестьян, взноса в неделимый фонд; тем самым компенсации из средств кооператива подлежала меньшая, чем у других крестьян, доля внесенного в кооператив имущества.

К настоящему времени в сельском хозяйстве большинства европейских социалистических стран полностью победил кооперативный строй. Социалистическая перестройка деревни была в основном завершена в Болгарии — к 1958 г., в ЧССР, ГДР и Албании — в 1960 г., в Венгрии — в 1961 г., в Румынии — в 1962 г. В результате победы кооперативного сектора в деревне была окончательно решена проблема ликвидации кулачества как класса. Завершение производственного кооперирования крестьянства означало социалистическое преобразование наиболее массового мелко-собственнического слоя, в недрах которого в прошлом систематически рождались капиталистические элементы. Тем самым была окончательно ликвидирована почва для возрождения эксплуатации человека человеком.

Необходимо отметить, что и в тех странах, где производственное кооперирование еще не приняло массового характера (Польша, Югославия), положение крестьянства также в корне изменилось. Широкую популярность приобрели более простые формы кооперации (сельскохозяйственные кружки в Польше, кооперативы общего типа в СФРЮ). Укрепляются связи единоличных крестьянских хозяйств с социалистическим сектором по линии сбыта продукции, снабжения средствами производства, кредита и т. д. Как в польской, так и в югославской деревне почти полностью ликвидирован наемный труд в частном секторе. Таким образом, и в этих странах практически вытеснен кулацко-капиталистический уклад в сельском хозяйстве.

Общественная позиция того или иного слоя населения определяется не только его экономическим положением. Поэтому и после того, как эксплуататоры уже лишены своей экономической базы и тем самым уже не имеют возможности присваивать прибавочную стоимость, у них зачастую на длительное время сохраняется буржуазное мировоззрение. Это во многом определяет их позиции в общественной жизни, их роль в обществе. После лишения эксплуататоров средств производства начался этап преодоления буржуазной идеологии и буржуазных привычек. При этом коммунистические и рабочие партии стран народной демократии учитывают, что бывшие эксплуататоры с большей или меньшей активностью, сознательно или же стихийно оказывают воздействие на различные слои трудящихся, пытаются удержать их под влиянием буржуазной идеологии и даже расширить сферу ее влияния. Этому способствует то, что у них и после экспроприации в ряде случаев сохраняются некоторые материальные средства, позволяющие им вести нетрудовой образ жизни, развращать идейно неустойчивые элементы из других слоев общества. По мере решения задач, связанных с ликвидацией форм хозяйства, основанных на эксплуатации, борьба за завершение социального переустройства общества в условиях побеждающего социализма принимает форму борьбы за ликвидацию любых возможностей получения доходов нетрудовым путем, за пресечение любых форм социального паразитизма. Эта борьба приоб-

ретает все более глубокий и последовательный характер¹⁷. В процессе завершения социалистического строительства достигается почти полное вовлечение в социалистический сектор всех работающих. Участие в общественно полезном труде на социалистических государственных и кооперативных предприятиях служит основным фактором воспитания социалистического сознания у всех членов общества, независимо от их классового происхождения.

Таким образом, итоги социальных сдвигов, происшедших за годы социалистического строительства, заключаются в первую очередь в ликвидации эксплуататорских классов в городе и деревне. Это важнейший, определяющий результат пройденного этапа борьбы трудящихся масс за построение бесклассового общества. В европейских государствах народной демократии больше нет классов помещиков и капиталистов. Сохранившиеся в немногих странах остаточные формы эксплуатации человека человеком успешно ограничиваются и постепенно ликвидируются. «Представители бывших эксплуататорских классов уже потеряли какое бы то ни было экономическое и общественно-политическое значение и роль, — отмечалось в докладе Т. Живкова на VIII съезде БКП. — Грандиозные успехи социализма на международной арене и в нашей стране, в особенности успехи, достигнутые за последние годы, разбили все их надежды на реставрацию прошлого»¹⁸.

Таким образом, в большинстве европейских стран народной демократии в основном сформировалась новая классовая структура, характерная для социалистического общественного строя. Ликвидированы социально-экономические возможности реставрации капитализма. В братских социалистических странах уже заложен прочный фундамент социализма, и тот исторический этап, в который вступили или вступают эти страны, можно охарактеризовать в целом как этап завершения создания социалистического способа производства.

¹⁷ Например, в Болгарии в августе 1962 г. был издан Указ Президиума Народного Собрания об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни. В частности, у этих лиц конфискуется имущество, приобретенное нетрудовым или незаконным путем («Работническо дело», 7 VIII 1962).

¹⁸ Т. Ж и в к о в. VIII съезд Болгарской Коммунистической партии. София, 1963, стр. 126.

В. Д. КОРОЛЮК

«ДРАНГ НАХ ОСТЕН» И ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ, ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА

(Обзор основной проблематики исследования)

В настоящее время нет еще возможности точно указать время, когда впервые в политической и научной литературе появился термин «Drang nach Osten» — «Натиск на Восток». Ссылаясь на работы К. Шайнохи¹, польский исследователь Г. Лябуда полагает, что он возник еще до 1860 г.²

Впрочем, вопрос о времени появления термина «Дранг нах Остен» не является сколько-нибудь существенным, хотя общеисторические соображения, учитывающие нарастание пангерманистских тенденций в политике немецкой и австрийской буржуазии в конце 40—50-х годов XIX в. и соответствующую обостренную реакцию на эти тенденции в славянских странах, дают основание предполагать, что именно 50-е годы были вполне вероятным периодом появления и распространения термина «Дранг нах Остен». Для целей исследования гораздо более существенно, что как в советской, так и польской, и немецкой марксистской историографии³ вполне четко сформулирован и обоснован тезис, что германский «Дранг нах Остен» есть непреложный исторический факт и за этим термином стоит вполне реальное историческое явление — многовековая экспансия, осуществлявшаяся либо путем прямых захватов, либо в скрытой форме феодальной и патрицианской колонизации или, позже, — в форме капиталистического проникновения.

Совершенно очевидно, что историки-марксисты решительно выступают против попыток буржуазно-националистической историографии (как немецкой, так и славянской)⁴ представить восточную экспансию Германии как свойство, имманентно присущее немецкой нации, как ее

¹ K. S z a j n o c h a. Opowiadania historyczne, t. II. Lwów, 1961, s. 10—11.

² См. «Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе. Сборник статей по истории так называемого „Дранга нах Остен“». М., 1965, стр. 42—44.

³ Статья не ставит своей задачей дать общий обзор литературы, относящейся к проблемам «Дранга».

⁴ См., например, высказывания таких видных исследователей, как Г. Белов в Германии или Ф. Знанецкий в Польше (G. V. B e l o w. Die italienische Keiserpolitik des deutschen Mittelalters. München — Berlin, 1927; F. Z n a n i e c k i. Siły społeczne w walce o Pomorze. В сб.: «Polskie Pomorze», t. II, Toruń, 1931; cp. H. v o n S r b i k. Mitteleuropa. Das Problem und die Versuche seiner Lösung in der deutschen Geschichte. Weimar, 1938; W. F e l d m a n. Dzieje polskiej myśli politycznej. 1864—1914. Warszawa, 1933; J. B u z e k. Historia polityki narodowościowej rządu pruskiego wobec Polaków. Lwów, 1909; J. F e l d m a n. Problem polsko-niemiecki w dziejach. Katowice, 1946, и др.).

какую-то особую культурную и социально-экономическую миссию на Востоке или ее неотъемлемую черту народа-захватчика.

Вместе с тем ненаучными следует признать и попытки некоторых современных западногерманских историков затушевывать остроту славяно-германских отношений в прошлом, вопреки общеизвестным историческим фактам идеализировать прежде всего польско-германские и германо-чешские отношения в средние века и новое время.

Анализируя многовековой процесс германской экспансии на Восток, историки-марксисты исходят из тезиса, что подобно каждой экспансии, осуществляемой классовым обществом, германская восточная экспансия имела также классовый характер, служила прежде всего классовым интересам сначала германских феодалов, а затем буржуазии и обуржуазившегося юнкерства и, наконец, интересам империалистических монополий. Это не означает, что в ходе экспансии не происходили более или менее крупные передвижения населения, что в колонизационных потоках на Восток не участвовало трудовое население, крестьянское и городское.

Сама по себе длительность процессов германской восточной экспансии, растянувшейся более чем на тысячелетие, хотя и представляла собой явление чрезвычайно важное, не может все же считаться чем-то совершенно исключительным. По длительности она вполне сравнима с продвижением русского и украинского крестьянства, казачества, купцов, промышленников и отчасти помещиков на север, юг и восток нашей страны. Огромные территориальные масштабы германской экспансии, осуществлявшейся на пространстве между Балтийским морем и Адриатикой и между Лабой и Черным морем и далее на Восток до Волги, — тоже явление не исключительное в мировой истории. Еще больший масштаб имели феодальная арабская экспансия, а тем более выход России к берегам Тихого океана.

Само собой разумеется, что, как и в иных аналогичных случаях, германская восточная экспансия не была непрерывным, равномерно развивающимся процессом. Периоды усиления этой экспансии сменялись этапами ее временного ослабления. При этом успехи и неудачи германской экспансии на Восток определялись не только внутренним состоянием Германии; но и в огромной мере силой и организованностью противостоящих ей стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. К этому положению нам еще придется неоднократно возвратиться в ходе наших дальнейших рассуждений. В настоящей же связи гораздо важнее подчеркнуть, что основные решающие этапы «Натиска на Восток» уже достаточно подробно определены в литературе по этому вопросу⁵.

Применительно к рассматриваемому здесь периоду феодализма до конца XVIII в. можно четко охарактеризовать четыре основные волны германской восточной экспансии.

⁵ См.: «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии». Под ред. З. Р. Неедлы. М., 1944; Н. С. Д е р ж а в и н. Вековая борьба славян против немецких захватчиков. М., 1943; ср. также соответствующие разделы в многотомном издании «Очерки истории СССР», М., 1953—1958 и коллективных трудах «История Польши», т. I—III, М., 1956—1958; «История Чехословакии», т. I—III, М., 1956—1960; «История Югославии», т. I—II, М., 1963; из польской литературы следует в первую очередь указать на материалы конференции, состоявшейся во Вроцлаве в 1950 г., по германо-польской проблематике — *Sobótka*, 1950, № 5; «Германская экспансия в Центральной и Восточной Европе»; Ф. Х. Г е н т ц е н. Предмет, развитие и содержание империалистического немецкого остфоршунга. — «Советское славяноведение», 1965, № 3. Здесь дана подробная библиография вопроса. Ср. *Leo Stern*. Die Klerikal-imperialistische Abendlandideologie in Dienste des deutschen Imperialismus. — «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1962, № 2, и др.

IX век — борьба восточнофранкских феодалов с Великоморавской державой, прерванная вторжением венгров, неоднократно опустошавших во время своих стремительных набегов, особенно в первой половине X в., не только славянские, но и немецкие земли.

Вторая половина X — начало XI в. — натиск Германской империи на полабо-прибалтийское славянство, Чехию и Польшу, не приведший, однако, к осуществлению широких захватнических планов германских феодалов на Востоке, сначала из-за всеобщего восстания полабо-прибалтийского славянства в конце X в., а затем из-за длительных и кровавых польско-немецких войн начала XI в. и сложной политической игры раннефеодальных Венгрии и Чехии.

XIII — начало XV в. — захват словенских земель Габсбургами, покорение полабо-прибалтийского славянства, пруссов, экспансия в Восточную Прибалтику, осуществлявшиеся Бранденбургом, Тевтонским и Ливонским орденами и приостановленная Ледовым побоищем в середине XIII в., Грюнвальдской битвой и гуситским революционным движением в начале XV в., а затем Тринадцатилетней войной Польши с Тевтонским орденом (1454—1466 гг.) и разгромом Ливонского ордена Россией в середине XVI в.

XVI—XVIII вв. — образование в Дунайском бассейне многонациональной монархии Габсбургов, поработивших Чехию, Словакию, Венгрию и Хорватию и приступивших к широкой экспансии на Балканах, а также начавшийся с середины XVII в. военно-политический подъем Пруссии Гогенцоллернов, захвативших в начале XVIII в. Западное Поморье, в середине XVIII в. — основную часть Силезии и в конце этого столетия подчинивших себе в результате разделов Речи Посполитой львиную долю польских земель.

Этот последний, четвертый, этап германской феодальной экспансии на Восток был прерван в конце XVIII — начале XIX в. событиями Французской революции и наполеоновскими войнами с европейскими абсолютистскими режимами, из которых и Пруссия и Австрия вышли серьезно ослабленными в военно-политическом отношении.

Новый этап германской восточной экспансии, начавшийся в середине XIX в., связан уже с политикой и идеологией германской и австрийской буржуазии, заключившей союз со своими переходившими на путь капиталистического хозяйствования помещиками и военно-феодальными монархическими режимами Гегенцоллернов и Габсбургов. Но этот этап уже не входит в хронологические рамки данной статьи.

Краткий обзор основных этапов германского феодального «Натиска на Восток» позволяет помимо сформулированного уже положения, что «Дранг нах Остен» не был непрерывным и все нарастающим процессом, прийти еще к одному важному выводу: с ходом времени изменялись не только темпы германской экспансии, но и силы феодального класса Германии, а также состав групп феодалов, заинтересованных в политике «Дранг нах Остен» и являющихся ее инициаторами. Таким образом, не только абсолютно ненаучно объявлять «Дранг нах Остен» исторической миссией всего немецкого народа, но необходимо еще четко выделять на разных его этапах те группы германских феодалов, которые были его инициаторами и проводниками.

Следует сказать, что и в этом отношении германская феодальная экспансия не представляла собой какого-либо исключительного явления.

Итак, ни классовая природа германской восточной экспансии, ни ее масштабы и даже ни ритм ее исторического развития сами по себе не дают еще оснований считать ее явлением, присущим именно и только Германии.

В чем же в таком случае состоит специфика германской экспансии на Восток, заставляющая историков нескольких поколений столь скрупулезно анализировать ее как историческое явление, самым внимательным образом изучать ее как процесс?

На наш взгляд, специфика эта определяется прежде всего тем, что кровавый «Дранг нах Остен», бывший в период феодализма формой и направлением феодальной германской экспансии, в XIX в. с возникновением империи Бисмарка становится еще одним из элементов буржуазно-юнкерской националистической идеологии германского капитализма, а впоследствии и империализма. Став идеологией, «Дранг нах Остен» помог классу юнкеров-помещиков и военно-феодальной монархии заключить союз с германской буржуазией, дал, так сказать, историческое и идеологическое обоснование воинствующему пангерманизму. При Вильгельме II он служил германскому империализму в качестве «исторического» обоснования планов установления германской гегемонии в Европе, а в III Рейхе оказался краеугольным камнем фашистских теорий жизненного пространства, расовой неполноценности славянских и других центрально- и восточно-европейских народов, служил чудовищным планам германского империализма по завоеванию мирового господства.

Развиваясь параллельно в тесной взаимозависимости как политика восточной экспансии и как ее идеология, «Дранг нах Остен» способствовал развязыванию двух опустошительных мировых войн, вторая из которых поставила под угрозу само существование человеческой цивилизации. И сегодня идеи «Дранг нах Остен» являются краеугольным камнем идеологии тех политических сил, которые угрожают человечеству третьей мировой войной.

Но определив таким образом специфику «Натиска на Восток» как явления германской феодальной экспансии, очевидно, необходимо поставить и следующий вопрос: является ли сам факт превращения феодальной экспансии в идеологическое орудие экспансии капиталистической случайностью в истории Германии (а шире — в истории всей Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы) или он был подготовлен предшествующим конкретно-историческим ходом германской феодальной экспансии на Восток?

Вопрос этот требует ответа, так как именно от него зависит общая оценка «Дранг нах Остен» как исторического явления, его роли и влияния на историческое развитие сопредельных с Германией народов.

Думается, что ответ на этот вопрос может быть только один: специфика «Дранг нах Остен», его превращение в империалистическую идеологию не было исторической случайностью, а было обусловлено как особенностями развития «натиска на Восток» в период феодализма, так и прежде всего самим характером германского прусско-юнкерского государства, в котором феодальные традиции и в первую очередь «Дранг нах Остен» сделались частью официальной государственной идеологии.

Говоря о восточной экспансии германских феодалов, следует принять во внимание два важнейших фактора. Во-первых, начиная продвижение на Восток, они сталкивались не с отсталыми, находившимися еще на стадии первобытно-общинного строя племенами, для которых, как свидетельствует исторический опыт, губительным является уже само соприкосновение с цивилизацией классового общества, а с народами, уже вступившими на путь развития феодального общества. Следует подчеркнуть, что наблюдение это касается не только славянских народов в IX—X вв., создававших свои относительно единые крупные раннефеодальные государства, но и венгров, в течение X века на основе усвое-

ния местной высокой культуры быстро прошедших период формирования типичных для земледельческой страны феодальных отношений и к концу X в. выступавших уже на европейской политической арене в качестве сильного государства раннефеодального типа, и даже народов Восточной Прибалтики, хотя процессы феодализации развивались здесь относительно более замедленными темпами.

Такое положение было естественным следствием высокого уровня развития материальной культуры, достигнутого этими народами в I тысячелетии н. э., так что в X в. славянские народы во всех основных областях хозяйственной жизни не отставали от своих западных соседей⁶. Вместе с тем для развития самой Германии было показательно заметное отставание от стран Западной Европы. Особенно важно подчеркнуть это относительно Саксонии⁷, куда в X в. переместился центр политической жизни страны.

Во-вторых. Многовековая кровавая экспансия немецких феодалов на Восток, несмотря на ряд успехов, в результате которых существенно расширилась территория немецкого языка, не привела, однако, к полному преобладанию немецких феодалов в Центральной и Юго-Восточной, а тем более в Восточной Европе. Результатом ее было обострение национальных противоречий в этой части Европы, подъем национального самосознания в таких странах, как Польша, Венгрия, Русь и др., что явилось прямым следствием их общего, хотя и неравномерно развивавшегося социально-экономического и культурного прогресса.

Иными словами, оказав существенное влияние на историческое развитие народов Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, германский «Дранг нах Остен» за известными исключениями (об этом речь пойдет ниже) не смог прервать их самостоятельного развития.

Второй фактор, разумеется, самым тесным образом генетически связан с первым. Вместе с тем обстоятельства эти определили и необычайно жесткий характер немецкого буржуазного национализма, ибо германская буржуазия ставила своей задачей не только порабощение в той или иной форме соседних народов — она стремилась представить их неисторическими, неспособными к самостоятельному политическому, экономическому и культурному развитию. Оба эти фактора, на наш взгляд, с учетом территориальных и временных масштабов германской экспансии на Восток, с учетом ее исторического значения (здесь невольно напрашивается сравнение с польской магнатско-шляхетской восточной экспансией, потерпевшей сокрушительные поражения уже в середине XVII в.) и должны определять проблематику этой темы.

Общеизвестно, что германская феодальная экспансия на Восток развивалась отнюдь не только в форме военно-политической агрессии. Огромное значение для всей истории «натиска» имели и другие формы немецкой экспансии, поскольку их сумели использовать в интересах своей восточной политики германские феодалы: социально-экономическая, демографическая и идеологическая. Вместе с тем совершенно очевидно, что наряду с экспансией во всех этих сферах исторического развития существовали оживленные и плодотворные, взаимообогащающие обе стороны контакты между немецким народом и его соседями на Востоке и Юго-Востоке. Следовательно, при характеристике проблематики исследования необходимо проводить четкое разделение между явлениями,

⁶ См. W. Hensel. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. Zarys kultury materialnej, wyd. 2. Warszawa, 1956.

⁷ См. А. И. Н е у с ы х и н. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964.

служащими интересам немецкой феодальной экспансии, и явлениями нормальных и плодотворных исторических связей.

Переходя к характеристике основной проблематики исследования, определим его начальную грань. Такой естественной гранью, на наш взгляд, являются события эпохи Великого переселения народов и падения античного рабовладельческого способа производства в Европе. В советской историографии уже утвердилось представление, что именно перемещения славянских племен наряду с германскими, завершившиеся в VII в., сыграли решающую роль в становлении феодальной Европы⁸. Но такая трактовка роли славян в «штурме и натиске» Великого переселения позволяет сделать весьма существенные общеполитические выводы. Облик средневековой Европы оказывается не романо-германским, как подчеркивалось в буржуазной литературе со времен Л. Ранке⁹, а романо-германо-славянским, что, впрочем, не в состоянии полностью отрицать и некоторые западногерманские историки¹⁰. Славяне, наряду с другими народами, были творцами новой феодальной Европы, творцами новой европейской цивилизации эпохи феодализма, наследниками античной культуры. Именно благодаря прогрессивному обществу развитию славянских народов феодальная европейская цивилизация распространилась на обширные пространства Центральной и Восточной Европы, далеко выйдя за пределы средиземноморского круга античной цивилизации. А если принять предложенную Б. Ф. Поршневым расширительную трактовку социально-экономического синтеза, учитывающую роль античных технических традиций, денежной системы, письменности, права, наконец, мифологии и идейного наследства¹¹, то придется признать, что славяне были активным элементом лежавшего в основе европейского феодального развития синтеза не только на Балканах, в пределах Восточно-Римской империи, а затем Византии, но и на всем необозримом пространстве занимаемой ими территории.

Но если в период II—VII вв. германские и славянские племена играли в общем аналогичную роль в истории Европы и выступали как бы естественными союзниками в борьбе с загнивавшей рабовладельческой системой, то уже к концу этого периода можно отметить и первые явления германской (франкской) феодальной экспансии на Восток.

⁸ Подробнее об этом см.: А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. — «Вестник древней истории», 1939, № 1; Б. Д. Греков. Киевская Русь. Избр. труды, т. 1, М., 1959; Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. «Византийский сборник», М.—Л., 1945; е е ж е. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. «Византийский временник», № 1, Л., 1947; Н. В. Пигулевская. Проблема кризиса рабовладельческого строя и генезиса феодализма. — «Вопросы истории», 1956, № 9; А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин, Э. В. Удалцова. Византия и Запад в современной буржуазной историографии. В сб.: «Против фальсификации истории», М., 1959, и др.

⁹ L. R a n k e. Geschichte der römischen und germanischen Völker, Bd. I, Berlin, 1824, Einleitung, S. XXVII.

¹⁰ См.: E. L e m b e r g. Osteuropa und Sowjetunion. Salzburg — Freilassing, 1956, S. 37; I. N e a n d e r. Grundzüge der russischen Geschichte. Darmstadt, 1955, S. 8; J e n s H a k e r. Osteuropa-Forschung in der Bundesrepublik. — «Aus Politik und Zeitgeschichte», 1960, № 37, S. 618; H. L u d a t. Die ältesten geschichtlichen Grundlagen für das Deutsch-Slavische Verhältnis. — «Das östliche Deutschland», Würzburg, 1959, S. 127. Однако, даже признавая роль народов Центральной и Восточной Европы в развитии европейской цивилизации, западногерманские историки, как правило, твердят о цивилизаторской роли Германии на Востоке, а подчас и пытаются противопоставить историю развития Польши и Чехии историческому развитию России как государству, якобы противостоявшему Европе. Подробнее об этом см. М. Р. Тульчинский. Адвокаты реванша. М., 1963, стр. 66—76.

¹¹ Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, стр. 507—518.

Вполне понятно, что в условиях феодализма эта экспансия должна была проявиться прежде всего в военно-политической форме.

Следует сразу же оговориться, что на разных этапах экспансия эта оказывала неодинаковое влияние на историческое развитие соседних народов и, как уже говорилось выше, приводила далеко не к одинаковым результатам.

Германская феодальная экспансия, носившая кровавый и разрушительный характер, в период раннего средневековья была направлена против складывавшихся в Центре и на Востоке Европы относительно единых раннефеодальных государств. Германским феодалам удавалось в ряде случаев столкнуть между собой своих восточных соседей (Польшу и Чехию, Польшу и Русь, Чехию и Венгрию). Но именно борьба против германской экспансии являлась могучим стимулом для усиления объединительных процессов, происходивших в соседних с Германией странах. Определенные особенности в этом отношении представлял исторический процесс у полабо-прибалтийского славянства, где германская феодальная экспансия в конечном счете повлекла за собой торможение политической консолидации. В условиях существования рядом с Германской империей крупных и самостоятельных раннефеодальных монархий успехи германских феодалов на Востоке оказывались явно незначительными в сравнении с затраченными на них усилиями. Положение коренным образом изменилось в период феодальной раздробленности, когда германским феодалам удалось широко использовать противоречия между феодалами соседних стран и продвинуть границы своих владений на Восток. Большое значение при этом имел и тот факт, что именно на востоке империи в покоренных землях процессы феодальной раздробленности протекали значительно слабее аналогичных процессов на западе. Здесь складывались крупные государственные образования, проводившие захватническую восточную политику (Бранденбург, немецкие ордена в Прибалтике, наследственные земли Габсбургов). Особо значительных успехов германские феодалы достигли в районе Балтийского моря, подчинив себе не только полабо-прибалтийское славянство, часть польских земель, но и территорию Восточной Прибалтики, и потерпев решительное поражение только в столкновении с Русью. Во всех тех случаях, когда немецким феодалам удавалось прочно укрепиться в захваченных странах, нормальное политическое развитие последних насильственно прерывалось. Это в равной мере касается Словении и полабо-прибалтийского славянства, Поморья, Пруссии, восточной Прибалтики, где позднее сложились латвийская и эстонская народности. Более того, именно на захваченных землях сложились те немецкие политические организмы (владения Габсбургов, Бранденбург, Тевтонский и Ливонский ордена), которые в дальнейшем стали главными очагами германской феодальной агрессии на Восток.

Процессы развития германской феодальной агрессии на следующем этапе, когда в Центральной и Восточной Европе стали складываться национальные государства, более сложны и требуют более детального анализа. Пример Польши и Литвы свидетельствует о том, что и в этот период немецкая феодальная агрессия могла играть роль фактора, ускорявшего процесс централизации, объединения отдельных земель в рамках национального государства. Более сложным и противоречивым представляется чешский государственный процесс, особенно с того момента, когда именно Чехия оказалась центром Священной Римской империи германской нации. Вопрос о том, какое значение это имело для дальнейших судеб Силезии, например, требует еще дополнительного изучения.

С другой стороны, в Центральной и Восточной Европе процессы формирования национальных государств очень скоро переросли в процессы формирования государств многонациональных. Нет сомнения, что германский феодальный натиск сыграл в этом отношении для Польши и Литвы роль, аналогичную той, которую сыграла для Руси татарская угроза. Германский феодальный натиск в XIV и особенно в XV в. испытывали и такие центральноевропейские страны, как Чехия и Венгрия. Однако уже с конца XIV в. на политическое развитие Европы серьезное влияние стал оказывать еще один внешний фактор — турецкая феодальная агрессия. Именно в таких условиях возникали различные династические комбинации, объединявшие или пытавшиеся объединить Польшу и Венгрию; Польшу и Литву; Польшу, Литву и Чехию; Венгрию и Чехию; Чехию и Австрию. На основе этих комбинаций происходил процесс формирования двух многонациональных государств — Польского и Австрийского. Процесс этот вполне определился уже в XVI в., когда образовалась Речь Посполитая, а центром формирования многонационального государства в Дунайском бассейне оказались австрийские владения Габсбургов. Соперничество Габсбургов и Ягеллонов в этом районе закончилось победой Габсбургов, в XVII в. полностью подчинивших себе Чехию и начавших экспансию на Балканы.

Такому развитию событий в немалой степени способствовала в XV—XVI вв. политика восточной экспансии, проводимая польскими магнатами и шляхтой, которых гораздо больше интересовали планы польско-литовской, чем польско-венгерской или польско-чешской унии. Польско-литовская восточная экспансия не только облегчила положение Габсбургов в Дунайском бассейне, но впоследствии создала условия для быстрого усиления Пруссии, начавшегося уже в середине XVII в.

Особого исследования в связи с политическим развитием Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы в XVI—XVIII вв. заслуживают вопросы о значении австро-турецких войн для развития освободительного движения на Балканах, а также о значении союза Габсбургов с Римской курией для политики германских феодалов в отношении России и Речи Посполитой.

Итак, восточная экспансия польско-литовских феодалов, их политика экономической и политической изоляции России, что особенно наглядно проявилось в ходе борьбы за Прибалтику, была одной из причин успешного развития германской феодальной агрессии на Восток и Юго-Восток в XVI—XVII вв.

Совершенно новую расстановку сил в Центре и на Востоке Европы принес с собой XVII век. Сильнейшей державой на севере и востоке Европы стала Россия, добившаяся выхода к Балтийскому морю, а затем в результате борьбы с Турцией присоединившая Крым и утвердившаяся на Черном море. Но параллельно с неуклонным ростом военно-политического могущества России продолжалось усиление милитаристской Пруссии. Используя заинтересованность России в прусском союзе для борьбы со Швецией и военно-политическую слабость Речи Посполитой, Пруссия в ходе второй Северной войны сумела овладеть Западным Поморьем. Захват основной части Силезии в середине XVIII в. превратил ее в одно из двух сильнейших государств Империи. А в конце XVIII в. неудачи захватнической царской политики в Речи Посполитой, провал попыток царизма поставить ее под свое исключительное влияние, а также его затруднения в борьбе с Турцией и страх перед буржуазной революцией во Франции привели к тому, что под власть Гогенцоллернов в результате разделов Польши оказалась основная масса польских земель. Другая часть попала под власть Габсбургов, продолжав-

ших развивать экспансию на Балканы. Третий раздел Польши был кульминацией немецкого феодального «Натиска на Восток». Необходимо, однако, учитывать, что успех Гогенцоллернов был обусловлен не только и, пожалуй, не столько экономическим и политическим усилением Пруссии, сколько военно-политическим бессилием Речи Посполитой и политической линией царизма. Царизм несет полную историческую ответственность за порабощение германскими феодалами польского и части украинского народов в конце XVIII в.

Итак, масштабы и направление восточной экспансии германских феодалов определялись не только их собственными планами и силами, но и внутренним развитием их соседей, противоречиями между государствами Центральной, Восточной и Северной Европы, общей расстановкой сил в этом районе.

Само собой разумеется, что развитие немецкого феодального «натиска на Восток» оказывало влияние не только на судьбы славянских и других народов Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Не могло оно не оказать влияния и на развитие самой Германии. Всестороннее исследование этой проблематики лежит уже, правда, за рамками данной статьи, однако некоторые аспекты этой проблематики следует здесь затронуть хотя бы в форме предварительной постановки вопроса.

Первое, на чем, на наш взгляд, следовало бы сосредоточить внимание, это факт перехода инициативы в восточной экспансии в XIII—XV вв. к немецким политическим образованиям, сложившимся на восточных окраинах Империи (на захваченных германскими феодалами славянских землях и землях народов Прибалтики). В своей экспансии Бранденбург, Тевтонский орден, Габсбурги пользовались, конечно, широкой поддержкой феодалов остальной Империи, но вместе с тем по мере усиления этой экспансии происходило смещение центров политической жизни Германии. Поэтому кажется вполне закономерным выдвижение тезиса, что восточная экспансия, пожалуй, даже в больших масштабах, чем итальянские походы в период феодальной раздробленности, тормозила развитие центростремительных и благоприятствовала развитию центробежных сил в Германии, а следовательно, мешала и процессу дальнейшей национальной консолидации немецкой народности. В XVI в. с образованием многонациональной империи Габсбургов перемещение политического центра на Восток приобрело уже характер вполне завершенного исторического процесса. Еще более показателен в этом отношении XVII век, ознаменовавшийся усилением Пруссии и Саксонии. Поэтому представляется вполне закономерным, что в XVIII в. в борьбе за главенство в Империи основными соперниками выступили Австрия, Пруссия и Саксония. При этом каждый из соперников стремился опереться на ресурсы стран Центральной и Восточной Европы. О Габсбургах, стоявших во главе многонациональной Дунайской монархии, нет даже нужды говорить подробно. Более важно подчеркнуть, что Саксония попыталась противопоставить себя Габсбургам, опираясь прежде всего на унию с Речью Посполитой. Неудача этой унии, захват Пруссией Силезии и разделы Речи Посполитой выдвинули Гогенцоллернов в качестве главного соперника Габсбургов. Разделы Польши были безусловным успехом прусской политики. Они ослабили позиции Австрии в Империи¹² и были явным провалом политики царизма. Несмотря на неудачи конца XVIII — начала XIX в., прусские территориальные захваты конца XVIII в. и захват Пруссией части Саксонии в

¹² На это обстоятельство обратил уже внимание польский историк Я. Волиньский. См. сб. «Z dziejów stosunków polsko-niemieckich». Praca zbiorowa pod red. J. Pawłowskiego i J. Wolińskiego. Warszawa, 1964, s. 34—35.

начале XIX в. явились важным этапом в ходе австро-прусского соперничества, подготовившим победу Пруссии и торжество прусской, мало-германской программы объединения Германии, олицетворяемой фигурой железного канцлера.

В тесной связи с военно-политической экспансией следует рассматривать и социально-экономические и демографические формы германского проникновения на Восток. Речь при этом, разумеется, не пойдет о нормальных экономических и культурных контактах между народами, способствовавших их общему социальному прогрессу, ибо изоляция никогда не создавала благоприятных условий для прогрессивного развития человеческого общества. Речь пойдет о том, в какой мере германским феодалам и торговой верхушке удалось использовать в целях восточной экспансии многообразные экономические связи, на протяжении веков развивавшиеся между странами изучаемого европейского региона, направлять их развитие в своих экспансионистских интересах.

Уже в дореволюционной литературе обращалось внимание на тот факт, что немецкая Ганза воспользовалась плодами трудов своих славянских предшественников в развитии балтийской торговли, а ганзейским городам на Балтике предшествовали славянские¹³. Еще более важно отметить, что издавна складывавшиеся торговые пути в известной степени определили и направление германской и отчасти датской феодальной агрессии против полабо-прибалтийского славянства, наступление германских феодалов на польское Поморье, земли пруссов и Восточную Прибалтику, что германская феодальная агрессия в этом районе преследовала не только цели захвата территории и порабощения населения, но и подчинения балтийской торговли немецким феодалам и торговой верхушке немецких городов. Овладев устьем Вислы, Тевтонский орден извлекал огромные прибыли из польского экспорта. Не случайно именно устья Вислы так добивались Гогенцоллерны в XVIII в., стремясь экономически подавить свою восточную соседку. Агрессия Ливонского ордена против Пскова и Новгорода преследовала, очевидно, тоже цель торговой блокады Руси на Балтийском море, монополизации в руках ордена русского экспорта и импорта через Балтику.

Но тут мы подходим к более широкой проблеме — немецкой колонизации к востоку от Лабы, причем не только феодальной, но и городской. Последняя охватила в XII—XVII вв. не только области, оказавшиеся непосредственно под властью германских феодалов (земли полабо-прибалтийских славян, Пруссию, Восточную Прибалтику) или попавшие в состав Империи (Западное Поморье, Силезию, Чехию и Моравию), но и распространилась на Польшу и Западную Украину, Словакию и Венгрию. Цепочка немецких колоний, где руководящая роль принадлежала прежде всего заинтересованному в развитии транзитной международной торговли городскому патрициату, вытянулась вдоль важнейших путей, связывавших Западную Европу и Германию с Балканами, Восточной Европой, бассейном Балтийского моря.

В оценке немецкой феодальной и патрицианской колонизации, даже в тех случаях, когда колонизация эта не сопровождалась завоеваниями, в советской историографии нет разногласий. Она рассматривается либо как открытая, либо как скрытая форма германской агрессии на Восток. Во всех случаях эта колонизация, нарушая национальную однородность господствующего класса, создавала в нем прослойки, не заинтересованные в самостоятельном национальном развитии той страны, в которой

¹³ Ф. Я. Ф о р т н и с к и й. Приморские вендские города и их влияние на образование ганзейского союза. Киев, 1877.

создавались колонии. Особенно показательна в этом отношении судьба Восточной Прибалтики (Латвии и Эстонии) в XVI—XVIII вв. с ее немецким дворянством, патрициатом и богатым бюргерством городов. Дворянство беспокоилось только о своих социальных привилегиях, горючая верхушка заботилась лишь о выгодах, проистекавших из ее роли торгового посредника. Так же обстояло дело в Силезии и Западном Поморье. В Польше процесс объединения страны натолкнулся на открытое сопротивление немецкого патрициата Познани, Кракова и других городов; в Чехии ожесточенным противником национального подъема в конце XIV — начале XV в. оказались именно немецкие феодалы, духовенство и городской патрициат.

Существенно иной должна быть, разумеется, оценка значения и роли колониционных процессов, связанных с переселением трудового люда — крестьян и ремесленников. В странах Центральной и Восточной Европы средневековая немецкая крестьянская колонизация происходила в различных размерах и сыграла неодинаковую роль в их историческом развитии. Приток немецких колонистов на чешские земли начался раньше и приобрел, очевидно, бóльшие масштабы, чем на таких польских землях, как Малая и Великая Польша. В самом Королевстве Польском масштаб немецкой сельской и городской колонизации был заметно меньшим на востоке, чем на западе. Способствуя развитию производительных сил и внутреннему хозяйственному освоению страны, такая колонизация играла прогрессивную роль. На большей части территории Чехии и Польши мы имеем дело именно с таким характером немецкой городской и сельской колонизации. Колонизация эта не нарушала национальной однородности страны, а тесные экономические и культурные связи пришлого и местного населения ускоряли естественный ход ассимиляции немецких колонистов коренным населением. В данном случае может быть даже уместнее было бы употребить термин *консолидация*. В Польше этот процесс консолидации пришлого населения с коренным в рамках одной народности приобрел вполне отчетливый характер уже в XV в.

К иным историческим последствиям средневековая сельская и городская колонизация приводила в тех случаях, когда она, во-первых, происходила в захваченных германскими феодалами землях при условии уничтожения или германизации местного господствующего класса, во-вторых, осуществлялась в масштабах, серьезно нарушающих национальную однородность страны.

Сама по себе феодальная колонизация, как нам кажется, не могла обусловить полного нарушения процесса естественного национального развития местного населения. Так, феодальная немецкая колонизация Восточной Прибалтики, захват немецким элементом ключевых позиций в восточноприбалтийских городах не повлекли за собой германизации основной массы местного латышского и эстонского населения. Восточная экспансия польских и литовских феодалов, полонизация феодального класса на Украине, в Белоруссии и Литве, за небольшими исключениями (Виленищина), не повлекли за собой сколько-нибудь массового процесса полонизации украинского, белорусского и литовского народов. Веками сохраняли свои этнические особенности в пределах царской России народы Поволжья.

Очевидно, что ассимиляция местного населения пришлым возможна только в том случае, когда феодальный захват и перемена национальности господствующим классом сопровождаются колонизацией страны в широких масштабах и национальной дискриминацией местного населения. Именно такие процессы имели место, очевидно, в тех землях полабо-

прибалтийского славянства, где местное население не было уничтожено в период завоевания¹⁴, а было постепенно поглощено приплым населением: в Пруссии, на Западном Поморье, отчасти в Силезии и северных районах Чехии.

В одних случаях такая колонизация резко нарушала национальную однородность страны, создавала препятствия на пути ее национальной и политической консолидации, в других — приводила к исчезновению целых народностей (бодричи, лютичи, пруссы). Главная опасность такой колонизации для дальнейших судеб народов Центральной и Восточной Европы заключалась в том, что она создавала условия для возникновения далеко выдвинутых вперед форпостов германской феодальной агрессии на Востоке.

Немецкая сельская и городская колонизация сопровождалась рецепцией немецкого городского права как в городе, так и в деревне. В результате этого в Польше и Чехии сложилось своеобразное сельское право, отличное от сельского права в самой Германии. Нормализуя повинности и правовое положение крестьянского населения, способствуя хозяйственному освоению страны, право это сыграло заметную роль в развитии производительных сил обеих этих стран. Более сложную картину представляла собой рецепция немецкого городского права. Она была подготовлена предшествующим самостоятельным развитием не только городов, но, по-видимому, и городского строя в Центральной и Восточной Европе (свидетельством самостоятельного развития городского права и строя у славянских народов может служить древнерусский город)¹⁵, борьбой городского населения за городское право. Применительно к славянским городам вопрос этот уже получил освещение в советской и польской литературе¹⁶. Недостаточно выясненными следует считать вопрос о влиянии немецкого городского права на процессы германизации в областях массовой немецкой колонизации и вопрос о значении рецепции не изменившегося в условиях бытования в центральных и восточноевропейских странах немецкого права для развития городской жизни в период позднего средневековья (XVI—XVII вв.), например на Украине.

Нам остается коснуться идеологического аспекта немецкого феодального «Натиска на Восток», но, именно, коснуться, так как сколько-нибудь детальный анализ проблематики идеологии «Дранг нах Остен» в период феодализма требует особой статьи. На протяжении почти всего средневековья главным идеологическим обоснованием восточной экспансии германских феодалов служила идеология воинствующего христианства, а после разделения церквей — католичества. Идеологии этой в той или иной мере всегда сопутствовало национальное высокомерие, хотя, разумеется, феодальный национализм был явлением гораздо менее развитым в сравнении с национализмом эпохи капитализма. Универсалистская имперская идеология саксонской династии, как и до нее идеология восточнофранкских феодалов, в сущности говоря, покоилась на универсализме Рима; подобно ей византийский универсализм в той или иной мере покоился на универсализме константинопольского патриаршества, на цезарепапизме византийского императора¹⁷. Оформившаяся окончательно в XII и XIII вв. теория универсальной Священной римской империи германской нации, которая базировалась на библейско-христианской

¹⁴ Д. Н. Егоров. Колонизация Мекленбурга в XIII в., т. I, II. М., 1915—1916.

¹⁵ М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1956.

¹⁶ «История Польши», т. I. М., 1956; W. Hensel. Archeologia o początkach miast słowiańskich. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963.

¹⁷ См. А. Комнина. Алексиада. М., 1965, стр. 82, 459.

идеологии, идеологии Византийской империи, и использовала античные традиции в области государственного права, провозглашала, что именно к немецкому народу перешли права Рима на мировое господство¹⁸. Эта теория в сочетании с захватнической идеологией Немецкого ордена и Бранденбурга, с тенденцией рыцаря-захватчика трактовать покоренных жителей как существа низшего порядка и попытками колонизатора из городского патрициата высокомерно третируемое эксплуатируемое местное население создавали благоприятную среду для развития немецкого феодального шовинизма. Этот шовинизм нашел в дальнейшем свое наиболее крайнее выражение в шовинизме прусско-юнкерского толка. И византийскому, и германскому универсализму государства Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы, как правило, стремились противопоставить программу своей политической и церковной самостоятельности, хотя в отдельных случаях феодалы той или иной страны и делали попытки использовать в своих интересах и саму универсалистскую имперскую идеологию. В этом смысле нет никаких оснований делить Европу на две замкнутые сферы: византийскую и западную. Иное дело, что разделение церковей имело своим прямым следствием обострение национальных и религиозных противоречий, затормозило и нарушило процессы развития международного общения в Европе.

Если в странах, придерживавшихся православия, католическая идеология немецкой феодальной агрессии вызывала резкое усиление религиозной исключительности, то в других, например в Польше, она толкала господствующий класс на культивирование в своей собственной стране идеологии воинствующего католицизма. В том и другом случае она становилась таким образом стимулом для нового обострения национальных противоречий в Центральной и Восточной Европе, мешала консолидации сил для отпора германскому феодальному натиску. Только что приведенный пример Польши в этом смысле чрезвычайно показателен. Католицизм Ягайло и Олесницкого (противопоставленный католицизму Тевтонского ордена) оказался непреодолимым препятствием на пути унии Польши и Литвы с гуситской Чехией, а торжество контрреформации превратило Речь Посполитую в орудие крайнего национального и религиозно-культурного угнетения восточнославянских народов.

С торжеством реформации в восточной части Германии (вопрос о роли распространения реформационных идей для процесса германизации польских западных земель еще недостаточно изучен), а затем с установлением в Австрии и Пруссии системы так называемого просвещенного абсолютизма, претерпела, вполне естественно, изменения и идеология германской феодальной экспансии. В XVIII в. Габсбурги и Гогенцоллерны проводили политику германизации во имя так называемых государственных интересов и насаждали идеологию безусловной преданности монархии. А засилье в австрийском и прусском государственном аппарате немецкого чиновничества приводило к культивированию немецкого феодального, а затем буржуазного шовинизма.

Нужно сказать, впрочем, что захватническая идеология германского феодального «Натиска на Восток» вызывала к жизни отнюдь не одни только реакционные явления в странах Центральной и Восточной Европы. Как уже говорилось, ответом на нее было выдвижение программы государственной самостоятельности и не только в период раннего средневековья, но и позже, в эпоху формирования национальных феодальных государств. Огромный национальный подъем в Чехии, Польше и Литве, ознаменованный Грюнвальдом и Гуситскими войнами, нашедший яркое отра-

¹⁸ «Monumenta Germaniae Historica Scriptorum», t. XX, p. 338 etc.

жение в революционной идеологии гуситского движения и трактате Павла Влодковица о незаконности насильственного обращения в христианство язычников, тоже был ответом на теорию и практику германского феодального «Дранга».

Германизаторская политика Гогенцоллернов и Габсбургов в конце XVIII в., оскорбляя национальные чувства, не только проводилась в условиях подъема национально-освободительного движения поработенных народов, но и активизировала этот подъем.

Важным, хотя и далеко не изученным вопросом для периода феодализма является вопрос о роли идеи так называемой славянской взаимности в борьбе с наступающими германскими феодалами. Отзвуки этой идеи довольно отчетливо улавливаются в гуситской Чехии, в Польше, Хорватии и Далмации XV—XVII вв. Наиболее яркое выражение она нашла в творчестве Юрия Крижанича. Во второй половине XVIII в. зародилось и славяноведение как самостоятельная научная дисциплина.

Заканчивая этот краткий обзор проблематики, связанной с изучением немецкого феодального «Натиска на Восток», необходимо, конечно, оговориться, что он ни в коей мере не исчерпывает всех подлежащих изучению проблем и тем более не может предложить каких-либо окончательных решений поставленных вопросов. Настоящая статья носит сугубо предварительный характер и преследует цель лишь наметить в самых общих чертах некоторые, как нам казалось, важные направления возможных исследований.

Но один вывод из всего сказанного выше представляется нам вполне обоснованным: «Дранг нах Остен», под каким бы углом зрения мы его ни изучали, всегда был реакционным явлением, нарушавшим нормальный ход экономического, политического, культурного, национального и этнического развития народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. На Востоке Европы германские феодалы и городская верхушка отнюдь не играли роли организаторов международного общения, а превращали нормально развивавшиеся контакты между народами в орудие их эксплуатации и порабощения. Политика господствующих классов Германии служила не взаимовыгодной интеграции народов в этом регионе Европы, а вела к обострению национальных противоречий между немецким народом и его соседями, способствовала обострению международных противоречий на Востоке Европы. Именно поэтому изучение проблематики германского феодального «Дранг нах Остен» и значения его для исторических судеб соседних с Германией стран представляется научно актуальным сегодня, когда так живо и всесторонне обсуждаются вопросы европейской интеграции. Развитию контактов должно в данном случае предшествовать четкое и полное выявление всего того, что мешало этому развитию в прошлом.

Е. И. ДЕМИНА

МЕСТО ДАМАСКИНОВ В ИСТОРИИ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В последние годы, когда значительно возрос интерес к проблемам формирования и развития литературных языков, перед учеными-болгароведами вновь встал вопрос о месте новоболгарской письменности XVII—XVIII вв., представленной дамаскинами, в историческом процессе становления современного болгарского литературного языка. Прав ли был Б. Цонев и его последователи, считавшие, что в дамаскинах была заложена «первая основа новоболгарского литературного языка»¹? Следует ли начинать историю современного болгарского литературного языка с деятельности болгарских писателей-составителей старших дамаскинов, которые впервые предприняли попытку писать на современном им народном языке, испытавшем некоторое влияние церковнославянской письменности болгаро-сербской редакции в области орфографии, грамматики и словаря?

Большинство ученых отвечает на эти вопросы отрицательно, приводя различные доводы в подтверждение своего мнения. Последнее отчасти определяется различным пониманием самих терминов «литературный язык», «современный литературный язык» и предмета их истории.

Л. Андрейчин исходит из необходимости разграничения литературного языка народности и литературного языка нации, признавая принципиальную возможность перерастания первого во второй. Различие, вкладываемое в эти понятия, видно из самих терминов и специально не уточняется. Дамаскины, по мнению Л. Андрейчина, отражают яркую, но заглушенную в условиях турецкого ига попытку создания литературного языка народности. Деятельность дамаскинарей в силу религиозной тематики их сборников, слабой грамотности народа и отсутствия в этот период образованной среды не привела «к созданию литературной языковой традиции, которая послужила бы основой для перерастания литературного языка народности в язык национальный, как это наблюдается в развитии других славянских литературных языков»². Хотя в языке Паисия и заметно известное влияние языка дамаскинов, это влияние исчезает в новых исторических условиях формирования болгарской нации, а вместе с ней и болгарского национального литературного языка как формы национальной культуры. Поэтому Л. Андрейчин считает, что современный болгарский литературный язык возникает как национальный литератур-

¹ Б. Цонев. Хиляда години български език.— «Летопис на Българското Книжовно Дружество в София», 1909, стр. 129; ср. И. Шпанаков. Паисий и неговата епоха. София, 1914, стр. 18.

² Л. Андрейчин. Някои въпроси около възникването и изграждането на българския книжовен език във връзка с историческите условия на нашето възраждане.— «Български език», 1955, кн. 4, стр. 311.

ный язык без непосредственно предшествующей ему письменной традиции³. Его родоначальником является Паисий Хилендарский, не только впервые ярко выразивший идею национального самосознания, но предпринявший, по мнению Л. Андрейчина, первые шаги к созданию народного по своей основе литературного языка, обогащенного древней староболгарско-церковнославянской традицией⁴. С изучения деятельности Паисия и должно начинаться изучение истории болгарского национального литературного языка. К этой точке зрения присоединяется Е. Георгиева⁵.

Таким образом, в работах Л. Андрейчина дамаскины исключаются из истории современного литературного языка не только потому, что это памятники литературного языка народности, но главным образом потому, что они не создали стойкой литературно-языковой традиции. Мы не знаем, что послужило основанием для такого определенного вывода, так как никто до сих пор не занимался конкретным исследованием данного вопроса в плане сравнительно-типологического анализа языка различных новоболгарских переводов XVII—XVIII вв. и языка писателей периода болгарского Возрождения⁶. Исключение составляют лишь некоторые наблюдения Б. Цонева, обратившего внимание на зависимость языка «Истории славяноболгарской» Паисия от языка Иосифа Брадатого⁷ и наблюдения С. Романского, отметившего влияние новоболгарских дамаскинов на язык Софрония⁸. О влиянии языка и содержания дамаскинов на таких писателей периода болгарского Возрождения, как Кирилл Пейчинович, Иоаким Кырчевский, писал Б. Пенев: «Нужно еще раз подчеркнуть, что деятельность этих писателей зависит не только от произведений Софрония, но и от дамаскинов (разрядка автора.— Е. Д.), как и само начало деятельности Софрония в большой степени определяется дамаскинами⁹. Еще более определенно сказал об этом А. Селищев: «Писания Кирилла Пейчиновича, как и книги хаджи Иоакима даскала Кырчевского, представляют не малый интерес и для историка болгарского литературного языка. Эти беззаветные труженики в просвещении простого народа идут тем путем в отношении языка своих писаний, какой уже был намечен дамаскинами. Их книги и по характеру содержания и по языку — дамаскины XIX века»¹⁰.

³ Там же, стр. 311—312.

⁴ Л. Андрейчин. Езикът на Паисевата «История славеноболгарская» и начало на новоболгарския книжовен език.— «Български език», 1962, кн. 6, стр. 489—490.

⁵ Е. Георгиева. Спнтаксисът в Славяноболгарска история от Паисий.— «Известия на Института за български език», кн. IX, София, 1962. В последнее время против мнения о том, что в основе языка Паисия лежит народный язык, выступили Г. К. Венедиктов («К вопросу о начале современного болгарского литературного языка».— «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», вып. 43, 1965) и Л. Тодоров («По някои въпроси на българския литературен език от XIX век».— «Български език и литература», 1965, кн. 4), взгляды которых по этому вопросу мы разделяем. Мнение о церковнославянской основе языка Паисия выдвигалось и ранее многими учеными (Б. Цонев, Й. Иванов, Б. Пенев, А. Кпрянов, И. Снегаров, Н. И. Толстой и др.).

⁶ Заметим попутно, что в такого рода исследовании сравниваться должен язык реконструированных первооригиналов отдельных произведений, позволяющий судить о деятельности конкретного, хотя бы и неизвестного нам писателя, а не язык отдельных списков, нередко переписанных малообразованными лицами.

⁷ Б. Цонев. От коя книжовна школа е излязъл Паисий Хилендарски.— «Славянски глас», 1912, кн. 5—6.

⁸ С. Романски. Нов Софрониев препис на Паисевата история от 1781 год. съпоставен с преписа от 1765 год.— «Български старини», кн. IX, София, 1938.

⁹ Б. Пенев. История на новата българска литература, т. III. София, 1933, стр. 348.

¹⁰ А. Селищев. Кирилл Пейчинович.— «Сборник в чест на Васил Н. Златарски». София, 1925, стр. 403.

Л. Тодоров, как и Л. Андрейчин, разграничивает литературный язык народности, каковым является, по его мнению, язык болгарских дамаскинов, и литературный язык нации. Однако, в отличие от Л. Андрейчина, он считает, что язык дамаскинов сыграл роль развитой для своего времени новоболгарской литературно-языковой традиции, непосредственно предшествующей появлению и развитию нового литературного языка¹¹. Л. Тодоров полагает, что историческое значение языка дамаскинов «наряду с другим состоит и в том, что он наносит удар по церковнославянской книжной практике как единственной в то время у нас, поднимает литературные права живой народной речи и облегчает переход от церковнославянского книжного языка к новому, национальному. И в этом главная его заслуга. По существу он решил такие задачи с т р у к т у р н о г о (разрядка автора.— *Е. Д.*) характера, какие много позже должен был решать возникающий национальный литературный язык»¹². Вопрос о возможном «перерастании» литературного языка народности, представленного в дамаскинах, в национальный болгарский литературный язык, по мнению Л. Тодорова, еще подлежит тщательному изучению. Так, он пишет: «только конкретные исследования могут показать, насколько и в какой степени литературно-языковая практика дамаскинов имеет какое-то значение и для создания общих норм, единой диалектной базы и т. п.; в какой мере эта практика послужила основой для «перерастания» старого (но новоболгарского) литературного языка народности в новый, национальный (тоже новоболгарский)»¹³.

Вместе с тем, независимо от возможных результатов такого исследования, Л. Тодоров исключает дамаскины из предмета истории современного болгарского литературного языка как памятники языка народности в отличие от языка национального.

В отличие от Л. Андрейчина и Л. Тодорова С. Б. Бернштейн считает необходимым четко разграничивать понятия «письменный язык» и «литературный язык». Литературный язык, по его мнению, «представляет собой ту последнюю стадию развития письменного и разговорного языка о п р е д е л е н н о й н а ц и и (разрядка автора.— *Е. Д.*), когда для всей территории, для всего государства устанавливаются единые орфографические и произносительные нормы»¹⁴. В свою очередь, в литературном языке должен быть выделен «начальный этап» его развития, который характеризуется складыванием единых норм. Этот этап, по мнению С. Б. Бернштейна, применительно к болгарскому литературному языку начинается с середины XVIII в. Таким образом, язык Паисия и других деятелей болгарского Возрождения рассматривается как литературный язык на начальном этапе его развития. Язык же дамаскинов нельзя отнести даже к самым начальным этапам развития литературного языка, и поэтому он исключается из его истории¹⁵. В чем состоит тот качественный сдвиг в языке Паисия по сравнению с языком дамаскинов, который позволяет рассматривать его не как один из типов письменного языка, а как первый этап в становлении нормированного литературного языка, С. Б. Бернштейн не разъясняет. По-видимому, для него решающее значение имеет то, что деятельность Паисия ознаменовала начало формирования болгарской нации, для которой и характерен литературный язык в том смысле, какой вкладывает в него С. Б. Бернштейн.

¹¹ Л. Тодоров. Там же, стр. 22.

¹² Там же.

¹³ Там же, стр. 23.

¹⁴ С. Б. Бернштейн. К изучению истории болгарского литературного языка.— В сб.: «Вопросы теории и истории языка», Л., 1963, стр. 37.

¹⁵ Там же.

Необходимость четкого терминологического разграничения содержания, вкладываемого в понятие «литературный язык» на разных этапах развития письменности, бесспорна. Предложение С. Б. Бернштейна оставить термин «литературный язык» лишь в значении «современный литературный язык»¹⁶ представляется более удачным, чем попытка уточнить этот термин путем разграничения литературного языка народности и нации. Однако при таком определении понятия «литературный язык» нет оснований включать в него «начальный этап» его развития, т. е. период, для которого как раз характерно отсутствие единых норм, борьба самых противоречивых тенденций и влияний (ср., например, в этом отношении язык Паисия и язык Берона, различающиеся на орфографическом, структурном и диалектном уровнях). Само определение границ «начального этапа» — само по себе весьма субъективно. Не случайно по отношению к болгарскому литературному языку разные авторы предлагают считать таким начальным этапом язык новоболгарских дамаскинов (Б. Цонев, И. Шишманов), язык Паисия (Л. Андрейчин, С. Б. Бернштейн, Е. Георгиева), Софрония (Л. Тодоров), Берона (А. Теодоров-Балан, Г. К. Венедиктов). По нашему мнению, ни один из названных здесь типов письменного языка не только не являлся языком литературным в указанном выше смысле (пусть даже на начальном этапе его существования), но и сам по себе не имел решающего значения для формирования его норм.

Процесс постепенного становления современного болгарского литературного языка был очень сложным. На протяжении длительного периода, начиная с XVII в. и до середины XIX в., в Болгарии сосуществовали различные типы письменного языка, параллельно употреблявшиеся и взаимно влиявшие друг на друга. В их числе должен быть назван и церковнославянский язык болгаро-сербской и русской редакций, который в этот период уже утратил свои качества относительно нормированного литературного языка, каким он был ранее. С ним успешно конкурировали различные типы письменного языка, построенные на основе живого народного языка того времени или сознательно с ним сближенные (ср. язык новоболгарских дамаскинов, язык Иосифа Брадатого — Паисия Хилендарского, язык Софрония, Берона). Каждый из этих типов письменного языка сыграл определенную роль в процессе постепенного формирования различных особенностей грамматики, словаря и стиля существующего ныне литературного языка, хотя, бесспорно, ведущую роль сыграли типы письменного языка на народной основе. На этом противоречивом фоне в двадцатые годы XIX в. возникает борьба за становление единого, нормированного национального литературного языка и появляется такое значительное в деле формирования основ этого языка произведение, как «Рыбный букварь» П. Берона. О современном болгарском литературном языке, на наш взгляд, можно говорить лишь примерно с шестидесятих — семидесятих годов XIX в., имея в виду деятельность П. Р. Славейкова, В. Друмева, Л. Каравелова, Х. Ботева, И. Вазова.

В соответствии с этим в предмете истории современного болгарского литературного языка, на наш взгляд, следует четко разграничивать два аспекта: во-первых, начальные этапы становления современного литературного языка — взаимодействие различных типов письменного языка, смену и борьбу различных тенденций в развитии этого процесса; во-вторых, историю дальнейшей эволюции уже сформировавшегося во всех своих основных характеристиках современного литературного языка.

¹⁶ Ср. аналогичное предложение А. В. Исаченко («К вопросу о периодизации истории русского языка»). — В сб.: «Вопросы теории и истории языка», Л., 1963, стр. 151—153).

Иными словами, следует разграничивать период после пятидесятих годов XIX в., который, на наш взгляд, является предметом истории современного болгарского литературного языка, от периода до шестидесятих годов XIX в., который рассматривается как предыстория этого языка.

Предыстория современного болгарского литературного языка, по-видимому, следует начинать с констатации того факта, что в результате многовекового развития церковнославянский язык, исполнявший в Болгарии роль языка литературного, коренным образом стал отличаться от народно-разговорного языка, и с ответа на вопрос, когда была предпринята первая сознательная попытка преодолеть этот разрыв, взяв за основу письменного языка новоболгарский народный язык, как это имеет место и в современном болгарском литературном языке. При такой постановке вопроса предысторию современного болгарского литературного языка, безусловно, следует начинать с языка новоболгарских дамаскинов. Именно создатели новоболгарского текста целого ряда произведений, дошедших до нас в старших дамаскинах XVII в., впервые предприняли сознательную попытку писать «българскимъ езикомъ», о чем неоднократно упоминается в заголовках отдельных статей (см., например, Тихонравовский дамаскин, л. 21 об., Троянский дамаскин, л. 47). Примечательна для своего времени последовательность, с какой создатели старших новоболгарских текстов придерживаются раз выбранных языковых средств и особенностей правописания¹⁷.

Бесспорно, создатели новоболгарского текста были образованными людьми, прекрасно владевшими церковнославянским языком, с которого они переводили свои произведения. Не случайно им удалось создать образец аналитического по своему грамматическому строю письменного языка, употреблявшегося в Болгарии на протяжении двух веков. В связи с этим мы не можем согласиться с мнением некоторых лингвистов, которые считают, что только с Паисия начинается сознательное новаторство в языке¹⁸.

Возникнув в начале XVII в., новоболгарские дамаскины вплоть до начала XIX в. переписывались по всей Болгарии, дополнялись все новыми переводами и редакциями старых. Из сборников, первоначально предназначенных для чтения в церквях в определенные праздники, они превратились в рукописные книги для домашнего чтения¹⁹. Менялись центры письменности; в произведения, написанные на основе одного из балканских говоров, от списка к списку проникало все большее число новых черт, являющихся диалектизмами по отношению к первоначальной системе. Значительное число таких «диалектизмов» содержали новые переводы, выполненные в конце XVII в. в северо-восточной Болгарии. И

¹⁷ На эту сторону языка старших дамаскинов впервые обратил внимание В. И. Ламанский. См. его статью «Непорешенный вопрос» в «Журнале Министерства народного просвещения», ч. 144, СПб., 1869. В наши дни об этом упоминает Б. Велчева в статье «Показатели местонахождения и наречия в новобългарските паметници от XVII и XVIII в.» — «Известия на Института за български език», кн. X, София, 1964.

¹⁸ Так, например, Е. Георгиева пишет: «Только после Паисия начинается целенаправленное и сознательное предпочтение народной речи как основы нашего литературного языка» (Е. Георгиева. Там же, стр. 55). По-видимому, Е. Георгиева считает, что составители новоболгарских дамаскинов использовали народный язык как основу созданного ими типа письменного языка бессознательно (скажем, по неграмотности) и без всякой цели. Уже сам факт, что новоболгарские тексты, вошедшие в дамаскины, представляют собой последовательно осуществленный перевод на народный язык с церковнославянских оригиналов (непереведенными оставлены только цитаты из евангелия, что создает особый стиль), отвергает эту версию.

¹⁹ О роли дамаскинов как демократической формы литературы см. в работе Д. Петкановой «Дамаскините като етап в развитието на българската литература» («Език и литература», 1958, № 3).

все же во всех новоболгарских дамаскинах, восходящих к архетипам XVII в., легко обнаруживается та общая новоболгарская структура, те особенности языка и стиля, которые были заложены первыми создателями этого типа новоболгарского письменного языка. Дамаскины этой группы переписывались с видными деятелями болгарского Возрождения. Так, например, Софроний Врачанский в 1765 г. тщательно переписал дамаскин, который ныне хранится в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде (собрание П. Сырку, № 13.5.18).

У нас нет никаких сомнений в том, что дамаскины оставили более яркий след в истории болгарской письменности, чем это иногда принято думать. Правильно писал Б. Цонев: «Если мы сегодня гордимся знаменитыми мужами, чьи имена каждый считает основными столпами болгарского Возрождения, то не нужно забывать, что эти первые сподвижники наши первую свою пищу приняли из рук старших, скромных деятелей, которые открыто не прославили своего имени, но заслуги которых нам очевидны. Это те одухотворенные болгарские священники и вообще церковники, которые первыми стали переводить на „простой болгарский язык“ разные слова, жития и проповеди»²⁰.

Недооценивается иногда и значение дамаскинов в истории общественной жизни Болгарии. При решении этого вопроса необходимо исходить не только из содержания дамаскинов, которые в общем продолжают староболгарские литературные традиции, но и из той исторической обстановки, в которой они появились. Создание в начале XVII в. письменности на живом болгарском языке того времени, адресованной широким народным массам, бесспорно было выдающимся актом в деле формирования национального самосознания²¹. Здесь мы видим пример того, как в определенных исторических условиях старая по своему содержанию литература служит новым целям.

В свете сказанного становится понятной актуальность изучения языка новоболгарских дамаскинов как особого типа письменного языка XVII в. на народной основе, сопоставление его структуры со структурой церковнославянского языка, а также со структурой других типов письменного языка XVII — начала XIX в. (в том числе с языком Паисия, Софрония, Берона) и современного литературного языка. Такое изучение послужит фактической основой для решения вопроса о роли языка дамаскинов в общем процессе постепенного формирования особенностей, свойственных современному болгарскому литературному языку.

²⁰ Б. Цонев. Новобългарската писменост преди Паисия. — «Български преглед», год I, 1894, кн. 8, стр. 81.

²¹ О проявлениях национального самосознания в этот исторический период см.: И. Дуйчев. Прояви на народностното самосъзнание у нас през XVII век. — «Македонски преглед», София, 1942, кн. 2; Х. Гандев. Българската грамотност и книжовно предание през XVII и XVIII век. — «Родина», 1941, кн. 4.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Г. И. КОЛЯДА

ИЗ ИСТОРИИ ЮЖНО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ КНИГОПЕЧАТНЫХ СВЯЗЕЙ В XVI—XVII вв.

Когда в конце XV в. в маленькой Черногории появились на свет первопечатные кирилловские издания, она оставалась единственным государством на завоеванном Турцией Балканском полуострове, еще сохранявшим свою независимость.

Причины создания типографии в Черногории четко указаны самими издателями в Послесловии к Октоиху 1494 г., первому изданию этой типографии. «Видевъ азъ ... воевода ... Гюрьгъ Цръноевикъ умаление святыхъ книгъ расхищениемъ и раздраениемъ агаренскышхъ чедь, възревновахъ ... и съставихъ форми, нанихже въ едино лето осмимъ чловекомъ съвршити охтоихъ»¹. А несколькими строками выше приведенного места стоит: «Пасущи насъ исмаильска железна палица, увы непросто биючи, нъ убиваючи и ... цръкви раздрушише». Таким образом, с самого своего возникновения южнославянское книгопечатание стало своеобразным орудием борьбы за сохранение славянского культурного наследия на Балканах.

Всего в Черногории было напечатано шесть книг. Пять из них, вышедшие в свет в 1494—1495 гг., дошли до нашего времени, о шестой сохранилось упоминание в рукописи середины XVI в.² На этом книгопечатание в Черногории прекращается. Причина заключалась прежде всего в том, что страна находилась под постоянной угрозой со стороны Турции, приходилось отражать также и нападения Венеции. Уже в 1519 г. южнославянское книгопечатание возрождается сразу в двух местах — в Венеции³ и в Горажде, на территории Сербии.

Мотивы действий издателей оставались при этом прежними. В послесловии к Псалтыри с Часословцем 1520 г., втором южнославянском издании, появившемся в Венеции, прямо указано, что издатели стремились: «испълнити недостатъчство, еже умаленое ирасхыщенное измаиль-

¹ И. Каратаев. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Т. I, с 1491 по 1652 гг. СПб., 1883, № 7, стр. 17. Далее цитируется сокращенно — (Каратаев, №, стр.)

² Д. Медаковић. Графика српских штампаних књига XV—XVII в. Београд, 1958, стр. 67, 189—196. Далее цитируется в тексте, в скобках сокращенно, только — Медаковић, страница — арабскими цифрами, репродукция — латинскими.

³ Есть сведения, что родиной южнославянского книгопечатания вообще была Венеция. Здесь в 1493 г., за год до цетиньинского Октоиха, Андрей Торесанский напечатал Часословец. Экземпляр его находился в библиотеке нюрнбергской ратуши. Но «в настоящее время его там нет», — писал И. Каратаев (Каратаев, № 6, стр. 15).

тени» (Каратаев, № 16, стр. 48). Ту же мысль, но иными словами выраженную, находим и во многих других венецианских изданиях⁴. Однако в книгах, напечатанных на территории Сербии, по понятным причинам об этом не говорится.

Всего в XV—XVI вв. было напечатано 39 южнославянских книг. Из них 22 — в Венеции, 16 — в семи типографиях на территории Сербии и одна — в Скадаре, в Албании. В XVI в. южнославянское книгопечатание приходит в упадок. Последняя книга «Соборник» была напечатана уже в итальянской типографии Джузеппе Рампацети в 1597 г. В XVII в. вышла единственная южнославянская книга «Псалтырь», напечатанная в типографии Бартоломео Гинами в 1638 г.⁵

Южнославянское книгопечатание и возникло и развивалось под непосредственным воздействием соседней Венеции, передовой страны того времени в экономическом и культурном отношении. В конце XV — первой половине XVI в. Венеция была ведущей страной в области книгопечатания.

Это воздействие далеко не всегда проявлялось в копировании венецианских образцов. Копирование заставок, например, было просто невозможно, так как западноевропейские инкунабулы и за крайне редким исключением немногочисленные греческие инкунабулы не знали заставок: это особенность византийской рукописной книги, перешедшая к южным и восточным славянам и румынам. На некоторых заставках Октоиха 1494 года, первой черногорской инкунабулы, отразилось явное влияние ренессансного орнамента (Медакович, табл. I — маскарон вверху, II). Ярко выраженный ренессансный характер имеют иллюстрации II части Октоиха, особенно рамка их (Медакович, XIV—XVIII). Преобладающее большинство инициалов, особенно в Псалтыри, воспроизводит итальянский тип их: обычный остов буквы, многократно обвитый белым плетением с небольшими сучками, листочками на черном, реже киноварном фоне (Медакович, XI—XIII). Подобные инициалы часто встречаются в венецианской книге конца XV — начала XVI в., в частности в изданиях Альда Мануция⁶. Среди украшений этих инициалов встречаем обычные атрибуты Ренессанса: гирлянды, маскароны, амур, рог изобилия и т. п. (Медакович, IX, 3, XII, 3—5). Основоположник южнославянского книгопечатания священноинок Макарий был большим художником, его издания поражают нас высоким типографским мастерством, своеобразной графикой, органически сочетающей в себе орнаментальные традиции южнославянской рукописной книги с особенностями орнаментики венецианской.

Естественно, что южнославянское книгопечатание на территории Венеции должно было иметь еще больше точек соприкосновения с книгопечатанием местным, венецианским. Книги, напечатанные в Венеции, и книги Макария отличаются высоким типографским мастерством и искусством орнаментики. Неудивительно поэтому, что художники православных стран — Румынии, Белоруссии и Украины — обращаются к этой орнаментике для украшения своих книг. Один случай (по времени наи-

⁴ «Молитвослов», 1520 (Каратаев, № 17, стр. 53); «Служебник», 1527 (Каратаев, № 22, стр. 71); «Соборник» 1538 (Каратаев, № 31, стр. 90); «Псалтырь с воследованием», 1546 (Каратаев, № 36, стр. 108); «Псалтырь с воследованием», 1561 (Каратаев, № 48, стр. 131) и др.

⁵ Д. М е д а к о в и ч, стр. 274—275.

⁶ M. S a n d e r. Le livre à figures italiens depuis 1467 jusqu'à 1530. Milano, 1942, t. V, № 42, 143, 147, 198, 241, 259; t. VI, № 427 и др.; F. O n g a n i a. L'arte della stampa nel rinascimento italiano. Venezia, 1894, t. I, p. 21, 31—33, 46, 47; t. II, p. 76 и др.

более ранний) использования южнославянской орнаментики можно отметить в первопечатных изданиях России XVI в.

В широкошрифтном безвыходном Евангелии и в широкошрифтной безвыходной Псалтыри, напечатанных до 1564 г., есть инициал «В». Прототипом для него послужил инициал, часто встречающийся в южнославянской и румынской книге первой половины XVI в. В Служебнике 1508 г., первой печатной румынской книге, есть три варианта этого инициала, инициала «В» другого типа в Служебнике нет. В последующих румынских изданиях число вариантов данного типа инициала «В» заметно растет.

С большой долей вероятности можно считать, что в румынскую книгу инициалы этого типа проникли из южнославянской рукописной книги. Различные варианты рассматриваемого инициала «В» находим, например, в Псалтыри 1521 г., напечатанной в Горажде, на территории Сербии (Медакович, XXVIII, 1, 3, 4). Таким образом, у нас есть основания считать прототипом инициала «В» в широкошрифтных Евангелии и Псалтыри вариант этого инициала в южнославянской книге.

Однако инициал этот отнюдь не является копией сербского, хотя бы и самую отдаленную. Сербские инициалы выполнены на красном или черном фоне, наш инициал — на фоне бумаги. Его петли переплетаются более плавно; он стройнее, изящнее своих прототипов.

Рисунком инициала «В» московских широкошрифтных изданий, несколько упростив его, воспользовался Иван Федоров для своего заблудовского Учительного Евангелия (л. 282 — Каратаев, № 75). Федоровский инициал, очевидно, с его же доски отпечатанный, находим в «Книге о постничестве» Василия Великого, напечатанной в Остроге в 1594 г. (л. 8, I счета — Каратаев, № 132). Так инициал «В», восходящий к южнославянскому прототипу, нашел себе место в русской, белорусской и украинской книге второй половины XVI в.

Других заимствований южнославянских книжных украшений русская печатная книга не знает⁷. Ее орнаментика либо воспроизводит орнаментiku федоровских изданий, либо выполнена в том же старопечатном стиле. Но книги, напечатанные «в греках, и в Венеции, и во Фригии и в прочих языцех», были хорошо известны в Москве. Именно на них как на образцы для московских печатников указывал Иван Грозный при организации государственного издательства, как рассказывает об этом Иван Федоров в своем послесловии к первоначальному Апостолу. Ряд заимствований из орнаментики южнославянских первопечатных книг можно отметить в белорусских изданиях второй половины XVI — начала XVII в. В одном из первых южнославянских изданий (Служебнике 1519 года) имеется одна заставка — три переплетающихся заштрихованных круга, на фоне их — плетение из белых ремней, в центре — щит, разделенный по горизонтали на две части: в верхней — четырехконечный крест, в нижней — «Бож», т. е. Божидар (Вукович), буква «ж» вынесена над строкой. Заставка эта повторяется и в ряде других южнославянских изданий, например в Псалтыри 1546 года, но написание «Бож» в ней устарено (Медакович, LX); в Служебнике 1554 года написание «Бож» сохранено (Медакович, LXXIII); в Псалтыри 1569 года вместо «Бож» стоит «Iа», то есть Иаков, имя одного из издателей Псалтыри (Медакович, LXXXVI); эта же заставка с буквами «Iа» встретила и в последнем венецианском издании — Псалтыри 1638 года (Медакович, XCIV).

⁷ М. Н. Тихомиров утверждает противное: см. его статью «Начало книгопечатания в России» в сб. «У истоков русского книгопечатания». М., 1959, стр. 31.

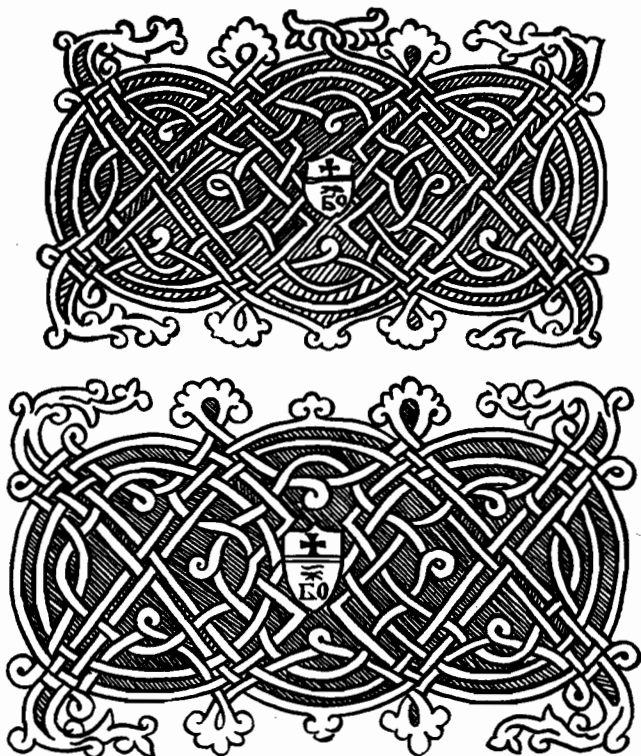

Рис. 1. Заставка из венецианского Служебника 1519 года — *вверху*, из виленского Служебника 1583 года — *внизу*.

Довольно точную копию этой заставки находим в ряде белорусских виленских изданий, например: в Служебнике 1583 года (рис. 1) на лл. 6, 36, 143, 165, 214 (Каратаев, № 106); в Псалтыри с воследованием 1586 года (Каратаев, № 115); в Служебнике 1617 года на стр. 387 (Каратаев, № 237). Во всех трех случаях написание «Бож» сохранено.

В том же венецианском Служебнике 1519 года на л. 41 есть заставка из пяти переплетающихся черных кругов, обрамленных белым ремнем; из таких же белых ремней — орнаментальное плетение на фоне этих кругов, по краям заканчивающееся листьями. Как и в предыдущем случае, заставка эта повторяется и в других южнославянских изданиях, например: в Псалтыри 1546 года (Медакович, LVIII), Псалтыри с воследованием 1569 года (Медакович, LXXXVII) и др. Копию этой заставки, столь же точную, как и рассмотренная выше, находим в том же виленском Служебнике 1583 года.

В украинском книгопечатании XVI в. южнославянская графика не нашла отражения. Это объясняется тем, что обе украинские типографии XVI в. — острожская и львовская братская — имели в своем распоряжении доски федоровской орнаментики. Исключение составляют два острожских издания «Книга о постничестве» Василия Великого 1594 года и Грамматика 1598 года, где мы встречаем и виленский шрифт Петра Мстиславца и оттиски его книжных украшений.

Большое значение для развития книгопечатания на Украине и в Белоруссии, а с 30-х годов и в Румынии, когда в ней возобновилась типографская деятельность, имело издательство львовского епископа Гедеона Балабана и его племянника Федора Юрьевича Балабана с типографиями

в Стратине (имени Ф. Балабана) и Крилосе, епископской резиденции. До нашего времени сохранились три балабановские издания: два стрятинских — Служебник 1604 года и Требник 1606 года — и одно крилоское — Учительное Евангелие 1606 года (Каратаев, № 175, 182 и 186); о четвертом издании — «Харитония (так. — Г. К.) то есть поповская наука» — сохранились три судебных документа — два 1603 и один 1604 гг.⁸

О возникновении издательства рассказывает Геден в предисловии к стрятинскому Служебнику. К созданию издательства он был «подвижен писаньми» Мелетия Пигаса, «тогда правящу ему престол вселенский» (Служебник, предисловие, л. 2), а это было в 1597—1599 годах⁹. К этому времени и относятся первые мероприятия по устройству школы и типографии — «гимнасиа и типографию съставити» (Служебник, предисловие, л. 2) в Стратине, родовом имении Федора Юрьевича Балабана намеревались выпускать книги «едина по друзей» и не только на церковнославянском языке, но «и иными языки и писанми» (Служебник, предисловие, л. 4).

Какие же именно книги собирались издавать Балабаны? К сожалению, на этот вопрос материалы дают очень общий ответ: книги «учителей церковных» — говорит то же предисловие Служебника, а предисловие Требника называет четыре книги: Служебник, Требник, Учительное Евангелие и Псалтырь (4 нен. — об и 6 нен. — об). Памво Берында в послесловии к своему «Лексикону славеноросскому» говорит, что Федор Юрьевич «Славенская Вівля... издати възделев... Мелетия Патриарху (так. — Г. К.)... моляше, да послет ему Вівлю ел [линскую]... типом или пером начертанную...»

В издательском плане Балабанов были, несомненно, и другие книги. По крайней мере, об одной из них можно говорить вполне определенно — это Четвероевангелие. Для издания этой книги были скопированы с незначительными изменениями изображения четырех евангелистов из виленского Евангелия Петра Мстиславца 1575 года и вырезаны их доски. Что доски были вырезаны у Балабанов, видно из их герба — три «реки» — внизу на ксилографии евангелиста Луки. С этих досок Берында в 1616 году сделал отписки. Они встречаются в галицких рукописных Евангелиях первой половины XVII в.

Для осуществления своего плана Балабаны отовсюду собирают соответствующие книги. «Събрах многия требники елика и от здешних предел, елика же от земля волоское, мултанское и сербьское», — говорит Геден (Требник, предисловие, л. 3 — об.). От Мелетия Пигаса, патриарха константинопольского, он получает, по своей просьбе, Служебник и Требник (там же, л. 5). Федор Юрьевич «в своей Вивлиофице имяше в множестве книг», в том числе и восьмитомную Библию Плантена, рассказывает в послесловии к «Лексикону» Берында.

Была организована, так сказать, редакционная коллегия из «людей, искусных в художестве том» (Требник, предисловие, л. 7 — об.). Они должны были «прозрети (там же, л. 5), исследовати и на многих местех исправити» (Учительное Евангелие, предисловие, л. 2 — об.) книги, предназначенные к печати.

Все три сохранившиеся балабановские издания богаты книжными украшениями, особенно Служебник. Украшения эти весьма неоднородны по своему происхождению. В Служебнике и Требнике наряду с заставками, в большей или меньшей мере характерными для рукописной или

⁸ Документы эти хранятся во Львовском архиве: «Inducta relationis castr. Leopoliensis», т. 3566, год 1603, стр. 624—626 и 926—927; год 1604, стр. 80.

⁹ И. М а л ы ш е в с к и й. Александрийский патриарх Мелетий Пигас и его участие в делах русской церкви, т. I. Киев, 1872, стр. 427.

Рис. 2. Заставка из венецианского Служебника 1519 года —
вверху, из стрятинского Служебника 1604 года — внизу

печатной восточнославянской книги того времени, встречаются заставки, явно восходящие к западноевропейским ренессансным прототипам. На этих заставках среди экзотической растительности видим амуров, сирен, гарпий, дельфинов и т. п. В Служебнике и Учительном Евангелии все инициалы восходят к западноевропейским оригиналам, из них одиннадцать — копии инициалов Плантеновской Библии. А в Требнике преобладают инициалы рукописного типа, так называемые ломбарды.

Из южнославянских книжных украшений в балабановских изданиях встретилась только одна заставка (рис. 2): в Служебнике на стр. 8 первого счета, 498 и 518 и в Требнике на лл. 10, 226 — об. и 615 — об. Заставка эта является творческим переосмыслением заставки ряда венецианских изданий Божидара Вуковича, начиная со Служебника 1519 года (Медакович, 273 и др.) и Псалтыря с Часословцем того же года (Медакович, XXXII). Балабановский художник внес довольно существенные изменения в оригинал. Его заставка изящнее божидаровской. Растительный орнамент в последней беден, схематичен. Схематичны и четыре дельфина с птицей на голове у каждого. В балабановской заставке он богаче, его листья, цветы более жизненны, реалистичны. Дельфины с большим изяществом заполняют отведенное им пространство. Две птицы на головах средних дельфинов вместо четырех устраняют монотонность, присущую божидаровской заставке.

После выхода в свет стрятинского Требника 1606 года и крилосского Учительного Евангелия того же года обе типографии прекращают свою деятельность. Причина — смерть обоих основателей их: Федор Юрьевич умер в мае 1606 г., а Гедеон Балабан — в феврале 1607 г. Стрятинскую типографию приобрела Киево-Печерская лавра. Ее архимандрит Елисей Плетенецкий перед 1616 годом «повскресил Друкарню, припадую пылом Балабана».

Вслед за типографией в Киево-Печерскую лавру перешли и «делатели» балабановского издательства — Памво Берында, Гавриил Дорофеевич и другие, среди них и художник или художники. Последним только и можно объяснить поразительное сходство с балабановскими некоторых книжных украшений в лаврских изданиях, а также портретных изображений — сходство, доходящее до полного тождества.

Широкие издательские планы Балабанов позволяют предполагать, что их художники выполнили значительно большее число украшений, чем мы их находим в трех много раз названных книгах. К такому заключению приводит тот факт, что в киевских лаврских изданиях, начиная с первых, мы встречаем копии плантеновских греческих инициалов: «дельты» на фоне растительного орнамента; «сигмы» — на фоне фавна, играющего на свирели, и нимфы, играющей на арфе, и др. Инициалов этих в балабановских изданиях нет, а выполнены они совершенно так же, как и копии

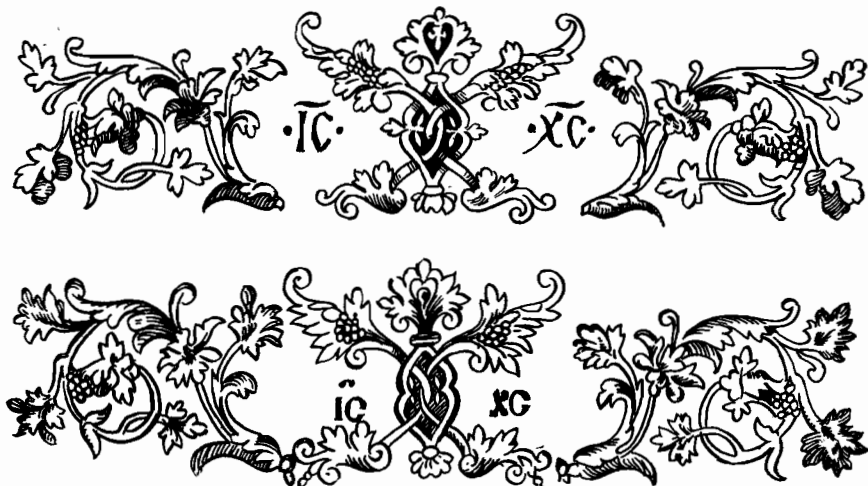

Рис. 3. Заставка из венецианской *Минеи праздничной* 1538 года — сверху, из киевского *Анфологиона* 1619 года — внизу

других плантеновских инициалов, в них находящихся. Встречаем в лаврских изданиях инициалы, тоже явно восходящие к западноевропейским, но выполненные в иной манере, обычной для большинства балабановских инициалов, например «Ф» — на фоне мчащегося Пегаса, «Р» — на фоне птицы, клюющей какой-то предмет, лежащий у ее ног, «Я» — на фоне аканта, и ряд других инициалов. Вместе со всем типографским инвентарем стрятинской друкарни и эти инициалы попали в Киево-Печерскую лавру.

Но возможно и другое. Елисей Плетенецкий, приобретая стрятинскую типографию, вероятно, приобрел вместе с нею и библиотеку Федора Юрьевича Балабана. В ней, как мы уже знаем, находилась плантеновская Библия, а среди «сербских» книг те, в которых была рассмотренная выше заставка с четырьмя дельфинами, и *Минея праздничная* 1538 года (Медакович, XXXVIII — LV), копии иллюстраций и заставки которой видим в *Анфологионе* 1619 года, первой лаврской книге большого формата. И с этих книг, вероятно, уже в лавре были вырезаны доски книжных украшений, которые не сходят со страниц ее изданий в течение всего XVII в.

Правильнее считать, что часть досок книжных украшений, которые не нашли применения в балабановских изданиях, были вырезаны еще в Стрятине, а часть их балабановский художник вырезал уже в лавре. Например, портреты трех авторов литургии в лаврском *Служебнике* 1620 года (Каратаев, № 256) и последующих изданиях его, — имеющие вполне определенные, хотя и весьма незначительные отличия от изображений их в стрятинском *Служебнике* 1604 года. Как бы то ни было, но появление в лаврских книгах иллюстраций и книжных украшений, восходящих к плантеновской Библии и южнославянским венецианским изданиям, связано с балабановским издательством.

Копии из венецианской *Минеи праздничной* 1538 года, вероятно, были выполнены еще у Балабанов (30 иллюстраций). Из орнаментальных украшений этой *Минеи* в лаврском *Анфологионе* воспроизведена только одна составная заставка¹⁰. Божидаровская заставка состоит из трех компонентов: центрального — скелет буквы «Ж», усложненный листьями вино-

¹⁰ Заставка эта встречается и раньше, например в божидаровском венецианском *Октоихе* 1537 г. (Медакович, XXXVII, 2).

града (?) и плодами его вверху, и двух симметричных веток того же винограда с его плодами (рис. 3). Заставка эта с большой точностью воспроизведена в лаврском Анфологионе 1619 года (стр. 326). Разница лишь в том, что обе крайние ветки ближе примыкают к центральной фигуре, чем в божидаровской заставке, и фигура эта отпечатана киноварью, а божидаровская заставка вся черная.

Компоненты этой заставки и в божидаровских и в лаврских изданиях продолжают свое существование в разрозненном виде. При этом крайние ветки в божидаровских изданиях расположены обычно в горизонтальном положении (Медакович, LXX, LXXVIII), а в лаврских — в вертикальном.

В таком виде мы их находим в том же Анфологионе (стр. 714, ошибочно напечатано 704). В данном случае, строго говоря, эти ветки и нельзя назвать заставкой, так как между ними расположены три строки текста — заголовок раздела. Далее они встречаются уже как концовки, например в «Беседах на 14 посланий...», 1623 г. (стб. 2179—2180 — Каратаев, № 284); в «Венце Христовом» Антония Радиловского, 1688 г. (лл. 59, 338); в «Книге житий святых», ч. I, 1689 г. (л. 14 — об.); «Новом завете» 1692 г. (л. 240) и др.

Чаще встречается в функции концовки центральная часть той заставки. Она есть в названных выше четырех лаврских изданиях, кроме того: в «Лейтургиарионе» 1629 г. (стр. 100, I счета — Каратаев, № 336), в «Евхологионе» 1646 г. (лл. 448, 834 и л. 4 III счета — Каратаев, № 595); в «Акафистах» 1663 г. (л. 194 — об.); в обоих вариантах «Синописа» 1680 г. (на последней стр.); в «Минее общей» 1680 г. (лл. 74 — об., 174 — об., 484); в «Патерике» 1702 г. (лл. 40, 136 — об.) и др.

Четыре иллюстрации из той же божидаровской Минеи праздничной довольно точно воспроизведены в лаврском Анфологионе 1619 года и повторены в последующих лаврских изданиях: «Крещение господне», «Преображение», «Рождество богородицы» и «Успение». Отклонения от божидаровских оригиналов во всех четырех лаврских копиях незначительны: изменены лишь некоторые детали, сама же композиция остается неприкосновенной.

Так, в лаврской копии «Крещения»¹¹ (стр. 637) более детально разработаны горы на заднем плане, на их фоне слева прибавлено две фигуры. Голубь, «дух святой», дан в полете с распростертыми крыльями, а на божидаровской иллюстрации он как бы подвешен. Слева от Христа даны три рыбы вместо двух на божидаровской иллюстрации. Есть и другие изменения божидаровского оригинала.

Подобные же изменения находим и в трех других лаврских иллюстрациях, копиях божидаровских. В «Преображении» (стр. 939) иначе даны горы (рис. 4), на которых стоят Илья и Моисей, прибавлено растительности, в руках Моисея — скрижали, которых нет на божидаровской ксилографии, и др. Эта же иллюстрация, по-видимому, с той же доски оттиснутая, есть в лаврском издании «Тълкование на Апокалипсий» Андрея Кессарийского, 1625 г. (стр. 123 — Каратаев, № 301). В «Успении» (стр. 961) совсем иные палаты на заднем плане (рис. 5), пол из четырехугольных плит, прибавлен серафим над Христом и др. Иллюстрация эта, оттиснутая, очевидно, с той же доски, встретила в двух лаврских изданиях: Служебнике 1620 г. (Каратаев, № 256) на обороте титульного листа и в «Главизнах поучительных» Агапита диакона, 1628 г. (Каратаев, № 324) тоже на обороте титульного листа. Подобные изменения есть и на четвертой ксилографии «Рождество богородицы» в лаврском Анфологионе, 1619 г. (стр. 52).

¹¹ Репродукции см. Г. И. Коляда. Памво Берында — архитипограф. В сб.: «Книга», т. IX. М., 1964, стр. 133 и 134.

Рис. 4. «Преображение» из венецианской Минеи праздничной 1538 года — сверху, из киевского Анфологиона 1619 года — внизу

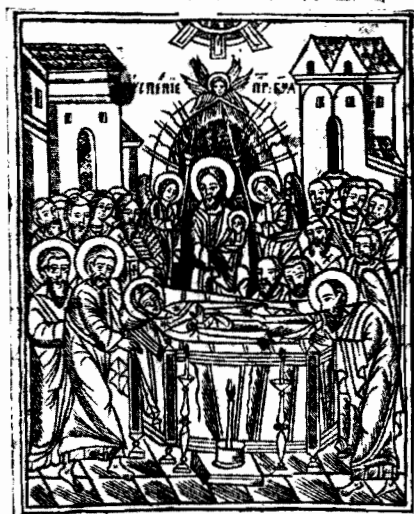

Рис. 5. «Успение» из венецианской Минеи праздничной 1538 года — сверху, из киевского Анфологиона 1619 года — внизу

Кто же был гравером этих четырех иллюстраций и рассмотренной выше заставки? Никакого ответа на это современные документы не дают. Возможно, гравером их был лаврский архитипограф, автор «Лексикона славеноросского» Памво Берында¹².

Кроме рассмотренного случая обращения к южнославянской графике в Москве в середине XVI в., трех случаев в белорусских изданиях XVI—XVII вв. и семи случаев в украинской книге XVI—XVII вв., других пока не удалось обнаружить, хотя несомненно они есть. Но ограничить книжные связи южного и восточного славянства только орнаментикой было бы слишком узко, неполно и неправильно.

Турция, покорив южных славян, применяла всяческие меры к тому, чтобы заставить их принять ислам. Но эти меры оказались действенными только для некоторой части феодальной верхушки. Славяне, принявшие ислам, тем самым становились турками. Они отрекались и отрывались от своего народа, своей национальности. Огромные же массы южного

¹² Г. И. Коляда. Там же, стр. 125—128. Гравером П. Берынду считает также В. Сичинский. См. его «Историю украинського граверства XVI—XVIII ст.». Львів, 1937, стр. 9.

славянства, оставшиеся православными, турецкие завоеватели рассматривали как стадо — райю. Они были лишены основных гражданских прав.

Религия в этих условиях была тесно связана с национальным самосознанием. Православные книги, противодействуя мусульманской пропаганде, способствовали сохранению южными славянами своей национальности, служили препятствием к их денационализации.

К концу XVI в. южнославянское книгопечатание замирает, но к этому времени на Балканах появляются книги, напечатанные в Москве, на Украине и в Белоруссии. Таким образом, один из факторов, способствовавших сохранению южными славянами своего национального самосознания, оставался в силе.

Кирилловская книга XVI—XVII вв., ее орнаментика — это связующее звено между южно- и восточнославянскими народами. Наши предки высоко оценивали роль книги в общественной жизни. «Свет дневной есть слово книжное», — говорили они, — «... но и солнечную светлость мрачный облак закрывает, а книжную премудрость и вся тварь сокрыти не может».

Е. С. МАКОВА

СОСТОЯНИЕ ЗАГРЕБСКОЙ ТОРГОВЛИ В СЕРЕДИНЕ XVI в. ПО ДАННЫМ ТАМОЖЕННЫХ ЗАПИСЕЙ ГОРОДСКОЙ КОММУНЫ

Вопрос о загребской торговле середины XVI в. уже ставился в исторической литературе. Однако как наиболее значительная работа по истории загребской торговли, принадлежащая перу И. Ткалчича, так и работы современных югославских историков, затрагивающие этот вопрос, написаны без учета всех имеющихся материалов¹.

Данные таможенных записей загребской городской коммуны, опубликованные Э. Лашовским², до настоящего времени детально не исследовались³. Между тем они представляют большой интерес.

Записи, имеющиеся в нашем распоряжении, охватывают период с 1544 по 1558 г. Они делались следующим образом: в книгу под соответствующей датой (год и месяц) вносилось имя горожанина, провозившего через таможенную товар, затем перечислялись виды товаров и, в большинстве случаев, их количество, а также денежная сумма, подлежащая уплате. Стоимость каждого товара приходится вычислять; при этом можно применять два способа: либо исходя из заранее вычисленных цен, либо умножая сумму таможенного сбора, причитающуюся к уплате, на 20 (тридцатина в рассматриваемое время составляла $\frac{1}{20}$ стоимости товара). Правда, все цены точно установить невозможно, а в арифметических подсчетах, делавшихся составителями записей, довольно часто встречаются ошибки. Поэтому при сверке данные, полученные первым и вторым способами, часто не совпадают: это отразилось на одной из наших таблиц, где для ряда случаев потребовалось указать две цифры вместо одной.

По записям можно судить об объеме и направлении внешней торговли, о том, кто из городских жителей в ней участвовал. О внутренней торговле рассматриваемые документы сведений не дают (тридцатиной облагались только товары, провозимые через границы); остается неизвестным, как реализовались ввозимые предметы и откуда брались те, что шли на вывоз. Поэтому для объяснения некоторых особенно важных явлений (вопрос о колебаниях стоимости вывозимого скота) приходится обращаться к другим документам (например, судебным делам)⁴.

¹ I. Tka l č i ć. O staroj zagrebačkoj trgovini. Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1909, sv. 176, s. 177—238; sv. 178, s. 81—114; «История народа Югославии», кн. 2. Београд, 1960, s. 397—405; R. Vi č a n i ć. Počeci kapitalizma u hrvatskoj ekonomici i politici. Zagreb, 1952, s. 5—21.

² «Povjesni spomenici slobodnoga kraljevskoga grada Zagreba», sv. XIII. Zagreb, 1931, s. 99—248.

³ Первый шаг в этом направлении был предпринят Ю. В. Бромлеем в монографии «Крестыанское восстание 1573 г. в Хорватии». М., 1959, 318 стр.

⁴ «Povjesni spomenici...», sv. XIV, 1932, 500 s.

Городское право Загребу было пожаловано в 1242 г. (одному из первых в континентальной Хорватии). В первой половине XVI в. по численности населения он превосходил все города Хорватии, а с 1557 г. стал хорватской столицей. Основой его экономики было ремесло: уже перепись XIV в. показывает, что ремесленное население составляло более 30% жителей⁵; едва ли этот процент был меньшим в XVI в.⁶ Основными отраслями ремесла было производство кожаных и меховых изделий; в этом смысле Загреб — не исключение среди других хорватских городов. Значительное развитие получила обработка металлов — это отличает загребскую экономику от экономики далматинских городов и сближает ее с городами Словении. Зато слабое развитие текстильного производства было, видимо, характерно для большинства югославянских городов.

Весьма существенную роль играло в хозяйстве Загреба производство сельскохозяйственных продуктов: в земледелии — виноградарство и в меньшей степени производство зерна, а в животноводстве — разведение свиней и затем крупного рогатого скота.

В жалованную грамоту 1242 г. были внесены пункты, гарантировавшие жившим в городе «гостям» условия для их торговой деятельности: возмещение убытков в случае ограбления, освобождение от пошлин в границах королевства и разрешение проводить в городе торги⁷. Венгерские короли, а затем Габсбурги регулярно подтверждали эти права. До середины XVI в. горожане не только сохранили, но и расширили право на устройство торгов. Было учреждено три ярмарки⁸.

Однако, несмотря на покровительственное, казалось бы, отношение властей, условия для развития загребской торговли складывались не самым благоприятным образом: феодальное государство неспособно было защитить купцов от незаконных притязаний отдельных представителей господствующего класса, не говоря уже об ограждении их от конкуренции со стороны местных феодалов и иностранных купцов⁹.

К концу XVI в. появляются некоторые признаки упадка ремесла в Загребѣ, особенно строительного¹⁰. В сфере аграрного производства возрастает роль зерновых культур, что, по-видимому, свидетельствует об известной тенденции к натурализации хозяйства. В период, о котором идет речь в статье, эти явления еще не дают себя знать, однако предпосылки, обусловившие их возникновение, уже складываются. В социально-экономическом развитии Хорватии XVI в. историки находят те же отрицательные черты, которыми характеризовалось развитие экономики и общественных отношений в других восточноевропейских странах: расширение феодалами домениальной запашки и переход к наиболее жестоким и отсталым методам эксплуатации крестьян, что не могло не повлечь за собой разорения крестьянских хозяйств. Кроме того, на экономику Хорватии в XVI в. отрицательно влияла турецкая экспансия, в результате которой к рассматриваемому времени страна потеряла значительную часть своей территории и вынуждена была постоянно вести борьбу, требо-

⁵ «Povjesni spomenici...», sv. XI, 1905, s. 227—236.

⁶ В органах городского самоуправления среди присяжных и членов совета им, как правило, принадлежало не меньше половины мест. См. «Povjesni spomenici...», sv. XIV.

⁷ «Povjesni spomenici...», sv. I, 1889, s. 15—18.

⁸ Ibid., s. 26, 243; Ibid., sv. XV, s. 59.

⁹ Благодаря работам И. Ткалчица мы уже имеем достаточно ясное понятие о тех трудностях, которые встречало в своей деятельности загребское торговое население. И. Ткалчиц сообщает ряд фактов грабежа проезжих купцов феодалами; подробно описывает длительную историю борьбы за рынок между городской коммуной и загребским капиталом и за право на освобождение от тридцатины.

¹⁰ См. Е. С. Макарова. К вопросу о состоянии ремесла в Загребѣ в XVI в. — «Вестник МГУ», № 5, 1964.

вавшую огромного напряжения сил и материальных жертв. В этих условиях особенно длительными и тяжелыми становились последствия такого постоянного бича средневековых городов, как эпидемии: в середине 40-х годов Загреб пострадал от чумы, вследствие которой численность населения сократилась почти в два раза (400 дымов по переписи 1546 г. против 700 в 1543 г.). До конца XVI в., как можно судить по некоторым косвенным данным, эта убыль населения не была восполнена¹¹.

Понятно, что все это не могло не влиять на развитие городской торговли. Рассмотрим табл. 1, 2, где примерное соотношение стоимости ввозимых товаров выражено в процентах.

Вывоз (100%)

Таблица 1

Годы	Скот	Кожы	Мед и воск	Прочие товары	Годы	Скот	Кожы	Мед и воск	Прочие товары
1545	76,0	8,0	5,5	10,5	1552	95,8	2,3	0,9	1,0
1546	56,5	1,5	22,5	19,5	1553	80,0	14,8	2,0	3,2
1547	91,0	3,0	1,0	5,0	1554	66,5	29,8	0,8	2,9
1548	54,8	24,9	12,4	7,9	1555	73,1	26,9	—	—
1549	93,3	1,2	3,0	2,5	1556	63,5	21,5	—	15,0
1550	89,0	3,0	6,0	2,0	1557	27,4	55,2	10,7	6,7
1551	83,4	1,8	11,3	3,5	1558	43,2	44,6	8,3	3,9

Таблица 2

Ввоз (100%)

Годы	Сукно	Прочие ткани	Оливковое масло	Бакалея, фрукты, вино ¹	Соль	Меха	Ремесленные изделия	Прочие товары ²
1545	51,3	—	17,2	4,4	2,6	4,3	3,6	16,6
1546	60,4	0,7	8,2	0,8	4,1	3,6	4,2	18,0
1547	67,6	0,5	12,0	1,6	0,8	3,2	2,7	11,6
1548	74,7	—	14,8	0,2	2,3	0,6	0,6	6,8
1549	68,2	0,9	15,6	1,8	0,2	1,2	1,1	11,0
1550	70,4	—	12,3	0,3	—	3,0	2,3	11,7
1551	82,3	—	4,6	0,4	0,6	0,8	3,1	8,2
1552	63,4	0,2	12,3	2,7	0,2	1,6	5,5	14,1
1553	57,4	1,0	13,9	3,0	0,2	2,4	11,2	10,9
1554	54,8	2,0	16,8	1,3	1,1	2,3	12,1	9,6
1555	53,0	1,3	15,5	3,4	0,5	3,5	12,2	10,6
1556	56,0	0,7	16,3	1,6	0,1	3,9	7,2	14,2
1557	61,1	1,3	17,7	3,1	0,3	2,7	6,4	7,4
1558	45,5	0,2	21,3	3,8	0,1	5,1	9,5	14,5

¹ К этой же группе товаров нами отнесены и некоторые другие, по преимуществу не являющиеся предметами широкого потребления: восточные сладости, туалетное мыло, красители (удельный вес их по стоимости был очень невелик).

² В основном предметы, обозначенные в таможенных записях «res mercantiae parvalia» (т. е. мелкие товары), — без дальнейшей расшифровки.

Как видим, ассортимент вывозимых товаров очень ограничен. Вывозят из города главным образом скот (волов, быков, телят, коров, свиней, реже — коней), который составляет по стоимости более половины всех вывозимых товаров, а в иные годы превышает и 90%. На втором месте по стоимости — кожи (в 1557—1558 гг. они выходят даже на первое место); затем — мед и воск (в 1546 г. их стоимость по отношению к стоимости всего вывоза составила 22,5%). На долю всех прочих товаров (зерно,

¹¹ В 1595 г. во время строительства крепости Брест от Загреба требовалось всего 50 человек «ex numero civium» — в 4 раза меньше, чем от Вараждина, и только в 2 раза больше, чем от жителей Крижевцев или Копривницы. «Monumenta spectantia historiam Slavorum meridionalium», v. 41. Zagrabiae, 1917, p. 324.

сушеная рыба, птица, иногда — медь; из ремесленных изделий — только пояса) приходится от 1 до 19,5%.

Такой ассортимент определенно указывает на невысокое развитие городского ремесла и позволяет предположить, что в городском хозяйстве преобладало сельскохозяйственное производство. Однако скот для вывоза богатые купцы скупали главным образом на стороне и затем перепродавали. Прямых подтверждений этого в документах XVI в. нам не удалось отыскать. Зато имеется любопытный факт, зарегистрированный в одном из судебных дел, относящихся к концу XV в., рисующий в деталях картину того, как подобные операции производились. В 1495 г. в городском суде рассматривалось «дело между Лаврентием-шпорником, Иваном-торговцем и вдовой Елицей о 55 флоринах, которые они совместно дали для покупки свиней». В компанию (кетуш) был принят также один житель местечка Иванич, который купил на врученные ему деньги 80 свиней. Они были пригнаны к Загребу и паслись в его окрестностях. Покупателя нашли в Любляне, однако сделка почему-то не состоялась, и свиньи без должного присмотра пропали. Таково содержание дела¹².

Мы вправе предположить, что объектом скупки и перепродажи был и крупный рогатый скот. В судебных актах последней четверти XV в. есть несколько упоминаний о волах, приобретенных на паях, и о прибыли от продажи волов (*lucrum*), подлежащей разделу между двумя лицами¹³. Для XVI в. также нет недостатка в подобных сведениях. Одно из судебных дел этого рода — «дело между Эмериком — ученым мужем и Михаилом-скорняком о волах, которых они, заключив между собой соглашение относительно любого исхода, как убытка, так и прибыли, к приморским краям отогнали» (1517)¹⁴. В другом деле, по-видимому, тот же Эмерик упоминает в качестве помощника в торговой операции, предоставившего своего слугу какому-то якобы приятелю, которому надо было продать 100 волов; причем из показаний на суде явствует, что для загребских жителей более привычным было видеть этого Эмерика не в такой роли, а в качестве компаньона в сделке (*socius*); специально подчеркивается, что на сей раз он послал слугу «ради дружбы», не будучи прямым участником в деле¹⁵.

Таким образом, значительная роль вывоза скота в городской торговле не может служить свидетельством аграрного характера экономики Загреба в XVI в. Тем более не может считаться таким свидетельством факт вывоза зерна, так как с ним мы встречаемся только трижды: в 1551, 1554 и 1556 гг., да и то вывезено было незначительное его количество, а в 1556 г. даже еще и ввезли на 9,2 фл.¹⁶

Что касается ассортимента ввозимых товаров, то здесь картина гораздо более разнообразна (ср. табл. 1). На первом месте по стоимости находятся ремесленные изделия и прежде всего — текстильные, а из них — сукна (до 20 названий), цена которых колеблется от трех до нескольких десятков флоринов за «штуку» (*pesia*). Из прочих ремесленных изделий в записях чаще всего фигурируют шапки, башмаки, пояса, металлические изделия (ножи и гвозди), стекло; есть упоминания о ввозе бумаги, пишалаей.

Перечень ввозимых в город ремесленных изделий включает в себя большей частью товары тех видов, которые производились и в самом городе, но, надо полагать, не в достаточном количестве.

¹² «Povjesni spomenici...», sv. VIII, 1902, s. 107.

¹³ *Ibid.*, s. 84, 90, 96.

¹⁴ *Ibid.*, sv. XIV, s. 19—20.

¹⁵ *Ibid.*, s. 96—99.

¹⁶ *Ibid.* sv. XIII, s. 156—218.

В следующую большую группу ввозимых товаров могут быть включены продукты (в том числе и сельскохозяйственные), в основном предназначенные для городской верхушки, которые не производились в городе и его ближайших окрестностях: оливковое масло, дорогое вино, апельсины, пряности, восточные сладости, бакалея.

В особую группу выделяются меха и меховые изделия: овчины или смушки, овчинные тулупы, лисьи шкуры и шубы, а также кожи. В большинстве случаев все это поступало в город через посредство скорняков и сапожников; по стоимости эта группа товаров играет во ввозе небольшую роль, но важна для понимания некоторых сторон в организации торговли (об этом см. ниже).

В группу «прочие товары» пришлось включить, наряду с обозначенными неопределенным термином «*res mercantiae parvalia*», также шерсть и краску для шляп, порох и селитру. По стоимости эти товары составляют такой незначительный процент, что их невозможно выделить в особую группу.

Материалы таможенных записей за 1552—1558 гг. дают возможность определить, какими путями те или иные товары шли из города и в город¹⁷. Наиболее оживленной в эти годы была дорога через Самобор на Люблян: по нашим подсчетам, через самоборскую таможню провозились товары более 50 наименований. Сукно, являвшееся основным предметом ввоза, проходило через эту таможню на гораздо большие суммы, чем через прочие. Большой поток товаров шел также через Брдовец, Кланец и Крапину (дороги на Птуй и Вараждин). Можно насчитать более двух десятков разных видов товаров, провозившихся через указанные таможни.

Что касается вывоза, то здесь по разнообразию товаров первое место принадлежит таможням в Самоборе и Брдовце, так как, кроме скота, через них вывозились кожи, пояса, воск (через Самобор), зерно и вино (через Брдовец), медь (через Самобор). Если же принять во внимание не только ассортимент, но и стоимость вывозимых товаров, то получится картина несколько иная. Если в 1552—1553 гг. основное количество скота вывозилось через Самобор и Брдовец (вывоз крупного рогатого скота зарегистрирован только в этих таможнях), то начиная с 1554 г. торговля скотом перемещается преимущественно на северо-восточные пути. Загребские торговцы вывозят исключительно свиней и в основном — через Кланец и Крапину. По-видимому, наибольший спрос на свиней, ставших в 1554—1558 гг. основным объектом вывоза загребских скототорговцев, предьявлялся в Штирии и венгерских землях.

Дорога через Крапич, также связывавшая Загреб с Люблянкой, была, по-видимому, менее удобной, чем путь через Самобор. Через эту таможню ввозились только сукна, меха, «*res mercantiae parvalia*» и сапоги; два раза мы нашли здесь пометки о вывозе свиней.

Через таможню в Дубовце на дороге, ведущей к Адриатическому побережью, в 1555 г. четверо купцов провезли всего-навсего на 19 фл. соли, да еще один из них — на 12 фл. сукна. Это, по-видимому, объясняется тем, что дорога проходила через владения князей Франкопанов и была небезопасной для купцов¹⁸.

¹⁷ Более ранние записи не упоминают названий филиалов загребской таможни, находившихся вблизи границ на важнейших торговых путях, а фиксируют только доход загребской таможни в целом.

¹⁸ В одном из судебных дел первой четверти XVI в. речь идет об ограблении возле Бриня слугами князя Б. Франкопана троих купцов (один — загребский житель, один — итальянец и один — из Буды), направлявшихся в Сень. «*Povjesni spomenici...*», sv. XIV, s. 29.

Один раз упоминается в записях о взимании пошлины со свиней в Цветлине (дорога на Вараждин).

Итак, на основании более подробного анализа материалов таможенных записей можно заключить, что в середине XVI в. наиболее тесными были торговые связи Загреба со словенскими землями и вообще с Западом, откуда поступали самые разнообразные товары и в наибольшем количестве (значительная часть их, вероятно, ввозилась из более далеких стран, были товары и явно восточного происхождения) и куда вывозилась основная масса продуктов местного хозяйства. Существенную роль в загребской торговле в этот период играли и северо-восточные пути; их роль становится более заметной, когда прекращается вывоз крупного рогатого скота и тем самым значение западных путей, по которым он раньше в основном шел, снижается.

Таблица 3 содержит данные (в флоринах), характеризующие объем торговых оборотов в целом.

Таблица 3

Годы	Ввоз	Вывоз	Сумма
1545	2888 (2909)	1625	4513 (4534)
1546	3786,7	611,1	4397,8
1547	4108,7 (4148,7)	2983	7091,7 (7131,7)
1548	3623 (3641)	842,4	4465,4 (4483,4)
1549	3374,5 (3474,5)	3524	6898,5 (6998,5)
1550	2197,5	1910	4107,5
1551	3711	2333,4	6044,4
1552	2843 (2869)	2816,2	5659,2 (5685,2)
1553	4888,1 (4936,1)	1759	6647,1 (6695,1)
1554	5169,4	1214,8	6384,2
1555	3941,5	773,5	4715
1556	4488,2 (4508,2)	418,3	4906,5 (4926,5)
1557	6344	774,3	7118,3
1558	3528,5	542	4070,5

На основе данных, извлеченных из таможенных записей, довольно трудно судить о динамике развития загребской торговли, поскольку они относятся к весьма небольшому отрезку времени. Однако некоторые характерные моменты, думается, можно отметить.

Как видно, полученные цифры очень невелики по сравнению с тем, что известно о торговле крупных городов того времени. Причем особенно бросается в глаза резкое преобладание ввоза над вывозом, за исключением двух лет (1550 и 1552 гг.), когда ввоз и вывоз примерно уравниваются, и 1549 г., когда баланс получился активным. В обычные годы стоимость ввоза превышает стоимость вывоза более чем в 1,5—10 раз.

Средняя цифра ежегодного ввоза для 40-х годов XVI в. составляла свыше 3,5 тыс. фл., для 50-х — свыше 4-х тыс. Если учесть к тому же, что максимальная в 40-х годах величина ввоза четыре раза превышалась в 50-х годах, то можно говорить о тенденции возрастания стоимости ввозимых товаров в рассматриваемые годы.

Для вывоза наблюдается обратная картина: в 40-х годах среднегодовая стоимость вывозимых товаров была около 2000 фл., в 50-х — около 1400 фл. Правда, ввиду сильного колебания цифр здесь трудно говорить о какой-то постоянно действующей тенденции: отчетливо видно только резкое падение стоимости вывоза в 1554—1558 гг. Если же взять 1550—1554 гг., то здесь средняя стоимость вывоза даже поднялась (более 2000 фл.). Среднегодовая стоимость всего товарооборота составляет и для 40-х и для 50-х годов примерно 5,5 тыс. фл.

Падение стоимости вывоза в 1554—1558 гг. было обусловлено прекращением вывоза крупного рогатого скота и некоторым сокращением вывоза свиней. Вывоз других товаров остался примерно на прежнем уровне, а среднегодовая стоимость вывозимых кож даже возросла: 130 фл. в 1545—1554 гг. и 240 фл. в 1555—1558 гг.¹⁹

Чем объясняется такое состояние вывоза?

Если бы речь шла только о прекращении вывоза крупного рогатого скота, мы могли бы это объяснить как вызванное внешними причинами временное явление, которое, по мнению Ю. В. Бромлея, «очевидно, было связано с соответствующим запрещением властей»; такие запрещения «в Венгерско-Хорватском королевстве... в позднее средневековье практиковались довольно часто»²⁰. Однако дело не только в этом. Действительно, вывоз крупного рогатого скота прекратился уже в 1554 г., а между тем общая стоимость вывезенных в этом году товаров удержалась на достаточно высоком уровне, так как загребские купцы увеличили вывоз свиней, достигший рекордной высоты по стоимости — 810 фл. Если бы загребские купцы продолжали ежегодно вывозить свиней на такую сумму, столь резкого спада стоимости вывоза не произошло бы. Но мы видим совсем обратное явление: вывоз свиней не только не возрос, но даже сократился (в 1555—1558 гг. в среднем вывозилось 180 голов, тогда как в 1547—1554 гг. — 310). Причины этого, как нам представляется, в колебаниях цен на свиней. В 1545 г., когда было вывезено только 97 свиней, каждая оценивалась примерно в 1,5—2,5 фл. В 1546 г. вывезено 148 голов, из которых только 24 стоили по 3,2 фл., остальные — по 1 фл. каждая. Затем на протяжении шести лет одна свинья оценивается в 1 фл., но начиная с 1553 г. стоимость одной свињи поднимается до 1,6—1,9 фл., и в этом же году сильно снижается вывоз — с 639 голов до 151. Правда, в 1554 г. он опять увеличился, и весьма значительно (439 голов), еще в 1555 г. оставался на достаточно высоком уровне (310). Но среднегодовое число вывозимых свиней в 1553—1558 гг. составляет около 220 голов против 320 в 1547—1552 гг.

Объясняется это, по-видимому, тем, что революция цен затруднила участие в торговле сельскохозяйственными продуктами лиц, наживавшихся на перепродаже скота (а таких, как нам представляется, среди загребских скототорговцев было большинство), так как цены на него повысились; невыгодность положения усугублялась и пропорциональным возрастанием таможенных сборов. В то же время повышение цен на скот должно было усилить заинтересованность в его вывозе у лиц, занимавшихся разведением скота, что уменьшало долю городских купцов-посредников. К тому же свободные от уплаты пошлин феодалы, выступая на рынке сельскохозяйственных продуктов конкурентами горожан, находились в особо выгодном положении. Таким образом, упадок экспортной торговли, наметившийся в Загребе во второй половине 50-х годов XVI в., имел, как нам представляется, глубокие внутренние причины²¹.

Загребские купцы, вытесняемые с рынка сельскохозяйственных продуктов, безуспешно старались вознаградить себя за счет ввоза, стои-

¹⁹ Собственно, рост стоимости вывозимых кож можно заметить еще раньше: уже в 1553 г. она достигла 260 фл., а в следующем году даже 360 фл.; таможенные расценки на кожи в рассматриваемые годы не изменялись; значит, приведенные цифры отражают увеличение количества вывозимого товара.

²⁰ Ю. В. Бромлей. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М., 1959, стр. 81.

²¹ Надо сказать, что подобное положение в середине XVI в. сложилось не только в Хорватии. Аналогичную картину можно наблюдать, например, в Польше. См. R. R y b a r s k i. Handel i polityka handlowa w Polsce w XVI st. T. I. Poznań, 1928, s. 236—237.

мость которого поднимается в 1557 г. до рекордной цифры. Однако среднегодовая стоимость торгового оборота в 1555—1558 гг. составляет всего 5202,6 фл., тогда как в 1550—1554 гг. она достигала 5768,5 фл., а в 1558 г. стоимость ввозимых товаров упала сравнительно с 1557 г. почти на 3000 фл. Последнее обстоятельство, на наш взгляд, объясняется тем, что загребская торговля была в основном сосредоточена в руках небольшого числа лиц, а потому участие или неучастие в торговых операциях каждого из них весьма чувствительно сказывалось на объеме этой торговли в целом. В 1558 г. погиб в Италии крупнейший торговец Загреба А. Шибеницкий, ежегодно ввозивший в 50-х годах товару на сумму в среднем свыше 1000 фл. (в 1557 г. он провез через таможи товаров стоимостью около 2000 фл.). Само собой разумеется, что снижение ввоза в 1558 г. связано с гибелью А. Шибеницкого. Однако то, что смерть одного лица так отразилась на всей городской торговле, безусловно свидетельствует о слабости последней. Об этом же говорит и недостаток притока в среду крупных торговцев новых лиц. За все изучаемое время в Загребе появилось только четверо новых крупных торговцев, причем по размаху своей деятельности они в 2—3 раза уступали А. Шибеничку. Можно также заметить стремление загребских купцов к расширению масштабов своих операций. Но их усилия парализуются общими неблагоприятными условиями, в которые была поставлена городская торговля, переживавшая в середине XVI в. состояние застоя.

Рассмотрим вопрос об организации торговли.

В Загребе, как и в других средневековых городах, существовала довольно значительная прослойка населения, специально занимавшаяся торговлей.

По материалам таможенных записей можно насчитать больше 140 лиц, ввозящих и вывозящих товары. Из них примерно 40 человек имеют ремесленные специальности, остальных документы называют купцами или вообще (и это чаще) никак не называют.

Наиболее крупные торговые операции ведут следующие лица: А. Шибеницкий, Г. Пастор, М. Дели, Г. Шибеницкий, С. Шафранич, М. Мазнец, Г. Лазар, И. Телетич, М. Лазар, А. Шафранич, Б. Дианчинович и М. Шугнетич. Таможенные записи ни одного из них не называют купцом; что же касается других документов, то там только при одном из перечисленных имен, а именно Г. Лазара, мы находим определение «купец» (*mercator*)²². Возможно, не для всех этих лиц торговля была основным занятием, однако, судя по всему, должна была служить для них источником значительного дохода. Самым крупным торговцем в 40—50-х годах был А. Шибеницкий. За период с 1544 по 1558 г. им было ввезено в город различного товара на сумму свыше 14 000 фл. и вывезено — более чем на 5,5 тыс. фл. (не считая того, что он ввозил и вывозил в компании с другими купцами)²³. Остальные, даже наиболее крупные купцы, по размерам торгового оборота уступают А. Шибеничку минимум в два раза.

По характеру торговых операций 12 крупных загребских купцов можно разделить на две группы. К первой следует отнести лиц, в торговой деятельности которых главную роль играет ввоз товаров (А. Шибеницкий и еще семь человек). Соотношение между стоимостью ввезенных и вывезенных

²² «Povjesni spomenici...», sv. XIII, s. 96.

²³ Насколько обширны были его торговые связи, свидетельствует письмо императора Максимилиана загребской коммуне, в котором он берет под защиту вдову А. Шибеницкого. В письме рассказывается об обстоятельствах гибели этого купца, который в 1558 г. «отправился в Италию по торговым делам и для покупки некоторых товаров и был там убит неким разбойником». «Povjesni spomenici...», sv. XII, 1929, s. 391—392.

зенных товаров в этой группе составляет минимум 3:1. (Например, Г. Лазар только раз упоминается в числе лиц, вывозящих товар; И. Телетич и М. Лазар вообще ничего не вывозили.) Поражает также разнообразие ассортимента у каждого купца: сукно, полотно, шелк, оливковое масло, соль, рыба, пряности, вино, апельсины, металлы, металлические изделия, порох и селитра, скот, мед, воск, кожи, зерно — и это будет далеко не полный перечень.

Торговая деятельность большинства из этих лиц развивается в рассматриваемый отрезок времени по восходящей линии. Особенно заметно это на примере А. Шибеничкого, который активно участвует в торговле на протяжении 14 лет (с 1544 по 1557 г.). В 40-е и 50-е годы среднегодовая стоимость провозимых им через таможи товаров выросла более чем в два раза.

К второй группе крупных торговцев Загреба можно отнести лиц, занимавшихся преимущественно торговлей на вывоз (четыре человека, т. е. 1/3). У М. Дели стоимость вывезенных товаров превышает стоимость ввезенных почти в два раза, у Г. Пастора — почти в три раза, у М. Шугнетича — почти в семь раз.

Наиболее значительные средства вкладывали эти лица в торговлю скотом. Так, Г. Пастор за 1545—1555 гг. вывоз товара на сумму более 5000 фл., из которых 4500 фл. приходится на скот (главным образом — волов); у М. Дели — соответственно 3680 из 3750 фл. (вывозил волов); у Б. Дианчиновича — 1623 из 2780 фл. (вывозил свиней и волов); у М. Шугнетича — 2150 из 2162 фл. (вывозил волов)²⁴. Второе место по стоимости среди вывозимых этими лицами товаров занимают кожи: Г. Пастор вывоз их примерно на 350 фл., М. Дели — на 45,5 фл., Б. Дианчинович — на 580 фл., М. Шугнетич — на 12 фл.²⁵

Что касается ассортимента ввозимых товаров, то эти лица, кроме М. Шугнетича, который ввозил преимущественно сукно (95% стоимости ввоза), ввозят самые разнообразные товары (например, Г. Пастор, кроме сукна, на довольно значительные суммы привозил оливковое масло и соль).

Если деятельность купцов первой группы развивалась довольно успешно, то этого нельзя сказать о купцах второй группы. Во-первых, здесь стоимость торговых оборотов подвержена резким колебаниям. Во-вторых, в 50-х годах она явно обнаруживает тенденцию к снижению: в деятельности крупнейшего из купцов второй группы — Г. Пастора — эта тенденция заметна слабее (в 1545—1549 гг. он провозил через таможи товаров в среднем на 700 фл. в год, а в 1550—1555 гг. — в среднем на 600 фл.), зато у М. Дели и Б. Дианчиновича среднегодовая стоимость торговых оборотов снижается, примерно, наполовину. Уже в 1553 г. Г. Пастор и М. Дели значительно сокращают, а Б. Дианчинович и М. Шугнетич вовсе прекращают вывоз крупного рогатого скота. Крупнейший скототорговец Г. Пастор пытается возместить понесенный ущерб за счет вывоза свиней и кож, однако ему все же не удалось удержаться на прежнем уровне, и в 1556 г. имя его вовсе исчезает со страниц таможенных записей. Имя М. Дели с 1554 г. встречается в таможенных книгах всего два раза, в связи с ввозом на незначительные суммы сукна; имя М. Шугнетича упоминается в последний раз и по такому же поводу в 1553 г. Что касается Б. Дианчиновича, то хотя стоимость вывезенных им кож возрастает в 10 с лишним раз, это не может перекрыть падения стоимости вывозимого скота²⁶.

²⁴ «Povjesni spomenici...», sv. XIII, s. 99—248.

²⁵ Ibid.

²⁶ Характерно, что свои операции по вывозу скота Б. Дианчинович производил очень часто в компании с другими купцами: то со скорняком Галлом, то с А. Шибеничком, то с Б. Боршошем; в одном судебном деле за 1547 г. рассказывается, как Б. Ди-

Таким образом, мы убеждаемся, что, действительно, в Загребе в середине XVI в. купцы, вывозящие в основном скот, буквально «погибают», подобно тому, как это было в Польше²⁷.

Мелкие торговцы, имена которых более одного раза встречаются в таможенных записях, могут быть примерно подразделены на такие же две группы, что и крупные купцы: большинство (35 человек; размеры торговых оборотов — в пределах от 6 до 1,5 тыс. фл.) занимается преимущественно ввозом товаров, меньшинство (19 человек; размеры торговых оборотов — в пределах от 2 до 700 фл.) — если не в основном, то в значительной мере — вывозом (стоимость вывозимых товаров составляет от 1/3 до 100% общей стоимости провезенных). Среди первых, в свою очередь, довольно заметную группу составляют мелкие торговцы, ввозящие в город главным образом так называемые «res mercantiae parvula». Остальные лица, причисленные нами к этому разряду, ввозили самые различные товары (главным образом сукно и оливковое масло). Никаких примеров зарождения четкой специализации мы здесь не находим. Что касается лиц, занимающихся торговлей на вывоз, то у торговцев средней руки специализация выражена ярче. Те, у которых стоимость провозимых товаров составляла от 50 до 700 фл. (десять человек), наживались в основном на вывозе скота; более мелкие (пять человек) вывозили птицу, сушеную рыбу, зерно; самые мелкие (четыре человека; стоимость провозимых товаров — до 5 фл.) в основном вывозили пояса.

Упадок торговли скотом в Загребе после 1553 г. и особенно — 1554 г. коснулся и этой категории торговцев. После 1553 г. осталось только четыре торговца скотом, после 1554 г. — три. Что же купцы средней руки вывозили из города в 1556—1558 гг.? Двое — только скот и кожи, двое — зерно (и то только в 1556 г.) и четверо — только пояса.

Как уже упоминалось, в загребской торговле в XVI в. немалая роль принадлежала лицам, имевшим ремесленные специальности. Из ремесленников в записях таможенных сборов фигурируют в большинстве лица, которые имеют дело с обработкой кож и изготовлением кожаных и меховых изделий, объединенные в сапожно-скорянском цехе: скорняки (девять человек), сапожники (десять), седельники (двое) и один щитник. Довольно часто встречаются мясники (девять); из прочих же упоминаются: портные (трое), кошелечники (двое), шляпник, ткач, ювелир и мельник.

По характеру торговой деятельности загребские ремесленники несколько различаются между собой. Прежде всего у ряда лиц здесь ярко выражена специализация, которой мы почти не находим у других торговцев, причем эти лица ввозят и вывозят товары, имеющие то или иное отношение к их ремеслу: сапожники — кожи, скорняки — меха, шляпник — шерсть и краску для шляп, ткач — полотно. Возможно, многие из сапожников и скорняков в своей торговой деятельности не выступают как купцы, т. е. лица, получающие доход от торговли. Ввозимые ими товары

анчинович вместе с упомянутым Галлом отправился в Стубицу «к каким-то их волам» (ad quosdam boves eorum), — очень возможно, что эти волы принадлежали им обоим и были приобретены на паях («Povjesni spomenici...», sv. XIV, s. 148—150). Занимаясь торговлей кожами, этот купец поддерживал контакт с загребскими кожевниками: так, в 1548 г. «по делу между Б. Дианчиновичем и г-жой Мадичей, вдовой седельника Ивана, о каком-то золотом слитке постановлено, чтобы упомянутый Бартоль (Дианчинович. — Е. М.)... присягнул, что он передал целиком одну либрицу Матии Боршошу, сыну упомянутой Мадичи, и что с упомянутым Матией был уговор относительно 13 кож стоимостью в 25 фунтов; если присягнет, г-жа Мадича пусть заплатит козам, сам же Бартоль деньги, полученные в счет стоимости этого золота, пусть отдаст г-же Мадиче». «Povjesni spomenici...», sv. XIV, s. 319.

²⁷ R. R y b a r s k i. Ibid., t. I, s. 67.

служили не объектом перепродажи, а сырьем; вывозимые же могли быть продуктами собственного хозяйства. Из лиц этих двух профессий только четверо торговали товарами, не имевшими отношения к их ремеслу. Нескольким иначе обстояло дело у шляпника: так как из лиц своей профессии он один фигурирует в таможенных записях, надо полагать, ввозимое им в город сырье не потреблялось им самим, а распределялось между собратьями по профессии, возможно, перепродавалось.

Что касается портных, имена которых встречаются в записях, то это больше купцы, чем ремесленники (например, П. Шафранич²⁸, П. Жупан). Имя последнего весьма часто встречается в таможенных записях. За 10 лет (1549—1558 гг.) он ввез в город товаров более чем на 1,5 тыс. фл., хотя ассортимент у него беднее, чем у П. Шафранича (основным предметом ввоза было сукно). Городской судья, портной Бенедикт торговал свиньями (основная часть стоимости провозимых им через таможенную товаров падает именно на долю вывоза скота; стоимость же ввезенного сукна составляет всего 25% общей стоимости торговых оборотов).

Торговали также и мясники. Они вывозили в основном сушеную рыбу или скот, а ввозили самые разнообразные товары (соль, оливковое масло, стекло, кожи, сапоги, «*res mercantiae parvalia*»).

Наконец, все остальные ремесленники, упоминаемые в записях эпизодически, ввозили и вывозили вещи, предназначавшиеся в основном для продажи²⁹.

Итак, загребские ремесленники довольно активно участвовали в торговле. Правда, по размеру торговых операций они заметно уступали купцам.

Подводя итог анализу загребских таможенных записей, можно сказать, что при своем небольшом объеме они содержат богатый материал, характеризующий состояние городской торговли, и, будучи сопоставлены с другими документами, раскрывают важную страницу истории средневекового Загреба.

²⁸ Об этом см. в нашей статье «К вопросу о состоянии ремесла в Загребе в XVI в.» — «Вестник МГУ», № 5, 1964.

²⁹ Так, седельник Георгий в 1546 и 1551 гг. вывез сушеной рыбы на сумму около 18 фл., Георгий-шляпник ввез в 1553 г. 30 шапок, кошелечник Тома в 1545 г. вывез на 5 фл. сушеной рыбы и ввез 50 шапок, медьник Мартин в 1557 г. вывез на 2 фл. поясов. «*Povjesni spomenici...*», sv. XIII, s. 99—248.

Ю. РИТЧИК

«ФРАНЧЕСКА ДИ РИМИНИ» ЯНА НЕРУДЫ

В течение многих веков творчество Данте оказывает широкое и разнообразное, зачастую трудно поддающееся точной констатации, духовное и художественное влияние на культуру всех — больших и малых — европейских народов. Не была в этом смысле исключением и чешская культура XIX столетия, оставившая немало свидетельств серьезного и плодотворного интереса к жизни и трудам Данте со стороны чешских поэтов и композиторов, мыслителей и художников. Особенно обильны, естественно, реминисценции из Данте, скрытые и явные, глубокие и поверхностные, в произведениях словесного творчества. А такие достижения чешской литературы, как колларовская «Дочь Славы» в редакции 1832 года, поэзия Яр. Врхлицкого и К. Томана, неразрывно связаны с именем Данте.

К числу значительных произведений, отмеченных воздействием великого итальянского гуманиста, относится и единственная трагедия Яна Неруды «Франческа ди Римини», написанная им в 1859 г.

«Франческа ди Римини» не была первым драматургическим опытом молодого вождя «дружины мая». В конце 50-х годов в пражских театрах уже игрались с успехом его одноактные комедии «Жених из-за голода» и «Проданная любовь», в которых сказывалось признаваемое самим Нерудой воздействие В. К. Клицперы. Успех этот, однако, ни в какой мере не мог удовлетворить Неруду. Программа создания литературы демократической и реалистической, выдвинутая в альманахе «Май», еще ждала своего осуществления. Вышедший весной 1858 года, «Май» открывал новый период в развитии чешской культуры, он выводил на авансцену поколение деятелей, лучшим из которых суждено было в 60—70-е годы заложить основы чешской реалистической классики. Чешская литература все решительнее переходила на позиции реализма, расширяла круг освоения действительности. Как известно, жанр драмы весьма чутко и быстро реагирует на запросы современности. Поэтому не случайно, что в эти годы многие из видных чешских художников слова (Галек, Фрич, Сабина, Моравский) охотно прибегают к тем или иным драматическим формам.

Интерес к драме был вызван также значительным повышением общественной роли театра, что выражалось и в возникновении широкой сети периферийных любительских кружков и в борьбе за создание самостоятельной национальной сцены: в ноябре 1862 г. поднимается занавес пражского Временного театра (Prozatímní divadlo), а спустя три года постоянный чешский театр открывается в Пльзне. Такова объективная причина обращения Неруды к драматургическому жанру. Не менее существенным был и другой момент: любовь Неруды к театру, которую он пронес через всю жизнь. На протяжении двух десятилетий он был бессменным и лучшим театральным критиком и эстетическим учителем Временного театра (1862—1882). Неудивительно поэтому, что автор «Кладбищен-

Чехословацкая медаль Дантовского года (1965) работы Люмира Шинделаржа. Бронза

ских цветов» в первые годы своей литературной деятельности выступает и как драматург.

Историческая трагедия, первенствовавшая в чешской драматургии конца 50-х — начала 60-х годов, носила отпечаток прямолинейной подчиненности политико-патриотическим идеям современности, иллюстрировавшимся художественными средствами. Это вело к поверхностной разработке образов, к малой убедительности внешних коллизий, не раскрывавших внутренний мир героев. Такие недостатки были присущи даже лучшим образцам этого жанра, таким как «Царевич Алексей», «Король Вукашин» В. Галка, «Иван Мазепа» И. В. Фрича и др. Неруда, наиболее полно усвоивший эстетику реализма, стремил-

ся в первую очередь к глубокому психологическому обоснованию человеческих действий и побуждений, к анализу их социальной подоплеки, к жизненности ситуаций, стараясь при этом преодолеть устаревшие драматургические приемы.

Основным мотивом для сюжета трагедии стала V песнь «Ада», «первый голос в новой истории в защиту свободного чувства» (А. Дживелегов), точнее, те ее строки, где рассказывается о несчастной любви Франчески и Паоло:

„Я родилась над теми берегами,
Где волны, как усталого гонца,
Встречает По с попутными реками.

Любовь сжигает нежные сердца,
И он пленился телом несравненным,
Погубленным так страшно в час конца.

Любовь, любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым.

Любовь вдвоем на гибель нас вела;
В Кайне будет наших дней гаситель“.

Такая речь из уст у них текла.

(Перевол М. Лозинского)

С V песней «Ада» Неруда имел возможность познакомиться, прочитав «Избранный букет из „Божественной Комедии“» — перевод наиболее знаменитых мест дантовской поэмы, выполненный Фр. Доухой и напечатанный в 1854 г. в «Журнале Национального музея». К своему переводу Доуха присоединил также некоторые отрывки из комментария Боккаччо, в которых Неруда мог найти более детальные подробности о событиях, разыгравшихся в Равенне. Возможно, Неруда был знаком и с одним из многочисленных, хорошо комментированных немецких переводов «Комедии». Ряд исследователей высказывает предположение о влиянии на чешского писателя трагедии «Франческа да Римини» итальянского писателя Сильвио Пеллико (1815, нем. пер. 1834, русск. пер. 1860), который был весьма популярен в те годы в Чехии благодаря его участию в патриотическом движении за освобождение Италии от австрийского

гнета (он был заключен в брненском Шпильберге). Однако серьезных доказательств этого влияния пока нет.

Интересное воспоминание, относящееся к периоду работы Я. Неруды над трагедией, оставил один из современников поэта: «... ассоциации привели нас к Данте и его грандиозному «Аду», и здесь Неруда мне сказал, что его, пожалуй, более всего захватили те строки V песни, которые повествуют о встрече Данте с прелестной Франческой, рассказавшей поэту о страданиях, ниспосланных ей в наказание за любовь... Продолжая начатый разговор, Неруда признался мне, что пытается написать пьесу на этот сюжет. В то время как раз появилось произведение немецкого писателя Пауля Гейзе¹, использовавшего упомянутый сюжет, я его недавно прочитал и предложил Неруде с ним познакомиться, однако Неруда категорически отказался, сказав, что прочтет эту пьесу лишь после окончания, а может, даже после постановки своей трагедии»².

Премьера «Франчески ди Римини», завершенной в конце 1859 г., состоялась в Сословном театре 15 января 1860 г. в бенефис актера Франтишка Покорного. Поскольку это произведение на русский язык не переведилось, даем его краткое содержание.

Джанчотто, старший сын Малатеста ди Римини, после брака с Франческой, который был заключен на имя Джанчотто младшим его братом Паоло, рассматривает портрет жены: новобрачные ни разу в жизни не видели друг друга. Образ Франчески, внушающий ему чувство любви, неожиданно превращает героя из человеконенавистника в друга людей.

В большом готическом зале беседуют главы домов — Малатеста ди Римини и Гвидо да Полента. Из их разговора мы узнаем, что они решили укрепить мир, заключенный между городами Римини и Равенной, бракосочетанием дочери Полента и старшего сына Римини. Однако для достижения своей цели они пустились на обман, задержав у себя подлинный портрет безобразного Джанчотто, посланный им Франческе. После ухода Малатеста появляется Черчи, флорентийский горожанин, поддерживавший Полента в его недавней борьбе с Римини. Он упрекает Полента в том, что тот согласился на брак дочери без его ведома, тем самым нарушив договор, по которому после победы город Римини переходил во владение Черчи. Полента высокомерно прогоняет его, и Черчи дает клятву отомстить.

Джанчотто, узнав об обмане, потрясен, он упрекает обоих отцов. Черчи решает сделать его орудием своей мести. Торжественная музыка возвещает о приближении Франчески. На короткое время появляется Паоло, из его слов мы узнаем, что и он любит Франческу и бежит от этого чувства. Франческа, будучи представлена Джанчотто, принимает его за шута, а узнав правду, презрительно отворачивается от него, говоря, что «этот урод» никогда не будет ее мужем. Джанчотто падает без сознания.

Черчи завоевывает расположение слуг Филиппо и Альдруды, которые обещают ему сообщать все, что будут предпринимать их господа. Одновременно ему удается уговорить Паоло не покидать замок. Паоло дважды пытается увидеть Франческу, которая сказывается большой. Когда же он все-таки входит к ней, они долго говорят о взаимной любви и улаиваются о встрече вечером в саду.

¹ И. Л. П. Гейзе (1830—1914) — немецкий поэт, драматург и романист, лауреат Нобелевской премии (1910). Пьеса «Франческа фон Римини» была написана им в 1850 г.

² F. r. P o k o r n ý. Vzpomínky a upomínky. Franceska di Rimini. Upomínka A. Heyduka. Praha, 1895, s. 102.

PROGRAM:

Královské stavovské divadlo v Praze.

V neděli dne 15. ledna 1860

bude se ve prospěch nítěpsaného provozovati

(ponejprv):

Franceska di Rimini.

Tragedie ve 3 jednáních od *Jana Nerudy.*

OSOBY:

<i>Matreola di Rimini.</i>	Pan Nikolai
<i>Giancetto.</i> } jeho synové	Pan Sinaasovský
<i>Paolo.</i>	Frant. Pokorný.
<i>Guido da Polenta.</i> pán na Ravenně	Pan Chramosta
<i>Voaneeska.</i> jeho dcera	Pani Peškova
<i>Kampagni.</i> učitel Gianciottův	Pan Lapi
<i>Cerchi.</i> mstitel Florentinský	Pan Kolar ml
<i>Philppe.</i> } sluhové	Pan Siege.
<i>Mulro.</i> } Malatestovi	Pan Svoboda.
<i>Antonio.</i> }	Pan Krin
<i>Beatrice.</i> sluhka Malatestova	Siečna Bollardová
<i>Alaruda.</i> sluhka Francučina	Siečna Lipšová
<i>Giovanni.</i> }	Pan Vermer
<i>Karlo.</i> } k služebníctvu	Pan Miesler
<i>Giuseppe.</i> } přítelstevci	Pan Hess.
<i>Marietta.</i> }	Siečna Klustrmiová
<i>Torina.</i> }	Siečna Meistršiková
<i>Katarina.</i> }	Pani Petršilková
<i>Lucia.</i> }	Siečna Knocková

Jiné černé služebníctvo obojího pohlaví.

Děj se rozvíjí v Rimini z počátku 14 století.

Začátek ve tři čtvrtě na čtyry.

Pan Siege bude mít čest na českém divadle ponejprv vystoupiti a prosí o lazkavé zhovětí

Ku kterémuž představení uctivě sve

František Pokorný,

Den kr. stav. divadla.

Программа премьеры «Франческа ди Римини» Яна Неруды в 1860 г.

В саду Франческа ожидает Паоло. За кустами прячется Черчи. Однако приходит Джанчотто, и когда Франческа на его ласковые слова отвечает оскорблениями, его любовь переходит в нескрываемую ненависть. Он убегает. Появляется Паоло. Сидя на скамейке среди цветов, он и Франческа читают любовную сказку. Черчи приводит Джанчотто, который, прокрадвшись в кусты, слушает разговор любящих и мстит за свои унижения убийством брата и Франчески. Прибежавшие отцы потрясены. Полента вновь объявляет войну Римини и заключает союз с Черчи.

Я. Неруда значительно и совершенно самостоятельно модифицировал избранный им дантовский мотив. Обычно у художников слова, разрабатывавших данный сюжет, в центре внимания стоит история развития отношений между Паоло и Франческой, в то время как Джанчотто выводится в качестве второстепенного отрицательного персонажа (например, у тех же Гейзе и Пеллико, у которых Джанчотто участвует в обмане Франчески). Иная расстановка действующих лиц в трагедии чешского писателя. Центральным героем, безусловно, является Джанчотто, его переживания, его мысли, его любовь, линия же Франческа — Паоло служит в конечном итоге раскрытию образа Джанчотто. Недостатки внешности старшего сына Римини, высмеиваемые нетактично и весьма грубо Франческой (А. Пражак в свое время справедливо говорил об отсутствии женственности у героини), компенсируются искренностью его чувств, глубоким умом, благородством поведения. Джанчотто не только не принимает участия в подлоге, задуманном отцами, но, наоборот, посылает Франческе еще до брака свой портрет, где он более некрасив, чем в действительности, с тем, чтобы она заранее знала истину. Будучи отвергнут, Джанчотто ни на мгновение не прибегает к грубой силе, не злоупотребляет правами официального супруга, а пытается личными качествами заслужить расположение Франчески. В страшной развязке повинна не только любовь-ненависть Джанчотто, но и нечуткость Франчески, высокомерно отвергающей всякие пути к объяснению, и, конечно, коварство Черчи, образ которого напоминает нам Яго (вспомним культ Шекспира, развитый в те годы в Чехии!).

Логика развития образа Джанчотто строится на основе раскрытия внутренних переживаний героя, анализа изменений его психического состояния, вызываемых контактами и конфликтами с другими действующими лицами, сущность которых выявляется в основном во взаимоотношениях с Джанчотто. Да и вся цепь сюжетных ходов, в общем-то весьма несложных, также служит в первую очередь для создания последовательной картины эволюции характера этого героя. Однако акцентированное внимание к образу Джанчотто, в котором угадывались некоторые черты нерудовского современника, задыхавшегося в условиях так называемого «баховского» режима, привело к заметной схематичности остальных персонажей пьесы. Отчетливость и выразительность реалистического портрета Джанчотто, отмечавшиеся даже неблагоприятными критиками трагедии, позволили актеру К. Шимановскому (1825—1904) создать «яркую и самостоятельную трактовку образа.. сыграть одну из своих лучших ролей», как писал рецензент «Пражских новин».

Нашла свое отражение в трагедии и присущая вообще всему нерудовскому творчеству тяга к социальной характеристике героев. Трудно, конечно, говорить о каком-либо социальном конфликте в пьесе. Однако некоторые моменты достаточно очевидно демонстрируют зрителю отнюдь не идеальные взаимоотношения господ-аристократов и слуг-простолоудин, скрытый антагонизм между ними. Некоторые наиболее резкие высказывания в адрес господ, произносимые слугой Филиппо, были сняты цензурой, разрешение которой на постановку пьесы было получено,

кстати, за три дня до премьеры, и восстановлены в книжном издании трагедии, отпечатанном в литомышльской типографии Антонина Аугусты: «Послушание! Послушание! Во всем быть рабом чужой воли!... И никогда не угодишь. Если стоишь, то тебя назовут лентяем, если спешить, то ты — сумасшедший, если не выполнишь приказ, то пошел вон, а выполнишь, снова ты — осел, потому что господин уже придумал что-либо другое. И всегда и всюду ты обязан потакать господскому самодурству...»³.

Хотелось бы указать также на одно существенное отличие нерудовской трагедии от современных ей произведений того же жанра. При выборе сюжета Неруда обратился не к фактам жизни и деяний «сильных мира сего», не к героям в королевских мантиях, а к поэтическому преданию, сохранившему имена простых смертных. Таким образом, даже выбор сюжета был использован автором для достижения поставленной им цели демократизировать драму, приблизив ее конфликты и идеи к миру чувств и интересов современного ему зрителя.

Премьера «Франчески ди Римини», не имевшая успеха у пражской публики, вызвала многочисленные отклики в периодической печати того времени. Выступавшие разделились на два лагеря. Среди неблагоприятных критиков — а их было большинство — мы находим П. Шванду («Мы видели лишь скелет трагедии, да и тот непропорциональный и неуклюжий») ⁴, Г. Пфлегра-Моравского («Нерудовская „Франческа ди Римини“ — это несчастливый драматургический опыт») ⁵, т. е. художников романтического толка. Защищали трагедию, видя в ней новый шаг на пути к овладению реализмом, те, кто сам шел к нему, — В. Галек, давший резкую отповедь рецензенту журнала «Народ», Й. В. Фрич, который с самого начала высоко оценил пьесу и подтвердил свою оценку спустя много лет, написав в «Дивадельных листех» в 1880 г.: «Где бы мы уже сейчас были, если бы в начале 60-х годов неблагоприятный прием гениальной и психологически захватывающей трагедии «Франческа ди Римини» не отбил желание у Неруды писать для нашей сцены...» ⁶. Интересно отметить, что пьеса Неруды получила некоторую известность и в соседних славянских странах, в частности положительно отнесся к ней польский поэт, ориенталист и славист Александр Ходзько (1804—1891) в статье «La renaissance littéraire en Bohême. Les poètes modernes» («Литературное возрождение в Чехии. Современные поэты»), помещенной в сборнике «La Bohême historique, pittoresque et littéraire», вышедшем в Париже в 1864 г. под редакцией Й. В. Фрича (!) и французского слависта Луи Леже.

Каково же было отношение самого автора к критике, высказанной по адресу его произведения? Упрощенным представляется мнение некоторых исследователей, полагающих, что Неруда с ней целиком согласился и признал свою трагедию неудачной. Считая обоснованными многие критические замечания, в частности упреки в недостаточной разработке второстепенных образов, Неруда, однако, был категорически не согласен с огульным отрицанием трагедии в целом. Именно таков лейтмотив предисловия, написанного поэтом для отдельного издания «Франчески ди Римини» и явившегося ответом на споры, возникшие вокруг его трагедии. Он сожалел, что далеко не все смогли оценить его стремление «руководствоваться совершенно самостоятельными принципами, избегая обычных театральные эффекты в тех случаях, когда они не вызывались естественным

³ J. Neruda. Divadelní hry. Spisy..., sv. 10, Praha, 1961, s. 82.

⁴ «Život J. Nerudy. Dopisy — dokumenty». Uspořádal M. Novotný. Praha, 1954, s. 55.

⁵ Ibid., s. 74.

⁶ J. V. Frič. Paměti. III. Praha, 1963, s. 297.

развитием действия»⁷. Как на одну из причин неуспеха Неруда справедливо указал на серьезные упущения в режиссуре и постановке. Известно, что актеры допускали произвольные пропуски текста. «Меня как писателя, который лучше, чем кто-нибудь иной, знает и чувствует достоинства и недостатки своего произведения, эта постановка не удовлетворила»⁸. (В этом смысле более удачной была пражская постановка «Франчески» 1904 года, осуществленная в народном театре Я. Пиштека режиссером и исполнителем роли Джанготто Йозефом Стругалом.)

По мере того как литературная борьба 60—70-х годов становилась достоянием истории, появилась возможность и необходимость объективной оценки трагедии, справедливого определения ее места в чешской драматургии. Спустя сорок лет после премьеры О. Гостинский, анализируя трагедию на широком фоне всего историко-культурного процесса шестидесятых годов, мог с полным основанием сделать вывод, что нерудовская «Франческа ди Римини» есть первая попытка в создании чешской реалистической трагедии⁹. Мнение это разделяется и современным литературоведением.

⁷ J. Neruda. Divadelní hry, s. 63.

⁸ Ibid., s. 64.

⁹ O. Hostinský. Umělecký ruch v národě českém. Almanach české akademie, 1899, s. 151.

А. А. ИЛЮШИН

«АТРЕЕВ ПИР» В «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ»

(в соотнесении со славянскими сюжетами
и переводами Данте)

Одно из самых потрясающих мест в «Божественной комедии» Данте — это известный эпизод с Уголино в 33-й песне «Ада». Грешник, погруженный в ледяную яму, грызет голову пизанского архиепископа Руджьери дельи Убальдини, который при жизни заманил Уголино с его детьми в башню и там уморил их голодом. И пострадавший и обидчик оказались в аду, и вот Уголино мстит своему убийце. Но ведь Уголино — мученик, злодейски умерщвленный, его место в раю; так почему же Данте помещает его в девятый круг ада? Неужели для того только, чтобы он наказал предателя Руджьери?

Комментаторы отвечают: граф Уголино делла Герардеска — лицо историческое. Он уступил восемь замков своим врагам гвельфам, чтобы предотвратить разгром Пизы, — за это сторонники архиепископа объявили его изменником. А место изменников и предателей — в девятом круге ада. Впрочем, комментаторы оговариваются: вряд ли Данте считал Уголино предателем, грех его заключался в другом — в борьбе с Нино Висконти, в стремлении к единовластию... Эта версия стала традиционной¹, но она не может быть признана правильной². Великий поэт не станет сводить политические счеты с человеком, образ которого окружен ореолом мученичества. Дело в чем-то другом...

Вот что рассказывает сам Уголино о своем конце: глядя на своих голодных детей, он в отчаянии стал кусать себе руки. Дети, подумав, что отца их терзает голод, предложили ему:

Отец! насыться нами: тем страданье
Нам утолишь; одев детей своих
В плоть бедную, сними с них одеянье.

Уголино промолчал, скрыл свое горе. Дети его умерли от голода на его глазах, умоляя его о помощи.

Попадали. Ослепнув, на просторе
Бродил я три дни, мертвых звал детей...
Потом..., но голод был сильнее, чем горе³.

(Перевод Д. И. Мина)

¹ См., например: Данте Алигьери. Божественная комедия. Гослитиздат, 1950, стр. 482, 483; П. А. Катенин. Избранные произведения. М.—Л., 1965, стр. 669 (Б-ка поэта, большая серия).

² Более подробный анализ исторических событий, связанных с борьбой Уголино и Руджьери, дает Йозеф Феликс в комментарии к словацкому изданию «Ада» (Братислава, 1964).

³ Цит. по кн.: Данте Алигьери. Божественная комедия. Ч. I. Ад. В переводах русских писателей. СПб., 1913, стр. 158.

Это последние слова в рассказе Уголино. Замолчав, он снова принимается грызть череп Руджьери.

Заключение «но голод был сильнее, чем горе», двусмысленно. Его можно понимать так: от голода человек умер и поэтому перестал ощущать горе, овладевшее им после смерти детей. Но можно понимать и по-другому: Уголино, обезумевший от голода, стал есть трупы своих детей. Этим, разумеется, он не избежал смерти, а лишь ненадолго отсрочил ее. Но это дорого ему стоило. Если бы он выдержал тяжелое испытание голодом, то стал бы праведником, достойным вечной жизни в раю. Однако трагедия человеческого падения разыгралась, и он обречен томиться в аду и грызть голову врага — наказание не только врагу, но и самому Уголино, причем наказание в духе Данте — символическое, соответствующее преступлению (если при жизни грешник питался человеческом мясом, то и в аду он обречен быть людоедом). Второе толкование кажется нам правильным: заметим, что намек на людоедство звучит не только в последней реплике Уголино, но и в предложении детей: «Насыться нами».

Такая трактовка связывает 33-ю главу «Ада» с историей международного сюжета, условно названного «Атреев пир»⁴. Варианты этого сюжета, приблизительно соответствующие ситуациям в античном источнике и в «Божественной комедии», имеются и в южнославянских эпических песнях (например, «Женитьба Степана Якшича» в сб. Б. Петрановича «Српске народне pjesme из Босне и Хорцеговине», Београд, 1867) и в русских народных сказках («Ивашка и ведьма» в «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева, т. I, Гослитиздат, 1957). Эти славянские варианты указаны В. М. Жирмунским в статье, на которую мы ссылались. Интересно, что в статье речь идет и о Данте, но не о «Божественной комедии», а о «Новой жизни»: «В первом сонете „Новой жизни“ Данте поэту в аллегорическом видении является Амур, который со смирением дает его возлюбленной „вкусить его пламенеющее сердце“⁵.

Нужно заметить, однако, что эта аллегория в «Новой жизни» очень далека от традиционного сюжета «Атреев пир». К нему гораздо ближе эпизод 33-й песни «Ада». Сопоставим: в античном источнике и южнославянской песне отец (в «Орестее» Эсхила — Фiest, в «Женитьбе Степана Якшича» — Бечский цесарь) ест мясо своих детей и пьет их кровь на пиру. У Эсхила отец не подозревает, какими яствами его угощают; только наевшись и напившись, он узнает истину и проклинает своего брата-предателя, накормившего его. В славянской песне Бечский цесарь угощает гостей человеческим мясом и кровью, а когда его злодеяние обнаруживается, гости убивают и жарят детей цесаря и принуждают его самого к людоедству. Смысл этих злодеяний — склонить ненавистного человека насильем и обманом к смертному греху — людоедству, более того, к насыщению мясом и кровью собственных детей.

В русской сказке этот сюжет варьируется так: ведьма поручает своей дочери изжарить мальчика Ивашку, уходит на некоторое время, но в печке оказывается не Ивашка, а дочь ведьмы, которую Ивашке удалось обмануть. Вернувшаяся ведьма, ни о чем не подозревая, ест человеческое мясо и под конец узнает, что ела не Ивашку, а свою дочь. Следует отметить, что этот вариант сюжета встречается не только в русских сказках, но и в украинских («Ивасик и ведьма»⁶).

Вернемся к «Божественной комедии». Уголино — это, конечно, тра-

⁴ В. М. Ж и р м у н с к и й. Пир Атрея и родственные этнографические сюжеты в фольклоре и литературе. — «Советская этнография», 1965, № 6.

⁵ В. М. Ж и р м у н с к и й. Там же, стр. 15.

⁶ «Малорусские народные предания и рассказы». Свод М. Драгоманова. Киев, 1876, стр. 353—355.

диционный отец, принуждаемый к страшному греху детоядения, за этот грех он и оказывается в аду. Руджьери — традиционный же злодей, который, возможно, и не предвидел того, что Уголино станет людоедом, но объективно способствовал грехопадению своего врага. В аду Уголино ест голову того, кто заставил его при жизни есть детей. Но Данте не просто использует традиционный сюжет, он обогащает его необычными вариациями: сквозь все нагнетаемые ужасы и кошмары, сквозь звериную вражду, жестокость, отчаяние и муки просвечивает высший гуманизм, доступный искусству нового времени, провозвестником которого был Данте — «последний поэт средневековья» (Ф. Энгельс). Гуманизмом жертвенности и самоотвержения веет от слов несчастных детей, предлагающих своему отцу насытиться ими. Этот мотив не разрушает сюжетной схемы «Атреева пира», он лишь скромно присоединяется к ней. Но интересно следующее: если сюжет старинных славянских песен и сказок, соотносимых с общей схемой «Атревев пир» — «Уголино», акцентирует тему людоедства, а мотив жертвенности никаких соответствий в тех же песнях и сказках не находит, — то славянские писатели нового времени, осваивая поэтическое наследие Данте, столь же чутки к его гуманистическим тенденциям, сколь глухи к кошмарам «Атреева пира». Это касается и П. А. Катенина, и Адама Мицкевича, переведивших отрывок об Уголино. Оба перевода претендуют на близость к оригиналу, хотя не соблюдена дантовская строфа-терцина. Катенин лишь через десять лет после «Уголина» перевел правильными терцинами три первые песни «Ада». Мицкевич, отказываясь от терцин, все же настолько точно передает суровый дух и размер оригинала, что отступление от дантовских строф не воспринимается как нарушение. Отрывку из 32—33-й песен «Ада» в переводе Мицкевича предшествует фрагмент из третьей песни (надпись на воротах ада и несколько последующих строф), что дополняет картину ада, в одном из кругов которого томится Уголино. Сопоставим строфы, в которых звучит мотив жертвенности:

Padre, assai ci fia men doglia
Se tu mangi di noi: tu ne vestisti
Queste misere carni, e tu le spoglia.⁷

(Оригинал)

Ojczy kochany, ulżyj twojej męce,
Zjedz twoje dzieci, tyś nas ubrał w ciało,
Tobie nas biednych rozebrać przysiało.⁸

(Перевод Мицкевича)

Родитель наш! — сказали, — лучше нами
Насыться; ты сей плотью от земли
Одел нас, ты и снимешь: мы согласны⁹.

(Перевод Катенина)

Тексты говорят сами за себя: оба перевода почти дословные, мысль Данте не искажена. Пожалуй, Мицкевич несколько усиливает по сравнению с оригиналом гуманистический пафос жертвенности: у Данте дети говорят и о своем избавлении, облегчении (н а м будет легче), которое принесет им отец, если лишит их жизни и насытится ими; у Мицкевича дети о себе вовсе не заботятся, думая лишь об отце (облегчи с в о ю муку). В переводе Катенина нет ни того, ни другого акцента: дети предлагают отцу, чтобы он их съел, не подчеркивая, кому от этого станет легче. Все эти отклонения не очень значительны, допустимы и в точных переводах.

Заметим, что Катенин, при всем его стремлении к точности в переводах (он не боялся, например, шокировать публику воспроизведением первоизданной неприглаженности древних образцов), — все же кое-где «гумани-

⁷ Dante Alighieri. La divina comedia. Milano, 1882, p. 156.

⁸ Adam Mickiewicz. Dzieła, t. 1. Paryż., 1880, s. 367, 368.

⁹ П. А. Катенин. Избранные произведения, стр. 100.

зировав» сурового и беспощадного Данте. Так, в надписи на воротах ада (третья песнь) Катенин перевел последний стих следующим образом: «Входящие, надежды нет для злого», — как будто Данте оставлял какую-то надежду для доброго! У Данте (дословно): «Оставьте надежду, вы, входящие».

Может быть, эта невольная тенденция к смягчению непримиримого, безнадежного начала в творчестве Данте явилась одной из причин того, что ни Катенин, ни Мицкевич не поняли заключительной реплики Уголино, содержащей явный намек на людоедство¹⁰. Сравним оригинал с переводами:

E tre di li chiamai poi che fur morti:
Poscia, più che il dolor, potè il digiuno.

(Данте)

Krzyczałem z żalu, a nakoniec — z głodu,
Bo głód był jeszcze sroższy od żalości

(Перевод Мицкевича)

И мертвых их три ночи призывал,
Потом и сам я слег между сынами.

(Перевод Катенина)

У Данте синтаксический перебой в последнем стихе передает волнение Уголино, не решившегося назвать вещи их страшными именами. «Poscia...» — но не хватает духу сказать, что произошло «poscia» (после), и герой кончает лапидарно-афористическим, но отвлеченным и завуалированным изречением: «голод сильнее горя». У Мицкевича вместо этого — синтаксически гладкое и логически определенное заявление: «Я закричал от горя, и наконец от голода, ибо голод был еще более свирепым, чем горе». Здесь уже нет того задыхающегося смущения, неожиданного перехода от повествования к спасительной абстракции (спасительной для Уголино, которому каждая конкретная подробность в воспоминании — пытка). В переводе Катенина и вовсе нет никакого намека на людоедство. Следовательно, ни польский поэт, ни русский не раскрыли сложного подтекста в рассказе Уголино, бессознательно ослабили или совсем устранили мотив, связывающий этот рассказ с сюжетом «Атреев пир». Это неудивительно: ни Катенин, ни Мицкевич не были переводчиками академического типа, учеными комментаторами-филологами. Их переводы имеют самостоятельное значение, ценны прежде всего как памятники русской и польской поэзии XIX века и, разумеется, не могут состязаться в точности с профессиональными переводами «Божественной комедии». Это вполне естественно: большой поэт всегда остается самим собою, а профессиональный переводчик должен пересоздать произведение, сохраняя в нем творческую личность иноязычного автора и устранив свое «я».

Подведем некоторые итоги. Эпизод с Уголино в «Божественной комедии» связан с историей международного сюжета «Атреев пир» (в результате некоего злодеяния отец вынужден есть своих собственных детей). Связь эту можно уловить, лишь расшифровав намек Уголино в конце его длинного монолога. В традиционную сюжетную схему Данте вводит необычный гуманистический мотив (готовность детей к самопожертвованию). Сюжет «Атреев пир» знаком славянскому фольклору: некоторые южнославянские песни, русские и украинские сказки типологически сопоставимы с историей Уголино. Мицкевич и Катенин в своих переводах хотя и нарушают неуловимо тонкую связь монолога Уголино с сюжетом «Атреев пир», но в то же время сохраняют и даже несколько усиливают гуманистический пафос, связанный с этим сюжетом.

¹⁰ То же самое можно сказать и о трагедии Н. Полевого «Уголино» (СПб, 1837). Н. Полевой старался использовать мотивы Данте. Уголино представлен им как романтический злодей, но не как «людоед».

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО БЕДРЖИХА
ВАЦЛАВЕКА

В литературно-критическом наследии Б. Вацлавека есть много рецензий на произведения советских писателей и статьи, обобщающие советский литературный опыт в свете его значения для развития чехословацкого искусства; эти вопросы он поднимал и в корреспонденции, адресованной своим коллегам и друзьям.

Письма Б. Вацлавека в СССР раскрывают до сих пор еще мало исследованный момент в творческой биографии критика, именно — его пропаганду чехословацкой литературы в СССР. Это отмечалось исследователями, опубликовавшими обнаруженные письма Вацлавека¹. Нам хотелось бы подчеркнуть, что как критик-марксист Б. Вацлашек поддерживал и популяризировал произведения наиболее демократических писателей, прежде всего пролетарских.

Публикуемое нами письмо, как и многие другие письма чешского критика, проникнуто стремлением укрепить чехословацко-советские литературные связи. В нем идет речь о романе словацкого писателя Петера Илемницкого «Поле невспаханное», в котором рассказано о революционной борьбе беднейшего словацкого крестьянства и который стал важной вехой в творческой эволюции писателя².

Вскоре после своего появления роман Илемницкого привлек к себе внимание за пределами Чехословакии. В 1932 г. он был переведен на словенский язык и издан в Любляне. В 1933 г. в письмах Илемницкого появляются упоминания о доходивших до него сведениях о проектах перевода романа на немецкий язык. Летом 1932 г. Илемницкий прислал свой роман в Международное объединение писателей³. Спустя некоторое время заметка о нем была помещена в органе МОРП — журнале «Интернациональная литература»⁴. П. Илемницкий, неоднократно бывавший в СССР (в 1925—1927 гг., 1931 г., в 1934 г. в качестве делегата I Всесоюзного съезда советских писателей)⁵, поддерживал тесные связи с чешскими

¹ Л. С. Кишккин. Корреспонденция Бедржиха Вацлавека.— «Славянский архив». Изд-во АН СССР, 1962; Л. С. Кишккин. Письма Вацлавека в СССР.— «Slavia», гоđ. XXXI, seš. 1, 1962; J. Jiřa. Ceska literatura v časopisech MORPu (1928—1938).— «Slavia», гоđ. XXX, seš. 4, 1961; Р. Л. Филиппикова. Вацлашек в Советском Союзе. В кн.: «Vaclavkova Olomouc 1962». Ostrava, 1964.

² См. Ю. В. Богданов. К вопросу о формировании эстетических взглядов и творческого метода Петера Илемницкого.— «Литература славянских народов». Вып. 4. Изд-во АН СССР, 1959.

³ В. Савицкий. Петер Илемницкий. Очерк жизни и творчества. М., 1964, стр. 65.

⁴ «Интернациональная литература», 1933, № 1, стр. 156.

⁵ Материал о пребывании П. Илемницкого в СССР, кроме указанных работ, см.: Э. М. Олонова. Словацкая литература на страницах советской печати 20—30-х годов. В сб. «Чехословацко-советские литературные связи». «Наука», 1964.

революционными деятелями-эмигрантами и через них, как это следует из его переписки, узнал о проекте перевода своего произведения на русский язык. Эти сведения, видимо, дали писателю основание в самом начале 1934 г. просить одного из своих друзей выяснить «в московском МОРИе, переведена ли (книга «Поле невспаханное». — Т. А.) на русский язык, как об этом уже неоднократно сообщали журналы, а если нет, то по какой причине...»⁶.

Когда в 1934 г. в Чехословакии была предпринята попытка экранизировать «Поле невспаханное», Илемницкий писал, что предпочел бы экранизации романа его перевод на русский язык: «Мне не нужны никакие дары. Мое самое большое желание, чтобы „Поле невспаханное“ было обязательно переведено на русский язык. Ведь это ужасно, что культурное сотрудничество в области перевода столь бедно — о нас в СССР не известно почти ничего...»⁷.

В 1966 г. исполнилось 30 лет с момента издания в Советском Союзе романа «Поле невспаханное». Он вышел на русском языке в Ленинграде в 1936 г. в переводе исследователя-богемиста К. А. Пупкаревича. Работа, связанная с переводом, велась, видимо, на протяжении 1934—1935 гг., книга была сдана в печать уже в январе 1936 г.

Письмо Б. Вацлавека, где он рекомендовал роман Илемницкого для перевода и опубликования в СССР, хранится в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ) в фонде Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ)⁸, куда оно было адресовано, в папке документов, датированных январем 1936 г. На самом письме Вацлавека даты нет. Однако можно предположить, что в отличие от других документов оно относится к концу 1934 — началу 1935 г. Дело в том, что оно написано на бланке журнала «Стржедиско», которым Б. Вацлашек руководил в 1934 г. Последний номер журнала вышел в начале 1935 г. Естественно, что Вацлашек мог пользоваться бланками редакции в период работы в журнале. В пользу того, что письмо было написано не ранее этого времени, говорит ряд известных фактов, в частности упоминаемый в письме Вацлавека «недавний» выход в свет романа П. Илемницкого «Кусок сахара». Этот роман вышел в декабре 1934 г.

Письмо Б. Вацлавека — на немецком языке. Оно напечатано на машинке и подписано его рукой. От руки в машинописном тексте сделаны незначительные орфографические исправления.

Письмо Вацлавека мы публикуем в нашем переводе.

Středisko, literární měsíčník
Olomouc, Klicperova 18
CICHĽ

Moskau

Verte Genossen!

Ich erlaube mir als kritischer Verfechter der tschechoslowakischen proletarischen Literatur einen Vorschlag zu machen oder besser gesagt Ihnen eine Sache in Erwähnung zu bringen, die Sie, wie ich gehört habe, bereits erwogen haben. Es handelt sich um eine russische, bzw. auch ukrainische Ausgabe des besten Werkes der sonst armen tschechoslowakischen proletarischen Literatur, des slowakischen proletarischen Romans «Pole neorané» («Brachland») von Peter Jilemnický. Es ist ein ausgezeichnetes Bild eines slowakischen Dorfes der Gegenwart, im welches proletarische Elemente aus der Fabrikstadt Vítkovice (Mähr. Ostrau) eindringen und das Anwachsen der revolutionären Bewegung fördern. Dass es sich um ein beinerkenswertes Werk handelt, geht unter anderem

⁶ Письмо к Ф. Краюю от 25 I 1934 г. — «Spisy Petra Jilemnického». X. Z korespondencie. Bratislava, 1957, s. 102.

⁷ Письмо к Й. Гакену от 21 XII 1934 г. Ibid., s. 222.

⁸ ЦГАЛИ, ф. 613 (ГИХЛ), оп. 1, д. 4454, л. 55.

даurus hervor, dass das Werk in der nächsten Zeit deutsch im Prager Malik — Verlag erscheinen wird. Es wird in Moskau gedruckt und ein Teil der Auflage soll in der Ud. S.S.R. für die Sowjetdeutsche bleiben. Sie haben also Gelegenheit, da jetzt das Werk in deutscher Uebersetzung Ihnen zur Disposition steht, es durchzulesen und seine Qualität zu beurteilen. Nähere Informationen kann Ihnen Gen. Weil im Verlag der ausländischen Arbeiter geben. Ich betone nur, dass sich das Werk ausgezeichnet dafür eignet die Sowjetarbeiter über das Leben des slowakischen Landesproletariats zu informieren. Andererseits hätte eine russische bzw. auch ukrainische Uebersetzung eine grosse Bedeutung, für die proletarische Literatur in der Tschechoslowakei. Für den Fall, dass bei Ihnen kein geligneter Uebersetzer aus dem slowakischen ins Russische vorhanden wäre, erlaube ich mir einen Vorschlag zu machen.

In der Tschechoslowakei lebt ein gewisser Prof. V. Laščenko (Poděbrady, Santlová 552), der zwar Emigrant ist, jedoch loyal ist und gute Aufsätze wie über diesen Roman, so auch über meine Uebersetzung des I. Teiles des Romans «Bruski» von Panferov geschrieben hat. Dieser würde sich zu dieser Uebersetzung gut eignen und könnte sofort an die Uebersetzungsarbeit herantreten, wenn er mit ihr betraut werden würde. Das gebe ich Ihnen selbstverständlich nur in dem Falle zur Erwägung, wenn Sie keinen Uebersetzer zur Verfügung hätten.

Verzeihen Sie, dass ich mir erlaube an Sie mit diesen Vorschlägen heranzutreten jedoch halte ich diese Angelegenheit für sehr wichtig, und obwohl von einer russischen Uebersetzung bei uns schon öfter gesprochen und so gar auch geschrieben wurde als von einer fertigen Sache, schreibt mir eben Gen. Jilemnický, der als Lehrer in einem abgelegenen slowakischen Dorfe lebt, dass er von ihrer Realisierung nichts bestimmtes weiss.

Ich hoffe, dass sie die Angelegenheit noch einmal in Erwägung nehmen und dieselbe realisieren werden. Von Jilemnický erscheint [up36] ein neues bedeutendes Werk «Kus cukru» (Ein Stück Zucker), dass das Leben des Landesproletariats in der zuckerrübengegend der südlichen Slowakei schildert und an dem tschechoslowakischen «Zuckerproblem» ein fesselndes Bild der kapitalistischen Ausbeutung entwirft.

In Erwartung Ihrer [up36] Antwort

mit prol. Gruss

B. Václavek

Dr. B. Václavek
Olomouc, Klicperova 18
Tschechoslowakei.

Стржедско — литературный ежемесяк
Оломоуц, Клипперова 18
ГИХЛ

Москва

Уважаемые товарищи!

Я позволю себе, критически оценивая чехословацкую пролетарскую литературу, сделать одно предложение, или вернее, напомнить Вам об одной вещи, которую, как я слышал, Вы уже обсуждали. Речь идет о русском, а также украинском издании лучшего произведения вообще-то небогатой чехословацкой пролетарской литературы — словацкого пролетарского романа «Невспаханное поле» * Петра Илемницкого. Это блестящая картина современной словацкой деревни, в которую из фабричного городка Витковице (Мор. Острава) ** проникают пролетарские элементы и ускоряют развитие революционного движения. О том, что это произведение заслуживает внимания, говорит между прочим тот факт, что оно в ближайшем будущем выходит в Праге Malik — Ферлаг на немецком языке. Оно будет издано в Москве, и часть тиража должна остаться для советских немцев ***.

* В оригинале: по-словацки «Pole neopané» и в скобках — немецкое название «Brachland».

** Имеется в виду Моравская Острава.

*** В 1935 г. роман «Поле невспаханное» в авторизованном переводе Юлиуса Мадера вышел под названием «Brachland» в лондонском издательстве Malik — Verlag (см. В. Т r u c h l á ř. Peter Jilemnický spisovatel-bojovník. Bratislava, 1955). В том же году Издательство иностранных рабочих в СССР выпустило книгу Илемницкого под названием «Pavel Huscava geht in die Fabrik». В издательских пометках на книге содержится указание, что она является перепечаткой лондонского издания. Деловое сотрудничество советских издательств и книготорговых фирм с Malik — Ферлаг возникло значительно ранее. Председатель правления Госиздата А. Б. Халатов еще в конце 1928 г. писал А. М. Горькому о «Малик—Ферлаг» как «симпатизирующем нам

Итак, у Вас есть возможность его прочесть, так как теперь Вы будете иметь произведение в немецком переводе, и определить его достоинство. Ближайшую информацию Вы можете получить от тов. Вайля из Издательства иностранных рабочих. Я только подчеркиваю, что еще и потому это замечательное произведение подходит для советских рабочих, что оно информирует их о жизни словацких сельских пролетариев. С другой стороны, русский или украинский перевод имеет большое значение для пролетарской литературы Чехословакии. В случае, если для Вас создает неудобства перевод со словацкого языка на русский, я осмелюсь сделать Вам одно предложение.

В Чехословакии живет некий проф. В. Лащенко (Poděbrady, Santlová 552), хотя он и эмигрант, но тем не менее лоялен и написал хорошую статью об этом романе *, а также о моем переводе 1-й части романа Панферова «Бруски». Этот человек очень бы пригодился для перевода и смог бы тотчас приступить к работе над ним, если Вы ему это доверите. Само собой разумеется, что я предлагаю это только в порядке обсуждений на случай, если у Вас нет переводчика.

Простите, что я позволяю себе выступать перед Вами с такими предложениями, однако я считаю это дело очень важным и несмотря на то, что о русском переводе у нас говорят довольно много и даже писали о нем как о готовом деле **, как раз сейчас тов. Илемницкий, который работает учителем в одной отдаленной словацкой деревне, пишет мне, что он ничего определенного об этом не знает.

Я надеюсь, что Вы еще раз обсудите этот вопрос и он будет реализован.

Недавно появилось новое значительное произведение Илемницкого «Кусок сахара» ***, в котором он описывает жизнь сельского пролетариата в южной Словакии, где развито сахарное производство, — и на примере чехословацкой «сахарной проблемы» дает впечатляющую картину капиталистической эксплуатации.

В ожидании Вашего ответа.

С пролетарским приветом

(подпись)

Др. Б. Вацлавек
Оломоуц, Клищперова 18.
Чехословакия.

издательстве» («Архив А. М. Горького», т. X, кн. 1, «Наука», 1964, стр. 124). Что означает пометка в письме Вацлавека «Prager» перед наименованием лондонского издательства, установить не удалось.

* Статья была напечатана в журнале «Панорамы» в 1934 г.

** Возможно, эти сведения поступили в Чехословакию от кого-нибудь из чехословацких эмигрантов, проживавших в СССР.

*** В оригинале: «Kus cukru» («Ein Stück Zucker»).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

«ВОССТАНИЕ 1863 ГОДА. МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ»

22 января 1963 г. исполнилось 100 лет с начала восстания в Польше, которое потом перебралось в Литву, Белоруссию и на Правобережную Украину. В связи с этой датой между Академиями наук СССР и Польской Народной Республики в 1957 г. было заключено соглашение о совместном издании серии документов по истории восстания.

Практически работу с советской стороны ведет Институт славяноведения Академии наук СССР, а с польской — Институт истории Польской академии наук. Участниками этого издания являются также Главное архивное управление СССР и Главная дирекция государственных архивов Польши. По первоначальному замыслу предполагалось издать 15 томов документов, из них 8 в Польше и 7 в СССР. К настоящему времени большая часть этой работы выполнена: издано 11 томов, из них 7 в СССР и 4 в Польше. Главная редакция серии: С. Кеневич, К. Конарский, В. Королук, И. Миллер, Ф. Рамотовская, Э. Халич, Л. Яковлев.

Материалы о восстании, находящиеся в СССР (составляющие основную часть публикуемых документов), хранятся преимущественно в архивах и библиотеках Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Киева, Минска, Гродно. Кроме того обследовались хранилища других городов Литвы, Белоруссии, Украины, а также Казани и областей: Астраханской, Калининской, Костромской, Куйбышевской, Новгородской, Омской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Красноярского края, Дальнего Востока, Якутской АССР и некоторых других. В общем, редакция стремилась выявить по возможности все материалы, имеющие отношение к восстанию. Редакторы издания в своих предисловиях называют десятки фамилий работников архивов и библиотек, занимавшихся выявлением материалов.

О масштабах проделанной работы может свидетельствовать объем публикаций: только в томах, которые вышли в СССР, содержится 385 печатных листов, в них помещено 1735 документов, причем показания и записки одного Оскара Авейде занимают целый том. Кроме того, огромное количество документов использовано для комментариев, при составле-

нии указателей, помимо этого обозначено место хранения других неиспользованных документов, что намного облегчит работу исследователям в будущем.

Таким образом, научная общественность и широкие круги читателей получили серию томов, содержащих тысячи умело прокомментированных и снабженных справочным аппаратом документов. Только в томах, озаглавленных «Русско-польские революционные связи», указатели занимают 140 страниц, напечатанных мелким шрифтом. Рецензируемое издание является наиболее полным и лучше всего археографически подготовленным. Весьма существенно, что при огромном количестве опубликованных материалов, документы в этом издании не повторяются и что методы археографической обработки унифицированы. Особо следует отметить предисловия, большая часть которых представляет собой исследовательские работы, написанные с учетом только что выявленных материалов. Материалы опубликованы на языке оригинала: большинство на русском и польском языках, некоторые — на белорусском и литовском, есть — на французском и немецком. Как правило, документы в томах, издающихся в СССР, публикуются с переводом на русский язык, а в томах, выходящих в Польше, — без перевода. По непонятным причинам редакция нашла возможным сделать исключение для «Мужицкой правды», написанной на белорусском языке и напечатанной в рецензируемом издании только в переводе (см. «Революционный подъем в Литве и Белоруссии», док. 48—53; «Восстание в Литве и Белоруссии в 1863—1864 гг.», док. 14); причем перевод документа 14 перепечатан из работы С. Агурского, вышедшей в 1925 г. Что перевод не может заменить оригинала, видно хотя бы из того, что текст «Мужицкой правды» № 7, опубликованный в сборнике «Восстание в Литве и Белоруссии», и отрывки из того же номера «Правды», приводимые в работе А. Ф. Смирнова, также в переводе, расходятся между собой (см.: А. Ф. Смирнов. Мужичья правда. В сб.: «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов», М., 1960, стр. 18). К тому же документов, написанных на

белорусском языке, в то время было очень немногим (после 1863 г. печатание на белорусском языке было запрещено) и они представляют большой интерес не только для историков, но и для филологов.

При наличии огромной массы материалов было ясно, что об издании всех их не может быть и речи. Необходимо было решить, какие материалы следует отбирать для публикации. Издавать ли максимум документов по отдельным вопросам или же, стремясь охватить всю совокупность событий, давать лишь наиболее важные документы. Давать ли материал раздельно по национальным районам, охваченным восстанием (Польша, Литва, Белоруссия, Правобережная Украина), или по всей территории в целом.

При очень жестком отборе материалов, когда в печать шел только незначительный процент выявленных документов, удовлетворить все предъявляемые к подобным публикациям требования не представлялось возможным, и выборку, произведенную редакцией, следует признать в общем удачной. Однако соотношение количества материалов, опубликованных по Украине, с одной стороны, Литве и Белоруссии, с другой, вызывает возражение.

В тех 7 томах, которые вышли в СССР, один целиком посвящен показаниям О. Авейде, в двух других содержатся материалы о событиях, предшествовавших восстанию, и о важнейших событиях восстания; остальные 4 тома посвящены Литве, Белоруссии и Правобережной Украине. Известно, что из всех паходившихся за пределами Польши районов, охваченных восстанием, всего сильнее движение было в Литве, а всего слабее — на Правобережной Украине. Однако Правобережью отведено 2 тома документов, а Литве — один (два совместно с Белоруссией). Очевидно, надо было бы сделать наоборот. Едва ли следовало также публиковать вместе материалы о Литве и Белоруссии. Понятно, что провести разграничительную линию очень трудно (как, например, «разделить» общий для Литвы и Белоруссии орган, руководивший восстанием!), однако сейчас историки пишут и тем более будут писать в дальнейшем раздельно о восстании в Белоруссии и Литве.

Что касается отбора материалов вообще, то редакция придерживалась очень разумного правила. «Обилие и разнородность рукописных материалов, — говорит главная редакция, — обнаруженных в результате поисков, определили невозможность опубликования не только всех вообще сохранившихся документов, но даже и комплекса таких, которые были признаны важнейшими... В связи с этим было решено посвятить отдельные тома издания некоторым важнейшим вопросам, сгруппировав в каждом томе по возможности однородный и компактный матери-

ал, наиболее исчерпывающе и достоверно освещающий тематику данного плана»¹. «При селекции материала, — отмечает в другом месте И. Миллер, — составители и редакция шли по двум направлениям: в том не включался менее значимый однотипный материал, а наличие его отмечалось во вступительных статьях к разделам тома и комментариях к отдельным документам; в том не включались целые группы материалов, тематически или типологически относящиеся к другим подготавливаемым в этом издании томам». При таком отборе редакция поместила в сборники очень небольшое количество работ Герцена, Огарева, Чернышевского, в виду того, что их легко можно получить из других изданий. Эти правила, изложенные в предисловии к «Русско-польским отношениям» (стр. ХХХVIII), в общем могут быть распространены и на все остальные тома (см. предисловие С. Кеневича к изданным в Польше «Следственным показаниям о восстании 1863 года», стр. LI).

Первым из всей серии вышел том, содержащий показания Оскара Авейде. Выбор именно этого источника для первого тома (к сожалению, изданные тома не нумерованы, что затрудняет систему ссылок) был определен тем, что из всей массы имеющихся документов «Показания» содержат наиболее полные данные о восстании, а кроме того, они представляют собой наиболее компактный материал, который подготовить к печати было легче, чем другой. «Показания» (изданные в свое время следственными органами царского правительства в количестве 30 экз.) оказали сильное воздействие на историографию вопроса. Авейде очень обстоятельно описал как предысторию восстания, так и ход самого восстания до своего ареста (8 августа 1863 г.). Хотя показания написаны в основном по памяти, они содержат огромное число фактов, нигде в других источниках не ограниченных.

Общим вопросам восстания посвящены также и оба тома «Русско-польских революционных связей»². В предисловии к этим томам И. Миллер предложил свои взгляды на основные проблемы восста-

¹ «Показания и записки о польском восстании 1863 года Оскара Авейде». Редакторы: С. Кеневич, И. Миллер. Текст к печати подготовили: В. Давыдова, О. Морозова. Предисловие: И. Миллер. М., 1961, XLVII + 664 стр. (См. стр. VI).

² «Русско-польские революционные связи». Редакц. коллегия: В. Дьяков, С. Кеневич, И. Миллер, Т. Снытко. Текст к печати подготовили: В. Дьяков, В. Зайцев, И. Миллер, Н. Митина, А. Орехов, Т. Снытко, Т. Федосова. Предисловие: И. Миллер. М., 1963, ч. I, СХХII + 584 стр., ч. II, 796 стр.

ния. По его мнению, восстание 1863 г. было самым значительным из всех польских восстаний; в нем с наибольшей силой проявилось стремление произвести коренные социальные изменения. Много внимания в предисловии уделено взглядам Герцена и Огарева на польский вопрос, деятельности «Земли и Воли» и ее связям с восстанием, а также Казанскому заговору.

Материалы, опубликованные в томах, чрезвычайно разнообразны. Здесь помещены выдержки из отчетов III отделения, донесения правительственных агентов, переписка высших правительственных чиновников, прокламации, издававшиеся русскими и польскими революционными организациями, и сообщения об их обнаружении, ряд документов, написанных Герценом и Огаревым, протоколы допросов и т. д. В общем, в этих томах опубликованы документы о связях русской революционной эмиграции с польскими революционными деятелями, о Петербургской офицерской организации, об участии русских офицеров и солдат в восстании, о сотрудничестве русских революционных демократов с польскими революционерами и др.

Касаясь содержания этих томов, можно сказать, что едва ли следовало публиковать в них записку Зайчневского о Литве (док. 29) и донесение псковского жандармского офицера об Арнольде (док. 86). Часть документов, помещенных в этих двух томах, была опубликована ранее, многие из них уже использованы исследователями при написании статей или монографий, но большинство публикуется впервые.

Следующие два тома посвящены общественно-политическому движению на Украине³. Материалы этих томов содержат документы от 17 января 1856 г. до 1874 г. (в приложении имеется документ, датированный 25 апреля 1882 г.). Таким образом, в украинских томах хронологические рамки публикуемых документов значительно шире указанных в заголовке.

Уже отмечалось, что из всех районов

бывшей Речи Посполитой всего слабее движение в 1863 г. развернулось на Правобережной Украине, причем среди украинского крестьянства Правобережья очень резко проявилось недовольство восстанием и крестьяне местами выступили против повстанцев. Такая обстановка требует объяснения, и авторы предисловия к первому тому не обошли этого вопроса. Однако наша историческая наука до сего времени не располагает некоторыми данными, без которых трудно уяснить ряд важнейших вопросов. Так, количество польского населения на Правобережье показано ориентировочно в 500 тыс. человек (стр. VII). Почти ту же цифру на 1867 г. (478 тыс.) приводит польский исследователь К. Душин-Вонсович⁴. Авторы предисловия определили количество поляков исходя из числа католиков (т. е. приняв, что католик и поляк для Правобережья понятия идентичные). Цифры К. Душина-Вонсовича взяты из материалов, собранных офицерами русского генерального штаба. Совпадение этих показателей (в предисловии цифры даются округленно) скорее всего говорит о том, что в обоих случаях был использован один и тот же источник, т. е. что офицеры генерального штаба всех католиков отнесли к полякам. Для тех лет, когда в русской правительственной реакционной печати велась яростная антипольская и антикатолическая пропаганда, такое смешение было нормой. Однако в наше время подобная идентификация совершенно неприемлема, так как среди католиков Украины и Белоруссии было большое количество неполяков.

Из всех данных о национальном составе населения России (как и по всем остальным показателям), собранных во времена царизма, наиболее достоверны показатели переписи 1897 г. Из них следует, что в 1897 г. мужчин поляков (лиц, признававших родным языком польский) в Волынской губернии было 90701 (6,1% всего населения), а католиков — 147897, в Киевской поляков — 34093 (1,9%), католиков — 53527 и в Подольской поляков — 33762 (2,2%), католиков — 161445, всего в трех губерниях поляков — 158556 (3,3%), католиков — 302569⁵.

В 1858 г. (во время 10 ревизии) в Волынской губернии было 741387 душ мужского пола, в Киевской — 882801 и в Подольской — 824206 душ⁶. Приняв для

³ «Общественно политическое движение на Украине в 1856—1862 годах». Редакт. коллегия: В. Королук, Г. Марахов, С. Пилькевич, Ф. Шевченко, Э. Халич. Текст к печати подготовили: Л. Обушенкова, В. Павелко, Б. Сукачев, под руководством Г. Марахова. Введение: В. Д. Королук, Г. И. Марахов. М., 1963, LIV + 388 стр.; «Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг.» Редакт. коллегия: В. Королук, Н. Лещенко, Г. Марахов, С. Пилькевич, Э. Халич. К печати подготовили: В. Кузьменко, Л. Обушенкова, В. Павелко под руководством Г. Марахова. Введение: Г. И. Марахов, М., 1964, XLIX + 551 стр.

⁴ «Historia Polski», t. III, cz. III. Warszawa, 1960, s. 575, 576.

⁵ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи», вып. 8, Волынская губерния, СПб, 1904, стр. 1, 86, 90; вып. 16, Киевская губерния, СПб, 1903, стр. 1, 88, 93; вып. 32, Подольская губерния, СПб, 1904, стр. 1, 98, 102.

⁶ В. М. Кабузан. Народонаселение России в XVIII — первой половине XIX ст., М., 1963, стр. 163.

1858 г. тот же процент польского населения, какой был в 1897 г., получим для Волынской губернии 45 тыс. душ, для Киевской — около 17 тыс. и для Подольской — около 18 тыс., всего около 80 тыс.; увеличив это число в два раза, т. е. добавив женщин, будем иметь примерно 160 тыс. Конечно, к 1897 г. процент польского населения в связи с репрессиями, последовавшими после 1863 г., сократился, однако, не настолько, чтобы число поляков к 1897 г. могло так резко уменьшиться. Поэтому можно считать, что в 1863 г. на Правобережье жило около 200 тыс. поляков.

Недостоверность сведений, содержащихся у К. Дунина-Вонсовича, становится особенно очевидной при рассмотрении приводимых им погубернских данных. По Дунину-Вонсовичу польского населения в Подольской губернии было значительно больше (233147), чем в Волынской (172405), тогда как все показатели о численности польского населения на Правобережье свидетельствуют о том, что поляков больше всего было на Волыни и меньше всего — в Подольи.

Томы, посвященные Украине, с одной стороны, Литве и Белоруссии, — с другой?, отличаются как по комплектованию материала, так и по хронологическим рамкам и даже по названию.

Так, в томе, касающемся Литвы и Белоруссии, есть немало документов о крестьянских выступлениях, тогда как в украинских — подобных материалов нет. Очень немного в украинских томах также материалов, относящихся непосредственно к восстанию.

Предисловие к тому, озаглавленному «Революционный подъем в Литве и Белоруссии» (Ю. Жюгжда и С. Лазутка), почти целиком посвящено событиям в Литве, предисловие к «Восстанию в Литве и Белоруссии» (Ю. Жюгжда и В. Неупокоев) в значительной мере касается Бе-

лоруссии, но в обоих случаях в них в основном говорится о крестьянах. Написанные с учетом недавно найденных материалов, эти предисловия дают много нового для уяснения самых различных вопросов, связанных с подготовкой и ходом восстания, но некоторые аспекты его остались не затронутыми. Так, в обоих предисловиях авторы, говоря о крестьянах, подразумевают обычно бывших помещичьих, тогда как источники чаще всего называют государственных (см. стр. 77, 100, 240 и др.). Причины большей активности государственных крестьян остались нераскрытыми. Лишь в донесении ковенского жандармского штаб-офицера (док. 126) говорится, что положение государственных было гораздо хуже, чем бывших помещичьих. Обойден авторами предисловия и вопрос о вольных людях, имевший для Литвы того времени первостепенное значение.

Авторами поставлен вопрос о различной степени участия в восстании крестьян восточных и западных частей Белоруссии (в западной неизмеримо больше), но тот же вопрос уместно было бы поставить и для Литвы. Неясным осталось и то, почему наиболее массовые и ожесточенные выступления крестьян против помещиков происходили в западных уездах Витебской губернии.

Вообще можно пожалеть, что ни один из авторов предисловий не сделал попытки провести аналогию в поведении крестьян во время трех восстаний (1794, 1830 и 1863 гг.), так как всегда картина была одинакова: на западе Литвы (а также Белоруссии) восстание проходило гораздо более активно, чем на востоке.

Хронологически документы тома, посвященного восстанию в Литве и Белоруссии, охватывают события с начала 1863 и до 1868 г. (основная масса их касается 1863 г.). Начинается том с названия Литовского провинциального комитета к жителям Литвы и Белоруссии, призывающего их к восстанию. Затем следует манифест Временного провинциального правительства Литвы и Белоруссии о наделении крестьян землей и еще ряд основных документов, исходивших от руководящего повстанческого органа. Там же помещены важнейшие распоряжения русского правительства, направленные на удушение восстания: рескрипт императора Александра II о мерах борьбы с восстанием, различные документы, исходившие от виленского генерал-губернатора, и т. д. С середины 1863 г. появляются протоколы допросов участников восстания и приговоры; к концу 1863 г. этот вид документов становится преобладающим. В томе содержатся выдержки из следственных дел и приговоры таким деятелям восстания, как К. Калиновский, С. Сераковский, А. Мацкявичюс, Б. Колышко, Т. Далевский и многим другим.

⁷ «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861—1862 гг.». Редакц. коллегия: В. Дьяков, В. Жигалов, Ю. Жюгжда, С. Кеневич, С. Лазутка, И. Миллер, Е. Розаускас, К. Шабуня. Текст к печати подготовили: Л. Аржаева, С. Байкова, В. Бикунч, Н. Булдакова, М. Зараускайте, Г. Киселев, Т. Леонтьева, О. Максимайтене, З. Тальвирская. Предисловие: Ю. Жюгжда, С. Лазутка. М., 1964, LXIX + 708 стр.; «Восстание в Литве и Белоруссии 1863—1864 гг.». Редакц. коллегия: В. Дьяков, В. Жигалов, Ю. Жюгжда, С. Кеневич, И. Миллер, В. Неупокоев, Е. Розаускас, К. Шабуня. Текст к печати подготовили: Л. Аржаева, С. Байкова, В. Бикунч, Н. Булдакова, М. Зараускайте, Г. Киселев, Т. Леонтьева, О. Максимайтене, В. Масиюнене, Р. Страдунайте, З. Тальвирская. Предисловие: Ю. Жюгжда, В. Неупокоев. М., 1965, LV + 586 стр.»

Из четырех томов публикаций, вышедших в Польше⁸, один содержит переписку наместников Царства Польского в 1861 г., второй посвящен революционному подъему в 1861 г. (документы этого тома отражают обстановку в 1861 г. преимущественно в Люблинской губернии), третий — крестьянам и крестьянскому вопросу в Радомской губернии и в четвертом помещены показания четырех видных участников по важнейшим вопросам восстания (Организация красных и обстановка в начале восстания. Майский переворот. Руководство восстанием. Проблемы оружия и т. д.). Последний том посвящен в основном движению в Польше, но очень пространные показания В. Рудницкого (почти 80 страниц) целиком касаются Правобережной Украины и Галиции.

Из предисловия к этим томам (автор С. Кеневич) видно, что отбор материалов для второго и третьего томов (посвященных Люблинской и Радомской губерниям, а не всей Польше) обусловлен рядом причин, в первую очередь, наличием источников. Архивные материалы, хранившиеся в Варшаве, во время второй мировой войны погбились, тогда как в других городах Польши, входивших ранее в состав России, они сохранились; в частности, многие из документов той эпохи сохранились в Люблине. Что касается материалов о крестьянском вопросе, то выбор на Радомскую губернию пал как вследствие того, что в Радомском архиве сохранилось много документов, так и потому, что крестьянское

движение в этой губернии было особенно интенсивным.

Одним из основных вопросов восстания был аграрный, и поэтому документы о Радомской губернии вызывают особый интерес, тем более, что в них с чрезвычайной отчетливостью показана эволюция отношения крестьян к восстанию с начала движения и до самого конца (январь 1863—весна 1864 г.). Эта эволюция отчетливо видна из письма капитана русской армии барона Медема к наместнику Царства Польского графу Бергу от 21 марта 1864 г.

«Ни в одной местности Царства Польского, — писал Медем, — ненависть крестьян к помещикам и следовательно преданность их русскому правительству не были столь сильны, как в Радомской губернии. Ненависть эта выразилась весьма явно в первые месяцы восстания: крестьяне в Опочинском и Ольшуском уездах перевязали своих панов и представили военным начальникам: отряды наши при движении и разыскании мятежнических скопищ во всей губернии встречали самую деятельную помощь со стороны крестьян, которые по собственному побуждению выставляли подводы и вызывались служить проводниками. К концу же года положение дел совершенно изменилось: те же крестьяне безмолвно встречали наши войска, исполняли как будто нехотая наши приказания; и, наконец, начали оказывать деятельную помощь мятежникам, как доставлением сведений о приближении наших отрядов, так и разными материальными средствами» (стр. 120).

Аналогичные донесения имеются и в других письмах и сообщениях (см. стр. 52, 53, 64, 65, 102—104, 111). Естественно, что в письме, написанном русским офицером наместнику, ненависть крестьян к помещикам (с точки зрения официальной, помещики были едва ли не единственными участниками восстания) была прямо пропорциональна преданности русскому императору; однако проф. С. Кеневич в своем предисловии отмечает, что и в самом начале восстания, когда крестьяне не только громили помещичьи усадьбы, но иногда и выдавали повстанцев русским властям, характер движения был не антиповстанческий, а антипомещичий (стр. XXXIV).

Документы тома, посвященного революционному подъему в 1861 г., говорят, во-первых, о том, что в начале движение было тянуто преимущественно население городов и местечек и в гораздо меньшей мере сельское, а, во-вторых, что оно имело не столько национально-религиозный, сколько социальный характер.

Данная рецензия имеет в основном информационный характер. Нет сомнения, что в дальнейшем рецензируемые публикации будут тщательно изучаться историками и источникововедами различных стран, которые и укажут как достопр-

⁸ Крестьяне и крестьянский вопрос в восстании 1863 года. По материалам Радомской губернии. Редакторы тома: С. Кеневич, И. Костюшко. К печати подготовили: Ф. Борткевич, З. Станкевич и Ц. Владарская. Предисловие: С. Кеневич. Вроцлав — Варшава — Краков, 1962, стр. XLV + 307. Революционный подъем 1861 года в Королевстве Польском. Движение вне Варшавы. Редакторы тома: С. Кеневич, И. Миллер. Текст к печати подготовили: К. Гронёвский, К. Моравская и В. Сливовская. Предисловие: С. Кеневич. Вроцлав — Варшава — Краков, 1963, стр. XXXVII + 262. Переписка наместников Королевства Польского в 1861 году. Редакторы тома: С. Кеневич, И. Миллер. Текст к печати подготовили: Т. Федосова, К. Гронёвский, С. Кеневич и А. Орехов. Предисловие: С. Кеневич. Вроцлав — Варшава — Краков, 1964, стр. XXXII + 374. Следственные показания о восстании 1863 г. Редакторы тома: С. Кеневич, Т. Копреева, И. Миллер. Текст к печати подготовили: С. Кеневич, Т. Копреева, З. Станкевич, Ю. Штакельберг при участии И. Курбатовой, А. Цамутали, В. Чернухи. Предисловие: С. Кеневич. Вроцлав — Варшава — Краков, 1965, стр. LX + 453.

ства, так и недочеты издания⁹. Однако несколько критических замечаний, касающихся главным образом томов, содержащих материалы о Литве и Белоруссии, нам бы хотелось здесь высказать.

Прежде всего, нам кажется, что в том первом можно было не включать отрывок из статьи Н. А. Добролюбова о грезвенном движении (док. 1), тем более, что статья эта отражает обстановку в 1858—1859 гг., тогда как в сборнике помещены документы о событиях 1861—1862 гг. Едва ли следовало также помещать письмо А. Киркору, написанное в 1860 г. (док. 2). В заголовке документа 321 (стр. 601) вместо «Могилевская» губерния стоит «Минская». В заголовке документа 107 главные городские ворота Вильнюса названы «Остробрамские ворота» (как и в источнике). Такое название неверно уже потому, что «брама» означает «ворота» и поэтому по-русски следует писать или «Острая брама» или же «Острые ворота».

В географическом указателе для тома первого (во втором такого указателя вообще нет) названия даны в соответствии с источником, а современные их названия даны лишь литовские. Между тем очень многие населенные пункты Белоруссии в источниках даны не в белорусском и не в русском произношении, а в польском. Особенно часто в польском произношении даются многочисленные для Белоруссии названия с окончанием на «на» — «Абрамовщи́зна» (стр. 693), «Габриэ́льовщи́зна» (стр. 697), тогда как должно быть «Абра́мовщина», «Габриэ́льовщина» и т. д. Число таких критических замечаний можно было бы увеличить.

Следует также отметить, что Институт славяноведения АН СССР кроме упомянутых публикаций издал в 1960—1964 гг. три сборника работ, содержащих обзоры фондов Ф. Ф. Берга, Д. А. Милютина, Черкасских, В. А. Арцимовича, П. А. Валуева, III отделения (части, касающейся восстания), журнала «Русская старина» и некоторых других, а также документы (В. А. Дьяков. «Список руководящих деятелей восстания 1864—

1865 гг., составленный фон Валем»; В. А. Дьяков и Г. В. Богданов «Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861—1863 гг.»). Здесь же опубликованы работы А. Ф. Смирнова, В. А. Дьякова, О. П. Морозовой, Т. Г. Снытко, Г. Ф. Федосовой, В. Бикунча, В. Р. Лейкиной-Свирской, Л. А. Обушковой и других, посвященные отдельным вопросам восстания¹⁰, деятелям восстания: С. Сераковскому, В. Врублевскому, Б. Шварце и т. д.

Восстанию 1863 г. посвящен почти целиком и т. XXIX «Ученых записок Института славяноведения»¹¹. Связаны с издающейся серией и монография В. А. Дьякова и И. С. Миллера о революционном движении в русской армии, выпущенная в свет в 1964 г.¹², а также сборник биографий наиболее выдающихся деятелей восстания 1863 г.¹³ (биографии С. Сераковского, Я. Домбровского, А. Потешы, З. Падлевского, С. Бобровского, К. Калиновского, А. Мацквичюса, И. Кеневича, Р. Траугута, В. Врублевского). Вместе с работами других исследователей (А. Ф. Смирнова, В. Е. Абрамвичюса и др.) все это представляет капитальный вклад в изучение восстания 1863 г. и вместе с тем солидную базу для дальнейших изысканий в этой области.

В общем за последние 7—8 лет издано много публикаций и исследований о восстании 1863 г., притом исследования последних лет, марксистские по своему характеру, стоят неизмеримо выше работ буржуазных авторов.

Н. Н. Улащик

¹⁰ «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960; «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г.». М., 1960; «К столетию героической борьбы «За нашу и вашу свободу». М., 1964.

¹¹ «Освободительное движение западных и южных славян XIX—XX вв.» — «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. XXIX, М., 1965.

¹² В. А. Дьяков и И. С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964.

¹³ «За нашу и вашу свободу». — «Жизнь замечательных людей». Вып. 22 (396). М., 1964.

⁹ В «Українському історичному журналі» (1965, № 7) помещена рецензія А. З. Барабою на тома, касаючіся України.

ИЗДАНИЯ ТРУДОВ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ КРИТИКОВ-МАРКСИСТОВ

Современный этап в развитии чехословацкого литературоведения характеризуется острым интересом к общим проблемам теории, взаимоотношений искусства и общества, исторической значимости различных литературных направлений. Не случайно внимание исследователей в последние годы все чаще привлекают тру-

ды чехословацких критиков-марксистов межвоенного периода.

Марксистская критика в Чехословакии возникла в начале 20-х годов в эпоху бурного подъема революционной литературы. Важную роль при этом сыграли и богатые традиции чешской демократической критики и опыт советской ли-

тературы и эстетики. Учителями критиков-марксистов были крупнейшие ученые З. Неядлы и Ф. К. Шальда, высокий профессиональный уровень отличал чехословацкую критику уже на раннем этапе.

Марксистская критика межвоенного периода богата яркими фигурами, людьми широкого кругозора, решительного характера и разносторонней одаренности. Замечательным писателем и журналистом был Ю. Фучик. Эрудированный историк литературы и фольклорист Б. Вацлашек известен не только как активный критик, но и как неутомимый организатор. Крупный партийный работник Э. Уркс с равным знанием дела писал о словацкой и о чешской литературе, был тонким знатоком поэзии. К. Копрад сочетал в себе качества философа и историка с глубоким пониманием специфики искусства. В 30-е годы в организации «Лева фронта» много трудился Л. Штолл, постоянно полемизировавший с буржуазными теоретиками и идеологами.

Критики меньше всего походили на кабинетных ученых и литературных наблюдателей. Они жили в самой гуще культурно-политических событий и литературной борьбы. Многие их статьи, написанные «на злобу дня», не потеряли значения и сегодня. Весьма значителен их вклад в разработку проблем социалистического реализма. Закономерно и то, что критикам-марксистам приходилось преодолевать авангардистские и вульгарно-социологические концепции, без чего нельзя было прийти к верным и глубоким теоретическим обобщениям. Работы марксистских критиков дают представление о сложном и многообразном развитии чехословацкой литературы XX в.

Однако подавляющее большинство трудов чехословацких критиков-марксистов до недавнего времени не было собрано, оставалось рассеянным по многочисленным и теперь уже малодоступным изданиям, было достоянием лишь узких специалистов. В послевоенные годы издавались лишь отдельные книги Б. Вацлавека (в 1947—1950 гг.), работы З. Неядлы и избранные статьи Ю. Фучика.

В начале 60-х годов положение существенно изменилось. Прежде всего было продолжено издание произведений Б. Вацлавека. Вышли два тома его избранных статей — «Творчество и общество»¹ и «Литературные исследования и портреты»². Статьи отобрал, подготовил к печати и снабдил подробным комментарием Я. Дворжак, предисловия к томам написал В. Пекарек.

Новые тома Б. Вацлавека — солидное научное издание: в примечаниях к

статьям не только сообщаются выходные данные и объясняются имена и реалии, но и раскрываются обстоятельства возникновения той или иной работы, приводятся дополнительные документы и письма. Я. Дворжак — преподаватель Университета им. Ф. Палацкого в Оломоуце — вложил в это издание много упорного и кропотливого труда. Можно возражать лишь против условного, тематического принципа распределения материала по томам и разделам — хронология при этом соблюдается лишь внутри разделов, что несколько мешает общему представлению о сложной эволюции взглядов Вацлавека. Но значение этих двух необычайно содержательных томов трудно переоценить: они положили начало широкому научному изданию произведений межвоенной чехословацкой марксистской критики.

В 1961 г. в Братиславе на словацком языке вышел подготовленный словацким литературоведом Ш. Другом (его же предисловие и примечания) том избранных работ Э. Уркса³. Собранные в нем статьи дают возможность представить различные этапы литературной борьбы в Словакии и процесс формирования единства чешской и словацкой революционных литератур. Интересны статьи Уркса о поэтизме, в особенности обстоятельная критика авангардистских концепций в его рецензии на книгу Б. Вацлавека «Поэзия на распутье» (1930).

В 1962 г. в серии «Вопросы и воззрения» (в этой серии издательства «Чехословацкая писатель» публикуются небольшие по объему критические и теоретические работы, а также высказывания по вопросам литературы и искусства известных критиков и писателей, как чехословацких, так и зарубежных) вышел сборник статей Э. Уркса на чешском языке⁴. Его готовили Л. Янтова и М. Носек, последний написал и предисловие к книге. В соответствии с характером серии это издание много плана, чем те, о которых говорилось выше. В ряде случаев здесь помещены не целые статьи, а составленный по тематическому принципу монтаж из отрывков. Научный аппарат сведен до минимума. Безусловно, и такое издание весьма полезно, но надо полагать, что в дальнейшем будет предпринято более полное научное издание трудов Э. Уркса на чешском языке: к чешской литературе его деятельность имела самое непосредственное отношение.

Важным событием было издание избранных произведений К. Копрادا⁵, которое подготовил И. Брабец в сотруд-

³ E. U r x . B á s n í k v z á s t u p e . B r a t i s l a v a , 1 9 6 1 , 4 5 2 s .

⁴ E. U r x . V p r v n í c h ř a d á c h . P r a h a , 1 9 6 2 , 1 6 8 s .

⁵ K . K o p r a d . Z t v á r n ě t e s k u t e č n o s t . P r a h a , 1 9 6 3 , 4 3 2 s .

¹ B . V á c l a v e k . T v o r b a a s p o l e č n o s t . P r a h a , 1 9 6 1 , 3 6 8 s .

² B . V á c l a v e k . L i t e r á r n í s t u d i e a p o d o b i z n y . P r a h a , 1 9 6 2 , 4 1 6 s .

ничестве с Э. Слабым (предисловие Брабца, биографическая справка Слабого). Специальную научную ценность представляет принадлежащий И. Брабцу обширный комментарий к тому. В нем изложен ход дискуссий, в которых участвовал К. Конрад, приводятся отдельные высказывания, а иногда и целые статьи, с которыми критик полемизировал, письма и другие документы. Все это характеризует различные аспекты литературной борьбы межвоенных лет.

Среди работ К. Конрада особенно выделяются статьи по вопросам формы и содержания в искусстве, в которых дается очень тонкая и квалифицированная критика структуралистской эстетики, отдельные достижения которой критик вполне признает. Это своеобразный диалог марксистской эстетики со структурализмом, который может служить образцом серьезной и доказательной научной полемики. Заслуживает пристального внимания и понимание критиком проблем социалистического реализма, свободное от схематических упрощений и догматической узости.

В последние годы было предпринято издание трудов Л. Штоллы. В 1962 г. вышел подготовленный М. Томчиком и Я. Дворжаком одитомник Л. Штоллы на словацком языке⁶, включающий его работы 30-х годов, статьи и выступления послевоенного периода. Предисловие к одитомнику написал М. Томчик, прокомментировал статьи Я. Дворжак. В 1964 г. те же авторы выпустили сборник избранных произведений Штоллы на чешском языке⁷, ограничившись на этот раз работами 30-х годов, но значительно расширив их круг. В этом сборнике интересна работа «К социологии романтизма», а также многие полемические статьи.

Говоря об изданиях трудов чехословацких критиков-марксистов, нельзя не упомянуть еще о двух книгах, вышедших за последнее время. Первая из них — это подготовленная М. Благинкой и И. Чуткой публикация «Незвал — Волькер»⁸, в которой собраны все статьи и высказывания Незвала о его рано умершем друге — поэте И. Волькере. В приложении к книге собраны важнейшие статьи чешской критики о наследии Волькера, обнаруживающие резкое различие точек зрения. Эта книга важна не только для изучения творчества Волькера и Незвала, но и для понимания некоторых особенностей литературной борьбы межвоенного периода вообще.

Вторая книга — это «Ярмарка искусства» ведущего теоретика чешского аван-

гардизма К. Тейге, выпущенная в уже упоминавшейся серии «Вопросы и воззрения»⁹. Составители И. Брабец и К. Хватик (последний написал и послесловие к книге) отобрали для этого выпуска работы К. Тейге 30-х годов, написанные в период его наибольшего сближения с марксистской критикой. Остро критикуя бесправное положение художника в буржуазном обществе, К. Тейге, однако, единственно революционным считает «чистое» искусство поэтических «авангардов». В современных условиях, когда проблематика авангардизма зачастую оказывается в центре литературоведческих споров, даже такое выборочное издание работ К. Тейге, ставших уже библиографической редкостью, представляется весьма полезным. Можно лишь выразить сожаление, что ни в послесловии к книге, ни в рецензиях на нее взгляды Тейге не были достаточно проанализированы.

Параллельно с изданиями трудов критиков-марксистов растет интерес исследователей к их наследству. Одним из центров изучения марксистской критики стал Университет им. Ф. Палацкого, где проводятся ежегодные республиканские конференции, труды которых печатаются в виде специальных сборников. Уже вышли сборник «Вацлавков Оломоуц 1962. О марксистской критике тридцатых годов»¹⁰ и «Вацлавков Оломоуц 1963. К вопросам прогрессивной традиции и революции в науке об искусстве»¹¹. Сборник исследований о творчестве Б. Вацлавека вышел под редакцией И. Грабака в Брно¹².

В 1962 г. была издана первая монография о чешской марксистской эстетике межвоенного периода «Бедрих Вацлашек и развитие марксистской эстетики»¹³, автор которой К. Хватик попытался доказать методологическую и историческую прогрессивность авангардистских концепций искусства. Монография вызвала живой и довольно острый обмен мнениями, причем выступило больше сторонников автора, чем оппонентов.

Чешской марксистской критике посвятил свой доклад на V международном съезде славистов в Софии Ф. Бурпанек¹⁴.

⁹ K. Teige. Jarmark umění. Praha, 1964, 165 s.

¹⁰ «Václavkova Olomouc 1962». Ostrava, 1964, 544 s.

¹¹ «Václavkova Olomouc 1963». Ostrava, 1965, 277 s.

¹² «Bedřich Václavek». Brno, 1963, 252 s.

¹³ K. Chvatík. Bedřich Václavek a vývoj marxistické estetiky. Praha, 1962, 394 s.

¹⁴ F. Buriánek. Ke vzniku a vývoji české marxistické literární kritiky. Československé přednášky pro V mezinárodní sjezd slavistů v Sofii. Praha, 1963, s. 267—276.

⁶ L. Stoll. Tvárou ku skutečnosti. Bratislava, 1962, 419 s.

⁷ L. Stoll. Z bojů na levé frontě. Praha, 1964, 514 s.

⁸ «Nezval — Wolker». Ostrava — Brno, 1964, 251 s.

Под его редакцией и при его участии был подготовлен также сборник статей «Из истории чешской литературной критики»¹⁵, включающий статьи о Ю. Фучике и Б. Вацлавеке и предназначенный в качестве учебного пособия для студентов-филологов.

В 1965 г. увидел свет сборник «У истоков чешской марксистской театральной критики»¹⁶, авторы которого сосредоточили свое внимание на ведущих фигурах, представлявших марксистскую критику в области театра (М. Майерова, Ю. Фучик, Б. Вацлашек, Я. Крейчи, Р. Флейшнер и К. Конрад).

Итак, чехословацкая марксистская критика становится объектом научного исследования. Вместе с тем отношение со-

¹⁵ «Z dějin české literární kritiky». Praha, 1965, 633 s.

¹⁶ «Počátky české marxistické divadelní kritiky». Divadelní ústav, Praha, 1965, 496 s.

временных литературоведов к этому наряду далеко не однозначно. Для одних марксистская критика представляет высшее достижение чешской эстетической мысли. Другие склонны уравнивать с ней по значению авангардистские концепции или даже отдавать им пальму первенства. Впрочем, последнее делается, как правило, сугубо априорно. Очевидно и то, что исследователи марксистской критики пока еще пишут об отдельных авторах, изучают их вне широкого литературно-критического контекста. По существу настоящее изучение чехословацкой марксистской критики межвоенного периода только начинается. Впереди — много работы, много споров. Но квалифицированные научные издания трудов критиков-марксистов, осуществленные за последние годы, уже сегодня обеспечивают надежную «материальную базу» для этого изучения.

С. Шерлаинова

ЖУРНАЛ ПОЛЬСКИХ ФОЛЬКЛОРИСТОВ

Журнал «Народная литература» («Literatura ludowa»), существующий уже девятый год, не есть издание только фольклористическое. У польских исследователей бытует двойное истолкование самого термина «фольклор»: это и совокупность видов народного искусства (в том числе и прикладного), и собственно словесное искусство¹. Уделяя основное внимание последнему — «народной литературе» — редакция помещает, вместе с тем, значительное количество материалов смежной тематики: не только по народному прикладному искусству, но и по этнографии, по диалектологии, а также сообщения о работе местных краеведческих музеев, архивов и т. п.

Происходит это отнюдь не «от бедности». В Польше издаются специальные журналы по народному искусству и по народному театру, фольклорно-этнографический ежегодник «Lud», специальные этнографические и лингвистические периодические издания. Таким образом, широта профиля рецензируемого журнала — показатель не «бедности», а «богатства» — возможность освещать в фольклористическом журнале вопросы, имеющие к фольклору не только прямое, но и косвенное отношение. Хотя в Польше существует несколько исторических журналов, «Народная литература» часто печатает и статьи по истории отдельных земель и областей Польши.

Последнее обстоятельство непосредственно связано с еще одной особенностью

журнала «Народная литература». Почти каждый номер посвящен целиком или преимущественно одному какому-нибудь географическому району Польши. Исключение пока составляют только три выпуска: № 1 за 1963 г., в котором опубликованы материалы V Международного съезда славистов; № 4—5 за 1964 г. и № 1 за 1965 г., посвященные двадцатилетию польской фольклористики (эти выпуски будут рассмотрены нами специально).

Особый интерес к «региональному» изучению фольклорно-этнографических материалов — традиция не одного только этого журнала, а польской науки вообще. Данная традиция идет еще от всемирно известного основоположника польской фольклористики Оскара Кольберга, трудам которого посвящен целый ряд статей в журнале «Народная литература». Главный редактор его, проф. Ю. Кшижановский, входит в комиссию, под наблюдением которой выпускается сейчас полное научное издание трудов О. Кольберга в 66-ти томах, в связи с тысячелетием Польского государства. Журнал периодически освещает ход этой работы.

Комплексное изучение фольклора и связанных с ним явлений народного быта по отдельным районам, безусловно, имеет свои преимущества.

Впрочем, «региональные» подборки в «Народной литературе» не всегда спаяны внутренним единством; встречаются случайные материалы, отнесенные к данному району по какому-нибудь формальному признаку, но не по существу. Можно предположить, что именно эти обстоятельства побудили редакцию вести с 1959 г. особый небольшой раздел — «об-

¹ См. об этом: «Literatura ludowa», 1964, № 4—6, стр. 20. В дальнейшем ссылки на этот журнал даются в тексте, в скобках.

шую часть», которым теперь заканчивается почти каждый выпуск журнала. Здесь печатаются статьи, рецензии, обзоры и информационные заметки, не имеющие прямого отношения к тому району, которому посвящена основная, «региональная» часть номера.

Журнал не имеет строгой периодичности и постоянного объема. В год выходит от трех до шести номеров (некоторые из них — спаренными выпусками). Объем одного выпуска колеблется от 4 до 14,5 печатных листов.

Каждый выпуск открывается, как правило, историческим, историко-культурным, историко-этнографическим или историко-фольклорным очерком соответствующей части территории Польши. Обычно избирается район, представляющий более или менее обособленное по своим культурным традициям (а нередко и по своей истории) целое². После такого вводного очерка (иногда их бывает два, причем один может быть историко-лингвистическим) следуют статьи самой разнообразной тематики. Здесь и характеристики одного какого-нибудь фольклорного жанра или вида (чаще всего это пословицы, поговорки, загадки, сказки, легенды, предания, анекдоты) и описания особенностей местных обрядов и обычаев, и очерки по народной мифологии и народному искусству (например, специальная статья об ансамбле «Мазовше» — 1960, № 1) и др. В особые группы можно выделить статьи, посвященные отражению фольклора данного района в творчестве писателей, раздел *Personalia* (о фольклористах, о народных исполнителях и сочинителях, о писателях, в творчестве которых особенно ошутимы фольклорные мотивы), историографические статьи, среди которых одни посвящены фольклористическому, другие — этнографическому, третьи — лингвистическому изучению данного района. Большую группу составляют статьи о народных говорах. Есть исторические и этнографические очерки локальных местностей, мелкие лингво-этнографические и фольклорно-этнографические этюды.

В целом это преимущественно описательный материал, который у нас обычно принято называть краеведческим. Большинство статей имеют характер не столько исследовательский, сколько очерковый. Типичен для них сравнительно небольшой объем, от одной до пяти страниц. Встречаются, однако, и статьи исследовательские, порой безупречные по методике, стройности и точности анализа, оснащенные необходимой библиографией и т. п. К таким статьям, в первую очередь, от-

носится исследование А. Бернадского «Из истории легенд о Попеле и Пясте» (1963, № 2—3); работа С. Свирко «Баллады Чечота, их связи с фольклором и с народностью Мицкевича» (1958, № 1); ряд небольших этюдов Ю. Кшижановского по пословицам (1957, № 4; 1958, № 2—3), сказкам (1957, № 3), преданиям (1959, № 1—2) и некоторые другие материалы.

Надо сказать, что редакция «Народной литературы» с самого начала поставила своей задачей систематически печатать народные тексты (о чем специально говорилось в предисловии к первому номеру). Раздел публикаций часто занимает большую часть объема номера. Но дело не только в объеме. Гораздо важнее то, что эдиционно-текстологический уровень издания в целом вполне отвечает самым высоким требованиям — и с точки зрения способов передачи самого текста, и с точки зрения паспортизации записей, их комментирования и т. д. Песенные тексты печатаются, как правило, с нотами; исключения составляют лишь публикации тех архивных материалов, которые не содержат нот.

Издаются, главным образом, записи текстов, относящиеся к современности и недавнему прошлому: польский фольклор периода второй мировой войны и послевоенного времени. Журнал печатает не только современные, но и «традиционные» тексты: местные исторические предания и легенды, сказки, пословицы, загадки, разнообразный песенный материал, старинную народную драму, заговоры, духовные стихи и др. Имеется чрезвычайно обстоятельное описание старинного свадебного обряда с публикацией всех текстов (1961, № 1—2). Публикуются и другие фольклорно-этнографические, а также лингвистические материалы: записи народных верований, гаданий, обрядов, образцы говоров.

Начиная с 1958 г. почти каждый выпуск содержит специальную библиографию послевоенных фольклористических работ по тому или иному географическому району (обычно это район, которому посвящен номер). Объем таких библиографий — от 100 до 500 названий.

«Общая часть» («региональных» выпусках) содержит преимущественно небольшие статьи очеркового и обзорного типа, среди которых есть материалы, безусловно, интересные не только для польских фольклористов. В № 1 журнала за 1960 г. опубликованы статьи польских и чехословацких исследователей, в которых они обмениваются опытом собирания фольклора. В № 3 за 1962 г. помещена статья Ю. Кшижановского об известном советском фольклористе М. К. Азатовском, а в № 2—3 за 1963 г. — его же статья о Вальтере Андерсоне. Из числа работ о польском фольклоре может быть отмечена своеобразно озаглавленная статья Ю. Кшижановского — «На доро-

² Некоторым районам Польши посвящено не по одному, а по два выпуска, и наоборот — отдельные номера посвящены двум районам сразу.

гах и бездорожьях нашей народной песни» (1961, № 1—2).

Особый интерес как по своей общей проблематике, так и по содержанию отдельных статей представляют три упомянутых выше специальных выпуска журнала «Народная литература».

Номер, вышедший к V Международному съезду славистов (1963, № 1), содержит ряд статей по межславянским фольклорным взаимосвязям. Р. Войцеховский в работе «Песни белорусского народа из сборника Федеровского в сравнении с польской народной песней» рассматривает фольклор пограничной полосы между Польшей и Белоруссией. Сходной проблематике посвящены статьи: М. Конопцакого «Элементы татарского фольклора в польско-белорусско-литовском пограничье» и Ю. Овдрусна «Польские и чешские сборники народных пословиц и поговорок Тешинской Силезии». Венгерский исследователь А. Дёмётёр в статье «Украинские разновидности сказки о высоком дереве» анализирует не вошедший в международные указатели сказочных типов венгерский сюжет, к которому, по его мнению, восходят украинские варианты той же сказки. С. Пласковицкая-Рымкевич рассматривает особенности турецких сказок на фоне славянских материалов. С юнославянским фольклором знакомят польских исследователей два обзора Е. Слизиного «Болгарские башни и предания» и «О черногорских легендах и преданиях». Собственно польскому фольклору посвящена статья С. Свирко «Новая книга польских пословиц», в которой обзревается, в связи с работой по подготовке сборника, история изучения польских пословиц, начиная с XV в. Явления, пограничные между фольклором и литературой, характеризуются в очерке В. Помяновской «Народные поэты Келецкой земли во время гитлеровской оккупации». Известный чешский фольклорист К. Горалек сравнивает польский материал с чешским и словачским в статье «К вопросу о характеристике польского народного стиха». Другой чешский исследователь Я. Йех в своей работе освещает научную деятельность одного из крупнейших современных славистов И. Горака.

Не меньший интерес представляют два других специальных выпуска: № 4—6 за 1964 г. и № 1 за 1965 г. Оба они посвящены итогам деятельности польских фольклористов за двадцать послевоенных лет. Первый из них содержит около тридцати статей, а второй полностью отведен библиографии.

Общие научные итоги подводит Ю. Кшижановский в статье «Двадцатилетие польской фольклористики». Ч. Калужный характеризует использование фольклора в культурно-просветительной работе, С. Свирко — значение фольклора в современной польской культуре. Семь спе-

циальных статей посвящены итогам фольклористической работы в центральных научных учреждениях Польши: Институте литературных исследований, Институте искусствоведения и Отделе языковедения Польской академии наук. Другая серия статей рассматривает достижения фольклористики в отдельных областях и местных научных центрах.

Особое место занимают статьи, в которых труды фольклористов XIX в. оцениваются в связи с современным состоянием науки. Ю. Буршта анализирует работу по изданию полного собрания трудов О. Кольберга. А. Обрембска-Яблоньская рассказывает о подготовке к изданию ранее неопубликованных рукописей М. Федеровского (белорусские и польские песни). Статьи Б. Закшевского и Ю. Кшижановского посвящены трудам Ю. Ломпы и С. Адальберга.

Уделено внимание двум крупным современным работам: «Словарю кашубских диалектов на фоне народной культуры» В. Сыхты (статья Х. Поповской-Таборской) и исследованию песен польских шахтеров и металлургов (статья А. Дыгача).

Наконец, три статьи посвящены польскому фольклору последнего десятилетия: В. Е. Гусева о песнях польских партизан, И. Навловской о послевоенном фольклоре в Нижней Силезии, Я. Межевой-Франкевич о развитии народного танца в 1945—1964 гг.

Второй выпуск содержит три библиографических подборки: аннотированный перечень изданий Народного издательского кооператива, посвященных фольклору или имеющих к нему то или иное отношение; указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Народная литература» за 1957—1964 гг.; библиографию польских книг, посвященных фольклору и его изучению, за 1945—1960 гг.

Журнал «Народная литература» ведет систематическое рецензирование новинок польской и зарубежной фольклористики (отрецензированы, в частности, и некоторые книги, вышедшие в СССР). Большинство рецензий имеют аннотационный, а не проблемный характер. В значительной степени это, вероятно, обусловлено относительно небольшим объемом журнала и, соответственно, ограниченностью места, которое может быть уделено рецензиям. Иногда редакция, видимо, предпочитает поместить в номере краткие заметки о четырех—пяти книгах, чем давать обстоятельный разбор одной или двух.

Почти в каждом номере дается разнообразная информация о деятельности польских центральных и местных музеев, издательства, научных обществ и т. п.

Необходимо отметить еще один вид деятельности этого журнала, который

можно было бы назвать активной работой с читателями. Уже в первом выпуске (1957, № 1) был объявлен конкурс на запись фольклорных текстов, связанных с героической борьбой польского народа в период второй мировой войны.

Итоги конкурса были опубликованы (1958, № 2—3), а наиболее интересные из присланных записей — напечатаны в последующих номерах. Дважды журнал публиковал фольклористические анкеты. Одна из них имела целью сбор описаний местных особенностей некоторых народных игр, хороводов и песен (1957, № 3). Вторая — сбор самых разнообразных сведений, касающихся рабочего фольклора — о жанрово-тематическом составе бытовавших и бытующих в разных районах устных произведений, об обычаях, связанных с трудом рабочих, и даже о сохранившихся подпольных листовках и других печатных материалах, содержащих песни или рассказы рабочих.

В заключение следует сказать, что «Народная литература» — журнал, стремящийся, прежде всего, активно способствовать собиранию и введению в научный оборот современного польского фольклора — в широком понимании как термина «фольклор», так и термина «современный». Можно спорить о правомерности отнесения польскими коллегами тех или иных конкретных явлений к области фольклора. Можно пожелать их журналу большей «академичности» и большего внимания к вопросам истории и теории фольклора. Но нельзя не порадоваться их бережному любовному отношению к духовной культуре своего народа.

Материалы этого журнала представляют бесспорный интерес не только для фольклористов, но и для славистов широкого профиля — историков, этнографов и языковедов.

С. Н. Авбелев,
В. Б. Вилинбазов

Г. М. СЛАВИН. *Освободительная война в Югославии (1941—1945 гг.)*. М., 1965, 152 стр.

Книга Г. М. Славина примечательна уже тем, что это первая в нашей историографии попытка создания полного очерка истории Народно-освободительной войны в Югославии в 1941—1945 гг. И надо прямо сказать, попытка весьма успешная. Научно-популярный характер книги несколько не умаляет ее достоинств. Автором использовано большое количество документального материала, опубликованного за последние годы в Югославии и Советском Союзе. Помещенный в конце книги список литературы ни в коей мере не отражает всего богатства источников и исследований, использованных автором.

В книге Г. М. Славина ярко и образно показана четырехлетняя героическая борьба народов Югославии за свободу и независимость своей родины. Большим достоинством работы является всестороннее освещение руководящей роли Коммунистической партии в этой борьбе. КПЮ была единственной политической силой, которая не только организовала и возглавила вооруженную борьбу трудящихся масс против оккупантов и квислинговцев, но и сумела обеспечить историческую победу. Эта мысль проходит красной нитью через все шесть глав книги.

Автор сумел избежать односторонности в освещении Освободительной войны. В его изображении революционная борьба югославского народа предстает перед читателем во всей своей сложности и многогранности. Это не только победы и триумфы, но это и невероятные трудности, которые приходилось преодоле-

вать в исключительно тяжелых условиях. В четырехлетней суровой и самоотверженной борьбе были успехи и победы, но были также спады и временные неудачи. Победа досталась ценой неисчислимых жертв и страданий, ценой жизни сотен тысяч лучших сынов и дочерей свободолюбивого, героического народа. Как преодолевались многочисленные трудности, какую роль сыграла помощь Советского Союза и его Вооруженных сил в окончательной победе югославской революции — обо всем этом подробно и обстоятельно рассказывается в книге.

Хорошо освещены в книге внутренний и международный аспекты Освободительной войны и народной революции в Югославии. В ней подробно излагается развитие вооруженной борьбы непокоренного народа, начиная от формирования первых партизанских отрядов, создания Народно-освободительной армии Югославии и до полного освобождения страны от фашистских оккупантов. Параллельно читатель узнает о становлении революционных органов народной власти — от зарождения первых Народно-освободительных комитетов до создания Антифашистского веча народного освобождения и Национального комитета освобождения — первого правительства новой Югославии. После второй сессии АВНОЮ, состоявшейся 29—30 ноября 1943 г. в старинном боснийском городке Яйце, судьба революции, как внутренняя проблема страны, по существу была предreshена.

Автор шаг за шагом прослеживает, как в ходе борьбы все сильнее проявля-

лось стремление трудящихся масс к созданию нового, социалистического общественного строя. На эту особенность освободительной борьбы в Югославии совсем недавно еще раз обратил внимание Верховный главнокомандующий Народно-освободительной армией Югославии маршал Иосип Броз Тито, ныне Президент Социалистической Федеративной Республики Югославии. «В 1941 году, — заявил он, — мы не писали на нашем знамени, что боремся за социализм, но было ясно, что мы боремся не только за то, чтобы изгнать оккупантов, но одновременно и за новый общественный порядок»¹.

Автор книги имел все основания сделать нижеследующий вывод: «Своеобразие югославской революции заключалось в том, что партизанская война против фашизма слилась с войной гражданской против капиталистов и помещиков, перешедших на службу к оккупантам. В ходе войны не только решались задачи национально-освободительной, антифашистской, демократической революции, но и осуществлялись социально-экономические преобразования социалистического характера.

Отстранение эксплуататорских классов от власти и установление власти трудящихся под руководством рабочего класса, коренные общественно-экономические преобразования и революционные меры свидетельствовали о том, что в Югославии развивалась социалистическая революция» (стр. 144).

Такое заключение логически вытекает из всей совокупности фактов, тщательно собранных и проанализированных автором книги. Но, на наш взгляд, этот вывод можно было бы расширить и дополнить. Дело в том, что в Югославии процессы постепенного перерастания народно-демократической революции в социалистическую, начавшись еще в ходе освободительной войны, в основном уже завершились к моменту ее окончания. Сам автор на стр. 142 указывает, что к концу 1945 г. примерно 82% промышленных предприятий, подавляющее большинство банков и крупных торговых предприятий перешло в собственность народного государства или под его управление. Что же касается классового характера нового государства, то к весне 1945 г. оно имело все основные черты диктатуры пролетариата. Иными словами, к концу войны вопрос о власти, этот коренной вопрос всякой революции, был по существу уже решен. В это время главной опасностью для развития югославской революции было давление международного империализма. Но, как известно, с помощью и при поддерж-

ке Советского Союза эта опасность была ликвидирована.

Ценный очерк освободительной войны и народной революции в Югославии безусловно бы выиграл, если бы автор ввел в него хотя бы некоторые элементы историографии. Прежде всего это относится к вопросу периодизации народно-освободительной борьбы. Автор поступил совершенно правильно, отказавшись от изложения войны по так называемым семи неприятельским наступлениям (офанзивам). В настоящее время это уже пройденный этап. Недостатки такого подхода очевидны и доказаны в литературе. Но читатель об этом ничего не знает. Поэтому для него остается непонятной фраза на стр. 103 книги: «Перечисляя семь вражеских наступлений против народно-освободительных войск и партизанских отрядов, имевших место в 1941—1945 гг., следует подчеркнуть, что речь идет лишь о наиболее крупных военных операциях». Но, во-первых, эти наступления ранее не названы и не оговорены специально, во-вторых, автор сам не придерживается их в своем изложении, так как не считает их определяющими.

Хотелось бы больше узнать об особенностях Единого народно-освободительного фронта, сложившегося в ходе войны и сыгравшего важную роль в разгроме захватчиков и в победе революции. Известно, что в отличие от других стран Центральной и Юго-восточной Европы, Фронт в Югославии образовался не как коалиция партий, а как единая организация народно-освободительного движения, руководимая Коммунистической партией.

Выход в свет книги об освободительной войне в Югославии поможет советским читателям, проявляющим большой интерес к судьбам братского югославского народа, ближе ознакомиться с его героической борьбой в годы второй мировой войны против общего врага. Отношения братской дружбы, сложившиеся между нашими народами в годы совместной борьбы с фашизмом, отвечают насущным интересам обеих стран. «Дружественные отношения и сотрудничество между народами Югославии и Советского Союза, закаленные в совместной борьбе Советской Армии и Югославской народной армии против фашизма, в настоящее время углубляются и расширяются...»², — заявил с трибуны XXIII съезда КПСС глава югославской делегации товарищ Александр Ранкович.

Дружба и сотрудничество между СССР и СФРЮ служат укреплению дела мира, демократии и социализма, так как у наших народов единая цель и общие идеалы.

В. Г. Карасев

¹ «Политика», 17 III 1966.

² «Правда», 1966, 3 апреля.

ИСТОЧНИКИ ПО СЛАВЯНО-РУМЫНСКИМ СВЯЗЯМ¹

Многообразные и интенсивные связи народов Румынии с народами СССР, а также с другими славянскими народами (в частности, западнославянских стран и Балканского полуострова) давно уже стали предметом многочисленных исследований. Рецензируемое издание посвящено публикации актового и делопроизводственного материала, раскрывающего прочие и разнообразие связи народов СРР и СССР с начала XV в. до 1711 г. Первый том публикации охватывает период до 1632 г. (т. е. до времени правления Василия Липу 1632—1653 гг. в Молдавском княжестве и Матвея Бесараба в Валахии 1632—1654 гг.). Трудно переоценить значение данной публикации. В ней собраны наиболее значительные материалы, опубликованные ранее в многочисленных дореволюционных русских, польских, румынских и украинских изданиях, зачастую малодоступных для исследователей, а также 17 новых документов. Были использованы составителями и последние публикации румынских и советских историков. Эти документы свидетельствуют о многообразии и интенсивности связей народов Валахского и Молдавского княжеств, с одной стороны, и Русского и Польско-Литовского государств, с другой. Как же стороны этих исторических связей получили в рецензируемом издании наиболее полное отражение?

Прежде всего отметим материалы, раскрывающие характер и содержание экономических связей (док. 1—3, 5, 32, 36, 40, 43, 45, 46, 55, 58, 66, 85, 86). Они хорошо показывают направления и номенклатуру внешней торговли Молдавского княжества и в меньшей степени Валахии в XV—XVII вв. Прежняя ее ориентация на западноукраинские области (входившие тогда в состав Польско-Литовского государства), основанная на древнем торговом пути из черноморских портов (Каффы или Белгорода-Днестровского) через Молдавию на Львов и далее на Краков, продолжала оставаться ведущей и в XVI в., хотя удельный вес и характер торговли с Польшей изменился. В связи с турецкими завоеваниями во 2-й половине XIV в. этот торговый путь приобрел большое значение как транзитный в европейско-восточной торговле и сохранял его вплоть до конца XV в. Характерно, что уже в самом начале XV в. (в 1408 г.) в торговой льготной грамоте молдавского господара Александра львовским купцам предметы транзитной торговли вынесены на первое место, причем среди них перечисляются в качестве восточных

товаров «шолк, перец, камки, тебенки, темьян, грецкий квас» (а также неопределенно обозначенный «татарский товар»), а в качестве западных в первую очередь — сукно (док. 1). Необходимо отметить, что уже в этот период складывались прочные торговые связи и между самой Молдавией и Львовом. Молдавия вывозит главным образом животноводческие товары и продукты охоты и рыболовства (там же). С конца XV и в XVI—XVII вв. в связи с великими географическими открытиями, а также с захватом Турцией в 1484 г. Килии и особенно Белгорода транзитное значение торгового пути через Молдавию резко снижается. В противовес этому возрастает торговля между Молдавией и Польско-Литовским государством. Об этом свидетельствуют грамоты молдавских господарей Петра Хромого 1579 г. (док. 55) и Стефаницы 1610 г. (док. 86) купцам Польско-Литовского государства о предоставлении им права свободной торговли в Молдавии, которые ясно показывают жизнеспособность и необходимость устойчивых и широких торговых отношений Молдавии с Польшей. Экономические связи Молдавии и Валахии с Речью Посполитой раскрывают и документы (док. 32, 36, 40, 43, 45, 46, 58, 66 и т. д.), фиксирующие различные стороны и стадии торговых и заемных сделок, отражающие широкий объем торговли между Молдавией (в первую очередь) и Валахией, с одной стороны, и Польско-Литовским государством, с другой. Отметим попутно, что большинство этих документов публикуется впервые (док. 36, 40, 43, 45, 46, 58, 66, 85, 86). В гораздо меньшей степени отражены в издании экономические связи между Молдавией и Валахией и Русским государством. Это и понятно. На протяжении XV, XVI и 1-й трети XVII вв. они были спорадическими и весьма незначительными по объему². Как правило, расширение дипломатических связей приводило к оживлению и экономических. Так было, в частности, в конце XV — начале XVI в. в период антипольского союза между Иваном III и Стефаном Великим, господарем Молдавии. В это время Молдавия приобрела весьма важное значение в связях России с Западной Европой, в том числе и в экономических (см. док. 8 и 25). Ряд жалованных грамот (док. 4, 62, 84) раскрывает перед исследователями картину миграционных процессов. Публикуемые акты позволяют даже в известной мере уловить их динамику. Если в жалованной грамоте молдавского господара Александра 1453 г. перечень

¹ «Исторические связи народов СССР и Румынии. Документы и материалы», т. I, 1408—1632 гг., М., 1965, 363 стр.

² Н. А. Мохов. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, стр. 239.

национальностей возможных «крестьян-приходцев» ограничивается «русином, гречином» и неопределенным «буд какой язык» (док. 4), то в грамотах Петра Хромого 1589 г. и Иеремии Могилы 1606 г. уже фигурируют «русин, мунтенин, сербин, гречин, москвитин и влах» (док. 62 и 84). Эти акты интересны и в другом отношении. Они и многие другие, подобные им, не включенные в состав дашной публикации³, дают интересный материал для сравнительно-исторического изучения институтов и норм феодальной земельладения и хозяйства в Молдавии и Валахии, с одной стороны, в Русском и Польско-Литовском государствах, с другой.

Наибольшее место, что совершенно естественно, отведено в издании документам дипломатических взаимоотношений. Весьма полно представлены материалы, характеризующие внешнюю политику Стефана Великого и прежде всего его связи с Русским государством (док. 6—26). Нет необходимости останавливаться на характеристике этих источников, ибо они нашли уже подробное освещение в историографии⁴. Отметим только включение в том не публиковавшегося ранее письма Елены, жены Ивана Молодого (старшего сына Ивана III), Стефану Великому (док. 7), от которого, к сожалению, сохранилось только лишь начало. Письмо интересно уже тем, что отражает факт самостоятельных сношений Елены с ее отцом Стефаном. Весьма важны документы издания, освещающие историю внешнеполитических связей Молдавского княжества с Россией и Польско-Литовским государством в 1-й половине XVI в. (док. 28, 30, 31, 33—35, 37—39) — в наименее изученный период дипломатической истории Восточной и Юго-Восточной Европы за весь XVI в.⁵

³ См., например, «Молдавия в эпоху феодализма», т. I. Славяно-молдавские грамоты. Кишинев, 1961.

⁴ К. В. Б а з и л е в и ч. Внешняя политика Русского централизованного государства (2-я половина XV в.). М., 1952, стр. 246—255 и след.; Н. А. М о х о в. Очерки истории молдавско-руско-украинских связей. Кишинев, 1961, стр. 27—32 и след.

⁵ В работе Н. А. Мохова «Очерки...» (стр. 32—34) собрано большинство сведений, характеризующих дипломатические связи Молдавии и России в 1-й половине XVI в. (после смерти Стефана Великого), но в ней, однако, эти отношения даны в отрыве от международной обстановки в Восточной и Юго-Восточной Европе этого времени. В самой последней работе, посвященной анализу международных отношений в указанном районе, дипломатические связи России и Молдавии и их значение по непонятным причинам не нашли никакого отражения — см. И. Б. Г р е к о в. Очерки по истории

Изданные материалы, с одной стороны, хорошо показывают значительное изменение положения Молдавии во всей системе международных отношений указанного района после смерти Стефана Великого, а с другой — подтверждают тезис о попытках сохранения и возобновления молдавско-русского союза, направленного против Польско-Литовского государства (в частности в период первого правления молдавского господара Петра Рареша). Очень ценным дополнением являются сведения, извлеченные из русских (Воскресенская, Львовская и др.) и молдавских (Уреке и т. д.) летописей и других источников и помещенные в примечаниях (см. примечания 88—127 на стр. 305—312). Особо отметим док. 39, в котором впервые фиксируется совместная борьба молдавского народа и запорожского казачества против турецких завоевателей — явление, имевшее большое значение во 2-й половине XVI и XVII в. Из материалов, относящихся ко 2-й половине XVI — 1-й трети XVII в., наиболее интересны два комплекса документов. Первый из них раскрывает международные связи Молдавии и Валахии в 70—80-е годы XVI в. — в период нового подъема национально-освободительной и классовой борьбы (особенно в Молдавии — док. 46—57, 59—61, 63—65). Отметим документы 47 (письмо Ивана IV молдавскому воеводе Иоанну Лютому) и 49 (донесение Ганса Рюбера — о нем см. ниже), отражающие попытки как русского правительства, так и придунайских князей возобновить союз с явно выраженной не только антипольской, но уже и антитурецкой направленностью. Второй комплекс материалов связан с международным положением Валахии и Молдавии в годы действия «антитурецкой священной лиги» (док. 67—76, 78—82, 89). Ряд документов тома фиксирует весьма доброжелательную позицию русского правительства к деятельности валахского воеводы Михаила Храброго (наиболее активного участника лиги), стремившегося в ходе национально-освободительной борьбы к объединению Валахии, Молдавии и Трансильвании. Русское государство в противовес действиям Речи Посполитой оказывало ему значительную материальную и политическую поддержку (док. 78, 80, 89).

Публикуемые источники (прежде всего первого комплекса) позволяют поставить и другой вопрос — о роли казачества в классовой и национально-освободительной борьбе. Нет возможности здесь подробно останавливаться на этом. Отметим только следующее. Резкое усиление классовой борьбы в странах Юго-Восточной и Восточной Европы

международных отношений Восточной Европы XIV—XVI вв. М., 1963, гл. 5.

в последней трети XVI—1-й четверти XVII в. было не случайно. Оно вызывалось, видимо, рядом схожих явлений в их социально-экономическом развитии. Специфической чертой классовых битв в этом районе было активнейшее участие в них степного казачества, его авангардная роль. Это, в частности, объясняется богатым опытом, который казаки приобрели в ходе вооруженных и политических конфликтов в самых разнообразных условиях. Этот опыт позволил им выработать и «закрепить» определенные методы и формы политической борьбы, успешно применявшиеся ими в разных странах. В томе (док. 50—52, 54, 56, 59, 60, 65) раскрываются приемы борьбы запорожского казачества в Молдавии в 70—80-е годы XVI в.

Менее полно, к сожалению, представлены в томе материалы о культурных взаимоотношениях (док. 41, 64, 77, 83, 88—91). Из них первые 4 документа касаются традиционного покровительства, которое молдавские господа яры на протяжении всего XVI в. оказывали украинским православным братствам (прежде всего Львовскому). 4 последние характеризуют культурные связи между Молдавией и Валахией и Россией уже в 20-е годы XVII в. Период с конца XIV и до середины XVI в., когда Валахия и Молдавия играли огромную посредническую роль в культурных связях России с православным славянским и греческим населением Балканского полуострова, полностью выпал из поля зрения издателей.

Изданию предпослано введение, достаточно полно характеризующее основные этапы развития экономических, политических и культурных связей вплоть до 1711 г. Особенно ценными, как уже отмечалось выше, являются примечания к публикуемым документам, включившие в себя много дополнительных сведений из самых разнообразных источников, не вошедших в состав публикации. Как весьма положительное начинание следует отметить наличие в публикации наряду с оригиналом перевода текста документов на два языка (румынский и русский). Это, несомненно, облегчит использование изданных источников исследователями СРР, ПНР, СССР и других стран.

Издание не лишено некоторых недостатков. В томе отсутствует подробная археографическая характеристика публикуемых документов и тех архивных фондов (или публикаций), из которых они извлечены. Из-за этого неясны принципы отбора материала для тома. Остается также открытым вопрос и о степени полноты издания. Ясно, что публикация сравнительно небольшого объема, охватывающая более трех веков, не может быть исчерпывающей. Но в каком соотношении находятся публикуемые

в томе материалы с сохранившимися источниками, хотя бы в объеме привлеченных к изданию архивных фондов,— на этот вопрос читатель не найдет ответа. Например, большинство вновь опубликованных актов, как уже отмечалось выше, раскрывает экономические связи Молдавского княжества с Польско-Литовским государством. Извлечены они из Львовского филиала ЦГИА УССР, но сколь массовы подобные источники в украинских и польских архивах? А ведь именно их массовость дает возможность всестороннего анализа истории внешнеторговых связей. Не вполне понятны и принципы отбора дипломатических источников по русско-молдавским и русско-валашским связям. Из русских по происхождению документов использованы, как правило, только уже ранее опубликованные. В то же время в издании отсутствуют акты и материалы из тех фондов, которые или совсем ранее не печатались (например, фактически полностью неопубликованные документы из ф. 123 ЦГАДА «Сношения России с Крымом» за период с середины XVI по 1-ю треть XVII в.), или же были изданы в отрывках и к тому же в сравнительно малоизвестных изданиях⁶. Вне поля зрения издателей оказались и некоторые иностранные архивы и публикации, содержащие сведения о взаимосвязях Валашского и Молдавского княжеств с Русским и Польско-Литовским государством (в частности итальянские архивы). Неясно, почему не вошло в издание и единственное до 1624 г. дело из фонда 68 ЦГАДА «Сношения России с Молдавией и Валахией», а именно дело о приезде в 1574 г. валашского воеводы Богдана Александровича в Россию. В томе помещено интереснейшее донесение Ганса Рюбера Максимилиану II от 15 мая 1575 г., характеризующее историю политической борьбы в Валахии, ее дальнейшие перспективы, наконец, само положение и намерения Богдана (док. 49). К сожалению, все эти достаточно важные моменты в политических взаимоотношениях Валахии и России не получили никакого отражения в примечаниях. Почетное положение, которое занял в России Богдан (ему был передан Луховский удел, находившийся ранее у князя И. Д. Бельского⁷, и Тарусский

⁶ См., например, отражение русско-молдавских связей в так называемых «греческих делах». «Акты времени Лжедмитрия I». — «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1918, кн. I, стр. 7, 8, 34, 37, 45, 46 (грамма молдавского господара Иеремии Могила Б. Годунову 17 июля 1603 г.) и след.

⁷ Р. Г. С к р ы н н и к о в. Опричнина и последние удельные князья на Руси. — «Исторические записки», кн. 76. М., 1965, стр. 160—161, 169;

уезд), отчасти свидетельствует о тех надеждах, которые связывало с ним московское правительство в своей дипломатии. Характерно, что по времени этот факт следует сразу же за попытками Ивана IV оживить и укрепить политические связи с молдавским господарем

В. А. Рождественский. Историческое описание Серпуховского Владычного общежитийного девичьего монастыря. М., 1866, стр. 125—126.

НА ПУТИ НАУЧНОГО ПОИСКА

Новая книга Б. Н. Путилова¹ привлекла внимание и новизной своей темы (первая обзорная работа на эту тему), и методологическими установками автора, прямо затрагивающими наиболее острые проблемы фольклористики.

К настоящему времени в фольклористике не сложилось единое мнение относительно жанровой принадлежности так называемых исторических баллад. Из обзора мнений, предложенного Б. Н. Путиловым (стр. 7—26), явствует, что подавляющее большинство ученых относит исторические баллады либо к историческим песням, либо к балладам. Лишь некоторые белорусские и югославские ученые склонны в ряде случаев трактовать их как произведения героического эпоса. В отличие от предшественников Б. Н. Путилов стремится показать исторические баллады как особый фольклорный жанр. Автор решительно отделяет избранную группу произведений от исторических песен и героического эпоса (стр. 26—27). Но характерно при этом, что термин «баллада» не сопровождается здесь эпитетом «историческая»; ничего не говорится об отличии исторических баллад от баллад вообще. И далее, когда Б. Н. Путилов постулирует свои представления об исторических балладах как особом жанре (стр. 28—33), он не говорит об отличии этих произведений от других баллад. О том, что они существуют, мы узнаем лишь благодаря двум скупым упоминаниям автора на стр. 125, 165 и там, где автор иллюстрирует «ужас перед кровосмешением» балладами явно не историческими, даже по мнению исследователя (стр. 131). Но если Б. Н. Путилов уклонился от того, чтобы отделить исторические баллады от другого рода баллад, то уже поэтому его попытка обособить исторические баллады как жанр представляется неубедительной, тем более, что автор сам возражает против деления на жанры былин, юнацких песен и т. п. (стр. 5).

Большинство жанровых признаков ис-

Иоанном Лютым К числу недостатков издания следует также отнести и отсутствие предметно-терминологического указателя.

В заключение надо сказать, что публикация, несомненно, будет стимулировать изучение разнообразнейших аспектов этой большой, теоретически важной и политически актуальной темы. Именно в этом, в первую очередь, ее значение.

В. Д. Назаров

торических баллад, указанных автором, в равной мере имеет значение и для баллад вообще. Наряду с этим автор даже повторяет кое-какие ошибки своих предшественников, изучавших иной балладный материал. Например, он постулирует, что в балладах «возможность благополучных развязок, в сущности, исключена» (стр. 29). И хотя использованный Б. Н. Путиловым материал позволяет выдвинуть параллельно и иное мнение (см. стр. 83—92, 99, 101, 104, 110—118, 121—124), тем не менее он в заключение (стр. 173) делает вывод, весьма близкий к априорному суждению в начале книги. На наш взгляд, это не лучший способ решить, был ли данный жанровый признак изначально присущ той или иной группе произведений, либо он был приобретен в ходе долгой эволюции.

Странно, что Б. Н. Путилов, будучи самым горячим сторонником изучения фольклора как истории жанров, предельно скуп в своих теоретических суждениях именно о фольклорном жанре. Но даже пользуясь одним его указанием о том, что отдельных, пусть и ярких, признаков недостаточно для решения вопроса о жанровой принадлежности того или иного произведения (стр. 5), можно без труда опровергнуть недостаточно аргументированные попытки автора включить в разряд исторических баллад бессюжетные произведения (стр. 36—38, 44, 79—80, 94); баллады, условное отнесение которых именно к историческим либо показано самим автором, либо вообще известно в науке (стр. 70, 75—78, 86, 90—91, 117—119, 125, 131, 136, 165); былины и юнацкие песни, идущие у автора в одном ряду с историческими балладами, без каких-либо существенных разъяснений относительно процессов взаимодействия героических песен с балладами (стр. 72—73, 117, 120—124). Б. Н. Путилов учитывал также продукты отмирания баллад как жанра — предания и отрывки (стр. 47, 83, 104, 161), что само по себе правомерно, но не дает права во всех случаях реконструировать их как исторические баллады в качестве особого жанра. Таким образом, в ходе своей работы автор постоянно сталкивался с тем пе-

¹ Б. Н. Путилов. Славянская историческая баллада. «Наука», 1965, 175 стр.

приятным для каждого фольклориста фактом, что один и тот же сюжет (либо близкие сюжеты) в разных национальных традициях или даже в рамках одной фольклорной традиции получает различные жанровые интерпретации. По нашему мнению, этот факт нельзя обойти, пытаясь сконструировать из различных жанровых переделаний разных национальных традиций один общий жанр, а именно такой метод охотнее всего использует Б. Н. Путилов. Явление различных жанровых обработок далеко не всегда можно объяснить тем, что не устраивающие нас жанровые обработки (скажем, «семейно-бытовые») появились позже тех, которые нас устраивают (скажем, «исторических»). Как показано Б. Н. Путиловым в главе III — она, кстати, самая удачная в книге, — в ряде случаев «семейно-бытовые» обработки предшествовали «историческим»; правда, в этих случаях автор не выражает уверенности в том, что первые принадлежали к жанру баллады.

В тесной связи с вопросом о различных жанровых переделаниях одного или совпадающих сюжетов стоит вопрос о влиянии напластований или отдельных элементов на жанровую принадлежность произведения. Этот вопрос не поставлен автором надлежащим образом, хотя используемый им материал (см. стр. 90—91, 132—133 и др.) позволял это сделать. Волшебные сказки или былины не перестают быть таковыми, если мы обнаруживаем в них следы различных эпох. То же самое нужно сказать и о балладах. Роль напластований не может быть определяющей, если сюжет произведения действительно создан независимо от них. Это явление нельзя смешивать с другим — с трансформацией архаичного сюжета и созданием новых сюжетов, в чем-то похожих на старый, но уже соответствующих новым нормам народного сознания. В этой связи бесспорный интерес представляет предложенная Б. Н. Путиловым схема исторической последовательности ряда баллад, выведенная по соотношению архаики и переработки ее (стр. 135—137). Вместе с тем подобная схема исторической смены сюжетов, независимо от мнения автора, показывает, что удельный вес исторических баллад в славянских фольклорных традициях был не столь уж велик и не везде одинаков, что исторические баллады были лишь звеном в цепи балладных разновидностей.

Источниками создания рассмотренных Б. Н. Путиловым произведений были и народная жизнь, и фольклорные традиции. Автор правильно указывает, что для них в качестве художественных источников служили героический эпос (стр. 65, 70—75, 96 и др.) и свадебная поэзия (стр. 53—61, 64, 70 и др.). Если судить по белым замечаниям автора относительно сказочности ряда мотивов, ситуаций и даже целых сюжетов (стр. 41—42, 47,

15, 63—64, 89, 92), то следовало бы особо выделить и сказки в качестве еще одного художественного источника. Несомненно, не только историческим балладам присущи мотивы заклинания сил природы, грозных знамений, превращений человека в растение и т. д. (стр. 42, 49, 50, 66—69, 75—78, 89, 106—107, 110—112 и т. д.), хотя это почему-то не подчеркнуто в работе. Однако недостаточно лишь назвать художественные источники, следовало бы также показать, что сила их воздействия на баллады в разных национальных традициях была отнюдь не одинаковой, а иногда (например, влияние героического эпоса на создание баллады у западных славян, украинцев и белорусов) вообще гипотетичной. Наряду с этим, конечно, будет ограничением, если героический эпос, свадебную поэзию, сказки и другие группы произведений, способствовавшие вычлениению балладной поэтики и балладному сюжетообразованию, рассматривать лишь как художественные источники. Разумеется, названные жанры взаимодействовали с балладой и после ее оформления, но тема длительного взаимодействия различных жанров с балладой в ходе ее эволюции — хотя бы в плане постановки вопроса — не прозвучала в работе Б. Н. Путилова. Автор как будто даже отвергает самую мысль о возможности создания произведений, подобных историческим балладам, но обладающих иной «жанровой характеристикой» и созданных в иных утилитарных целях (см. стр. 64, 70, 86, 87 и др.).

Не выявив более или менее определенно роль традиций в формировании и эволюции баллад, естественно, трудно говорить и о том, насколько по-своему баллады отражали реальную действительность. Б. Н. Путилов неоднократно стремился раскрыть отношение исследуемого круга произведений к действительности (стр. 20, 28, 33, 94—96, 102 и др.), однако формулировки автора, к сожалению, по большей части носят слишком широкий характер. Некоторые из них уже применялись автором по отношению к историческим песням². Многие из формулировок мы вправе отнести и к героическим песням новеллистического плана, и к другому рода балладам, и к новеллистическим и бытовым сказкам. Соотношение идеального (традиционного) и реального (непосредственного отображения жизни) следовало бы показывать конкретно в каждом произведении, цикле (разновидности), жанре, прежде чем делать соответствующие выводы. В этом смысле вывод Б. Н. Путилова о соотношении идеального и реального (стр. 95) не охватывает всего материала. Автор увлекается словами «тип», «типичный», «ти-

² Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, стр. 7—8 и др.

повой», хотя, как он сам признавал, говоря об исторических песнях и балладах, исследуемые им произведения отражали далеко не все и нередко не самые главные события истории, не все семейные коллизии и вообще нарушения существовавших или отживавших норм народного быта. Однако автор не замечает, что соотношение идеального и реального в фольклоре — это тоже область, доступная для типологического исследования.

Не исследовав эту область, трудно судить о том, что такое «фольклорный историзм» или «типовой историзм» (термины Б. Н. Путилова). Не случайно разъяснения автора в отношении историзма баллад носят абстрактный характер. Становясь на точку зрения автора (стр. 4, 28 и др.), мы вправе любой фольклорный жанр сопровождать эпитетом «исторический», ибо каждый жанр по отношению к фольклорной традиции и сознанию его создателей был безусловно неким этапом. В этом значении условность эпитета очевидна³. В результате бесчисленного повторения формулировок общего характера мы ни на йоту не продвинемся в объяснении историзма фольклора. Так и останется непонятым, почему, например, баллады, в которых особенно ощутима эпоха татарско-турецких нашествий и владычества, следует называть историческими, а баллады, быть может, рожденные в ту же эпоху, но содержащие иные темы, нельзя так называть.

Вместе с тем сомнительно представлять фольклорное творчество в виде процесса, в котором поэтанно, один за другим рождались жанры. Такую последовательность, видимо, подразумевает Б. Н. Путилов, указывая, какие жанры послужили для баллад художественным источником (см. также стр. 4). Однако этому противоречит мысль автора о том, что рассмотренный им круг произведений создавался преимущественно в XIII—XVI вв. Если учесть существующее в науке мнение о том, что, например, героические песни у южных славян и у русских сложились преимущественно в это же время, то можно прийти к выводу о совместности этапов фольклорного творчества. А это в свою очередь позволяет отказаться от необходимости рассматривать историзм фольклорного творчества как нечто исключительно одностороннее по жанрам и во времени.

Мысль о совместности этапов фольклор-

ного творчества в какой-то степени подтверждается и значительным сходством в поэтике разных жанров. К сожалению, вопросы балладной формы почти не затронуты в книге Б. Н. Путилова. Что же касается содержания баллад, то автор предпочитает раскрывать его на уровнях темы, образов, сюжетов и циклов. Автор отказался от возможности дать классификацию «основных типовых элементов» или «устойчивого ряда поэтических мотивов», что безусловно освободило бы работу от многих перечислений текстов, особенно досадных в главе II. Отсутствие такой классификации не возмещается предложенной схемой уровней межславянской общности на примере исторических баллад (стр. 149—151). К тому же схема нуждается в серьезных поправках. В ней вовсе не отведено место циклам, хотя Б. Н. Путилов широко использовал этот уровень исследования (главы II и III, см. также стр. 157). Непонятно, почему в схеме отсутствует уровень жанра, — и это после слов Б. Н. Путилова о необходимости «говорить в первую очередь об общности жанровой» (стр. 148). Нелогично на правах уровня вводить вариант, версию и редакцию, поскольку эти понятия применимы к мотиву, сюжету.

На наш взгляд, межславянская фольклорная общность может быть исследована лишь при условии единых принципов классификации материала. Принципиальная схема классификации, по нашему мнению, такова⁴: 1) «общие места»; 2) мотивы (несюжетообразующие и сюжетообразующие); 3) контаминации сюжетов (а также сюжетов и мотивов); 4) группы сюжетов (циклы или разновидности); 5) жанры (группы циклов или разновидностей). И уже результатом конкретного исследования будут удельный вес общего на каких-то уровнях, характер общности, ее причинность и т. д. При этом обязательно следует принимать во внимание народное мнение об эстетической и утилитарной функциях фольклора. У литературоведов стало традицией показывать отношение писателя к его собственному произведению, тогда как фольклористы сплошь и рядом забывают выявлять мнение народа о его творчестве. Этот серьезный недостаток свойствен и новой книге Б. Н. Путилова.

Б. Н. Путилов в своей работе разрабатывает сложную и актуальную проблематику. Пожелаем же ему успеха на этом пути научного поиска.

Ю. И. Смирнов

³ Не потому ли ранее Б. Н. Путилов заключал эпитет в кавычки, говоря о балладе? См. «Народные исторические песни». Вступ. статья, подготовка текста и примечания Б. Н. Путилова. М.—Л., 1962, стр. 16.

⁴ Мы опускаем здесь уровни «мелких» единиц поэтики, поскольку о них до сих пор еще не сложилось представление как о системе уровней.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Б. ГРИГОРОВ. Втората конференция на БКП (т. с.) (8 XII 1927—15 I 1928). София, 1964, 133 стр.

Вторая партийная конференция Болгарской коммунистической партии занимает особое место в истории рабочего движения Болгарии. Близкая по значению к съезду, она не смогла конституироваться как съезд главным образом потому, что проводилась нелегально в Берлине и присутствовать на ней смогло лишь ограниченное число коммунистов. Центральным вопросом была выработка политической линии компартии в условиях правительственного террора, в которых с 1923 г. пришлось бороться болгарским трудящимся. Но выработать правильную политическую линию было невозможно без всесторонней оценки деятельности БКП и особенно без извлечения уроков из опыта кровавых событий 1923—1925 гг.

Однако представление о положительном и отрицательном в деятельности БКП оказалось у деятелей партии различным. Часть из них считала верной политику БКП лишь до Сентябрьского восстания 1923 г. Тем самым отрицалась вся последующая работа партии и возводилась в абсолют ее тесняцкие заслуги.

Этим ликвидаторам справа противостояли ликвидаторы слева, отрицавшие в деятельности тесняков наличие каких-либо революционных черт вообще, считавшие, что история БКП начинается лишь с Сентября 1923 г. и связана с вступлением в БКП «молодых», не зараженных «оппортунизмом» кадров.

Марксистско-ленинскому ядру партии во главе с В. Коларовым и Г. Димитровым предстояло на II конференции вы-

яснить роль и значение тесняцкого периода в жизни БКП, осудить его отрицательные черты, поддержать положительные, подлинно революционные, и на этой основе наметить линию партии на будущее. Отсюда детальное рассмотрение в ходе конференции разных сторон в деятельности БРСДП (т. с.), а затем БКП (т. с.). Отсюда и значительное расширение границ исследовательской работы Б. Григорова: в подзаголовке книги автор указывает лишь дату самой конференции; фактически же материал охватывает период с начала XX в. до конца 1927 г.

Б. Григоров с большой скрупулезностью использует запись хода дискуссии на конференции, хранящуюся в ЦПА при ЦК БКП в Софии. Благодаря этому читатель получает возможность проследить за ходом обсуждения важнейших вопросов конференции, как в столкновении различных, часто противоположных точек зрения коллегально вырабатывалось единое мнение высшего органа партии. Материалы книги дают ясное представление о позиции многих видных деятелей рабочего движения Болгарии, таких, как Христо Кабакичев, Гаврил Геннов, Сава Гановски и др. В научный оборот введен большой и в значительной степени неизвестный фактический материал, характеризующий деятельность БКП на протяжении нескольких десятилетий; в этом и состоит, на наш взгляд, одно из важнейших достоинств книги Б. Григорова.

Р. П. Гришина

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ В ЮГОСЛАВИИ

В соответствии с планом Института истории рабочего движения Хорватии о систематической публикации материалов о Народно-освободительной войне и социалистической революции в Хорватии и в связи с 20-летием создания Антифашистского вече народного освобождения земли Хорватии (АВНОЗХ) в 1964 г. вышел в свет сборник документов и материалов: «Антифашистское вече народного освобождения земли Хорватии. 1943 г.». В сборнике в хронологическом порядке опубликовано около 200 важнейших документов, относящихся к созданию АВНОЗХ и его работе в 1943 г.

Редакция сборника не ограничилась публикацией лишь тех документов, которые издало АВНОЗХ, и наряду с такими

документами опубликовала ряд других, непосредственно связанных с первыми и имеющими значение для более полного освещения роли и деятельности АВНОЗХ. Тексты документов сопровождаются комментариями, а в предисловии дано описание развития народной власти в Хорватии, включая основание АВНОЗХ и его деятельность.

Большую часть материалов в сборнике составляют письма, корреспонденции, циркуляры, программы, воззвания, инструкции, доклады самого Веча или его отдельных органов. Сборник представляет собой полное собрание всех сохранившихся документов, имеющих значение для истории АВНОЗХ. Около 120 документов, изданных самим Вечем, дают исследователю ясную картину о широком круге деятельности этого высшего в те времена политического представительного органа народа Хорватии, являюще-

¹ «Zemaljsko antifašističko vijeće narodnog oslobođenja Hrvatske. Zbornik dokumenata. 1943». Zagreb, 1964, 723 s.

гося одновременно верховным органом народной власти на освобожденной территории.

В приложении к сборнику дан список членов Инициативного комитета по созыву АВНОЗХ, списки участников всех его сессий и депутатов из Хорватии в Антифашистском вече народного освобождения Югославии. Полезный материал содержит также хронология всех важнейших событий в Хорватии и в соседних с нею областях в 1943 г. Сборник снабжен предметным, именным и географическим указателями, а также содержит краткое резюме на французском языке.

Среди публикаций материалов по истории социалистической революции Институтом в 1965 г. подготовлено критическое издание «Политического вестника» («Политички вьесник») и «Вестника трудового народа» («Вьесник радног народа») — газеты ЦК КП Хорватии, издававшейся в 1940—1941 гг. под такими названиями.

Публикация представляет собой полный текст сохранившихся номеров «Вьесника», вышедших до начала июля 1941 г., и является ценным материалом для выяснения политики КПЮ и внутреннего развития КП Хорватии накануне войны.

«Политички вьесник» по решению ЦК КПХ начал выходить с середины 1940 г. и наряду с «Борбой» был одной из самых популярных газет, издававшихся Коммунистической партией в Загребе. Его задачей было «расширение и укрепление связей, созданных ранее различными нашими легальными и полулегальными изданиями, открытая, а не „междустрочная“ информация о международ-

ном положении, разъяснение серьезности нависшей над страной угрозы нападения, разоблачение замаскированной диктатуры договорившихся друг с другом хорватской и сербской буржуазии, публикация правдивой информации о политическом и экономическом положении во всех областях нашей страны, мобилизация антифашистов и прогрессивно настроенных людей на борьбу против войны и антинародных режимов».

С самых первых дней выхода газета отстаивала внешнеполитическую линию КПЮ, направленную против вовлечения Югославии в войну, ориентацию внешней политики страны на дружбу с СССР, осуждала политику «нейтралитета» и лавирования между двумя лагерями, которую проводило правительство Цветковича-Мачека. Газета предупреждала об угрожающей Югославии и другим малым странам фашистской агрессии. «Вьесник» характеризовал правительство Цветковича-Мачека как реакционное и предательское, как неспособное решить такую сложную проблему как национальный вопрос в Югославии, которую оно обещало решить при приходе к власти. В газете публиковались сообщения о революционных событиях в Хорватии — информация о забастовочном движении и антифашистских демонстрациях в городах, о революционном брожении в хорватских селах. Получая все более широкое распространение в хорватской деревне, «Вьесник» сыграл важную роль в борьбе против потока дезинформации, распространяемого официальной печатью.

Книга снабжена именным и географическим указателями и резюме на французском языке.

² «„Politički vjesnik“ i „Vjesnik radnog naroda“». 1940—1941. Zagreb, 1965, 545 s.

Зденка Шимончич

«Výbor z české literatury husitské doby». Sv. I, 1963, 533 s.; Sv. II, 1964, 631 s. Praha. K vydání připravili Bohuslav Havráněk, Josef Hrabák, Jiří Daňhelka a spolupracovníci

Хрестоматия по чешской литературе гуситского времени. Т. I, 1963; т. II, 1964. Прага. Подготовили Богуслав Гавранек, Йозеф Грабак, Иржи Дангелка и коллектив сотрудников

Эти книги ¹ появились накануне 550-летия со дня сожжения Яна Гуса. В результате многолетнего кропотливого труда значительной группы ученых ² создано

¹ Двухтомная хрестоматия по гуситской литературе хронологически продолжает вышедшую в 1957 г. «Хрестоматию чешской литературы от ее начала до времени Гуса».

² В подготовке издания приняло участие более двадцати научных сотрудников Института чешского языка, Института чешской литературы ЧСАН и других учреждений.

самое полное, самое богатое собрание письменных памятников героической эпохи. Знаменательно, что идея издания памятников гуситской литературы возникла в годы оккупации; тогда же по инициативе Владислава Ванчуры и была начата подготовительная работа.

Хрестоматия состоит из четырех разделов. I. Предшественники Гуса (сочинения Яна Милча, Матея из Янова, Конрада Вальтгаузера и др.). II. Период боевого гусизма (сочинения Гуса, трактаты и проповеди его последователей, песни, рифмованные сочинения, политическая проза, проза историческая и военная). III.

Период 30—70-х годов (сочинения Хельчицкого: трактаты, рифмованные сочинения, публицистическая проза, письма, историческая проза, описание путешествий, проза развлекательная). IV. Специальная литература (литература юридическая, развитие чешского перевода библии, филология и риторика, природоведческая и медицинская литература).

Первый том хрестоматии открывается статьей Йозефа Грабака «Введение в развитие литературы гуситского времени» (стр. 5—30), в которой раскрыт агитационно-пропагандистский характер гуситской литературы, показано, как в процессе всенародной борьбы формировались вызванные к жизни временем литературные жанры — проповеди, трактаты и особенно песни. Без боевых, духовных и исторических песен нельзя представить себе гуситскую эпоху. После сражения у Липан (1434) чешская литература теряет призывно-боевой характер, но процесс ее демократизации, усиления в ней светского начала не прерывается.

«*Slovník českých spisovatelů*». Zprac. Ústav pro českou literaturu ČSAV. Red. R. Havel a J. Opelík s red. kruhem. Praha, «Československý spisovatel», 1964, 627 s. + 40 s.

«Словарь чешских писателей»

Подготовленный Институтом чешской литературы «Словарь», как и всякий труд подобного рода, несомненно привлечет к себе внимание читателей, прежде всего — литературоведов, историков чешской литературы и культуры, библиографов.

Излагая в предисловии программу «Словаря», составители говорят об отсутствии сколько-нибудь полного, основанного на достижениях современного литературоведения справочного издания по чешской литературе. В предисловии перечислены важнейшие справочные пособия, начиная с «Полной литературной летописи» Й. Михля (1839) и второго издания «Истории чешской литературы» Й. Юнгмана (1849). Но указанные издания, даже те, которые для своего времени сыграли важную общественную роль (как, например, труд Й. Юнгмана), во многих отношениях устарели. Кроме того, пособия эти были не литературоведческими, а чисто библиографическими трудами универсального характера. Из справочных пособий, появившихся в послевоенный период, в предисловии назван «Словарь современных чешских писателей» в двух томах видного чехословацкого библиографа Я. Кунца (1945—1946) и продолжающий его «Словарь чешских писателей-беллетристов» того же автора, учитывающий материал за 1945—1956 гг. Для полноты картины следовало бы добавить сведения еще о двух весьма полезных справочных

Кроме обстоятельно знакомящей с гуситской литературой статьи Йозефа Грабака, текстам предпослана также статья Иржи Дангелки «Общие издательские принципы и сведения о чешском языке XV столетия» (стр. 31—41). В ней рассматриваются вопросы текстологического характера, происхождения памятников, говорится об их ранних и поздних вариантах, особенностях языка и происходивших в нем изменениях.

Все издание тщательно прокомментировано, ряд текстов сопровождается иллюстрациями.

Выход «Хрестоматии по чешской литературе гуситского времени» — событие большое и важное для всех, кого интересует культура и история чешского народа. Особенно привлекает в ней удачное сочетание научности и популярности. Будучи ценным источником для филологов и историков, она в то же время интересна и доступна широкому кругу читателей, владеющих чешским языком.

Л. С. Кишкин

изданиях Я. Кунца, почему-то не упоминаемых в предисловии к рассматриваемой работе: «Когда умерли? Обзор чешских писателей и публицистов, умерших с 1 января 1937 г. по 31 декабря 1962 г.», вышедший вторым изданием в 1962 г., и опубликованный за год до выпуска «Словаря чешских писателей» первый том капитальной «Чешской литературной библиографии» (буквы А — М).

Стремясь восполнить существующий пробел в справочной литературе, Институт чешской литературы, как указывается в предисловии, задумал создать словарь чешских писателей, начиная с эпохи национального возрождения и до настоящего времени. Предполагалось, что в словарь войдут сведения о всех писателях, работавших на территории Чехии и Моравии и писавших по-чешски¹. Однако в процессе подготовки выяснилось, что планируемый труд потребовал бы значительного времени и занял бы несколько томов. Для того чтобы ускорить реализа-

¹ Многие чешские писатели создавали свои произведения за границей или на латинском языке. Статьи о них целесообразно включать в такого рода словарь, учитывая значительную роль этих писателей в истории чешской литературы и культуры, поэтому территориальные и языковые ограничения могут стать серьезной помехой для составления словаря.

дию замысла хотя бы частично, было решено сделать первый шаг и выпустить краткий словарь чешских писателей в одном томе.

Предметное внимание составители словаря уделили современной литературе. Древнейший период и XVIII—XIX века освещены слабее.

Рассматриваемое издание состоит из двух главных частей — из собственно справочной алфавитной части и приложения, в котором изложены принципы расположения материалов в справках, перечислены важнейшие курсы по истории чешской литературы, не расписанные в пристатейной библиографии, а также приведен список псевдонимов и криптонимов и именной указатель.

Несколько слов о справках-персоналиях. Будучи весьма сжатыми и краткими, они содержат сведения о биографии и основных вехах творчества и завершаются библиографией трудов автора и литературы о нем. Если библиография произведений строится в хронологическом порядке, не всегда, правда, последовательно выдерживаемом, то литература о писателях расположена по более сложной схеме. Сначала указываются монографии,

затем статьи в собраниях их сочинений, послесловия или предисловия критиков и, наконец, статьи в периодической печати. При этом работы одного автора приводятся в хронологическом порядке. Думается, что этот сложный порядок расположения литературы не оправдывает себя. На основании опыта изданий такого рода наиболее целесообразным представлялось бы алфавитное, хронологическое или, там, где это возможно, тематическое расположение литературы о писателе.

К сожалению, в круге внимания составителей лишь работы чехословацких литературоведов и критиков. Между тем известно, что серьезное внимание проблемам чешской литературы уделяют советские ученые и слависты других социалистических стран. Многие из этих работ, отличающиеся глубиной и оригинальностью исследования, представляют значительную научную ценность и обогатили бы библиографическую часть «Словаря чешских писателей».

Хотелось бы, чтобы полезное начинание Института чешской литературы получило продолжение и успешное завершение.

А. С. Мыльников

БИБЛИОГРАФИЯ

НОВЫЕ ДАННЫЕ К БИБЛИОГРАФИИ ТРУДОВ Ю. МАРХЛЕВСКОГО

17 мая 1966 г. исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося деятеля польского и международного рабочего движения Юлиана Мархлевского.

В июне 1918 г. Ю. Мархлевский приехал в Советскую Россию. Как революционер-интернационалист он отдаёт все свои силы и знания делу строительства первого в мире пролетарского государства. Ю. Мархлевский был членом ВЦИК, активным деятелем III Интернационала, одним из ближайших соратников В. И. Ленина.

В Советской России продолжалась его широкая публицистическая деятельность. Он написал многочисленные статьи и книги, посвященные социально-политическим проблемам. Эти статьи и книги представляют большой интерес. Некоторые из них в определенной мере отражают приверженность автора к люксембургизму, но и они заслуживают внимания, так как написаны широко образованным марксистом, очевидцем и активным участником событий.

В 1954 г. в Польше впервые была издана «Библиография трудов Юлиана Мархлевского», составленная Ядвигой Качановской¹. Эта книга очень ценна.

Она явилась плодом огромной и кропотливой работы составителя.

Я. Качановская в предисловии оговаривает, что она не имела возможности подвергнуть систематическому просмотру прессу, издававшуюся на территории Советской России. В результате публицистическая деятельность Ю. Мархлевского за время пребывания в Советской республике не получила здесь полного отражения.

Публикуемая библиография ставит своей целью восполнить труд Я. Качановской в разделах за 1918—1913 гг. Нами была просмотрена центральная советская печать, журналы и сохранившаяся в СССР польская революционная пресса, всего около 20 газет и журналов. Это позволило выявить более ста статей, не зафиксированных в библиографии Я. Качановской. Разумеется, данная работа не исключает дальнейших поисков.

Труды Ю. Мархлевского располагаются здесь по времени их публикации. К статьям, название которых не раскрывает тематики произведений, даны краткие аннотации. Авторство ряда статей Мархлевского, подписанных псевдонимами, было установлено на основании списка псевдонимов, содержащегося в работе Я. Качановской. Подписи к статьям сохранены в том случае, когда это псевдонимы или когда псевдоним добавлен к настоящей фамилии.

¹ J. Kaszowska. Bibliografia prac Juliana Marchlewskiego. Zódz, 1954.

1918

Niewolnictwo w Niemczech. — «Wiadomości Komisarjatu», М., 30 VI 1918, № 9—10, s. 10—11. Подпись: J. В. Marchlewski (Karski). О тяжелой доле поляков, выехавших на заработки в Германию.

Trzydzieście lat walki. — «Trybuna», М., 25 VIII 1918, № 153 (181). Подпись: J. Karski. К 30-летию со дня основания Союза польских рабочих и к 25-летию СДКПиЛ. Rząd w niewoli. Spiączka i budzenie się ludu włoskiego. Gorączka przemysłowa we Włoszech. Bliskie przebudzenie. — «Trybuna», М., 30 VIII 1918, № 156 (184). Подпись: J. K.

Юбилей польской с.-д. — «Известия», 1 IX 1918, № 188. Подпись: Ю. Мархлевский (Карский).

Towarzyszowi walki (Wspomnienie). — «Trybuna», М., 8 IX 1918, № 164 (192). Подпись: J. Marchlewski (Karski). О Марцине Каспшаке.

Nowe prawo o stanie cywilnym i stosunkach rodzinnych. — «Trybuna», М., 20 IX 1918, № 173 (201). О демократичности нового закона ВЦИК.

Германия в пятом году войны. I. Сельское хозяйство. II. Промышленность. III. Продовольственный вопрос. IV. Дороговизна. V. Грядущий финансовый крах. — «Известия», 1918, 28 VIII, № 185; 12 IX, № 197; 18 IX, № 202; 6 X, № 217; 8 IX, № 10, приложение «Вопросы экономической жизни».

Prezcy z rękoma. — «Trybuna», М., 12 X 1918, № 190. Подпись: Kujawiak. О намерениях Регентского совета.

Катастрофа германского империализма. — «Экономическая жизнь», М., 6 XI 1918, № 1.

Technika w nowym społeczeństwie. — «Trybuna», М., 9 XI 1918, № 212 (240).

Централизация и децентрализация в нашей промышленности. — «Экономическая жизнь», М., 10 XI 1918, № 3.

Положение хлопчатобумажной промышленности. — «Экономическая жизнь», М., 16 XI 1918, № 8. Подпись: Ю. Мархлевский — Карский.

Аграрный вопрос в Польше. — «Экономическая жизнь», М., 21 XI 1918, № 12. Подпись: Ю. Мархлевский (Карский).

Экономическая жизнь областей, освобожденных от немецкой оккупации. — «Экономическая жизнь», М., 24 XII 1918, № 40.

Чего хочет варшавское правительство? — «Правда», 26 XII 1918, № 282. Подпись: М.

Торговля и промышленность в Белоруссии и Литве. — «Экономическая жизнь», М., 28 XII 1918, № 44.

1919

W sprawie połączenia z PPS (lewica). — «Trybuna», М., 1 I 1919, № 1 (264).

«Kresy wschodnie» i zakusy zaborcze rządu p. Piłsudskiego. — «Trybuna», М., 5 I 1919, № 2 (265).

Будущее Польши в экономическом отношении. — «Экономическая жизнь», М., 10, 11 I 1919, № 5, 6.

Walki narodowościowe pomiędzy Polakami a Niemcami. — «Trybuna», М., 12 I 1919, № 3 (266).

Zimnej krwi. — «Młot», Minsk, 8 V 1919, № 98 (86). Подпись: J. K. О захвате Вильно польскими войсками.

Демократы и реакционеры в Польше. — «Правда», 17 VIII 1919, № 182.

Rzeczpospolita chiłopska. — «Trybuna Komunistyczna», М., 31 VIII 1919, № 1. О принципах аграрной реформы, утвержденной сеймом 10 июля 1919 г.

Антисемитизм и контрреволюция. — «Жизнь национальностей», 14 IX 1919, № 35 (43). Рост антисемитизма в Польше.

Развал Европы. — «Правда», 28 IX 1919, № 26. О буржуазном «самоопределении» народов в Европе.

Nacjonalizm żydowski na usługach imperializmu. — «Trybuna Komunistyczna», М., 28 IX 1919, № 4—5. О создании еврейского государства в Палестине.

Sobótki. — «Trybuna Komunistyczna», М., 28 IX 1919, № 4—5. Подпись: Kujawiak.

Что будет с Германией? — «Коммунистический Интернационал», М., IX 1919, № 5, стб. 621—630.

Oni — albo my. — «Trybuna Komunistyczna», М., 5 X 1919, № 6. О необходимости борьбы с контрреволюцией в Советской России.

Je prasy potrzeba w społeczeństwie socjalistycznym? — «Trybuna Komunistyczna», М., 5 X 1919, № 6. Подпись: Kujawiak. О книге немецкого профессора К. Баллода «Государство будущего».

1920

Sprawa wygnańców i uchodźców polskich. — «Trybuna Komunistyczna», М., 9 II 1920, № 1 (15). О нежелании польского правительства принять польских беженцев.

- O pokój.— «Trybuna Komunistyczna», М., 24 II 1920, № 2 (16). О готовности Советской России заключить мир с Польшей.
- Pokój czy wojna? — «Trybuna Komunistyczna», М., 16 III 1920, № 3 (17). О мирных предложениях Советского правительства Польше.
- В чьих интересах? — «Правда», 18 III 1920, № 60. О суде над убийцами членов миссии Российского общества Красного Креста.
- Zamach militarny w Niemczech a Polska.— «Trybuna Komunistyczna», М., 27 III 1920, № 4 (18). О путче военных во главе с Тирпицем и Каппом и его возможных последствиях для Польши.
- Война или мир? — «Жизнь национальностей», 6 IV 1920, № 10.
- Druga rewolucja w Niemczech.— «Trybuna Komunistyczna», М., 11 IV 1920, № 5 (19). Подпись: J. K. О падении военной клики, совершившей переворот.
- Wojna o pana Piłsudskiego.— «Trybuna Komunistyczna», М., 30 IV 1920, № 6 (20).
- W. I. Uljanow-Lenin. 1870—1920.— «Trybuna Komunistyczna», М., 30 IV 1920, № 6 (20).
- Pierwszy maja.— «Trybuna Komunistyczna», М., 1 V 1920, № 7 (21).
- Hasło ośmiogodzinnego dnia roboczego.— «Trybuna Komunistyczna», М., 1 V 1920, № 7 (21).
- Wojna.— «Trybuna Komunistyczna», М., 18 V 1920, № 8 (22). О непрочности успехов Пилсудского в войне против Советской России.
- Jak rząd polski wyzwala Białoruś.— «Trybuna Komunistyczna», М., 10 VI 1920, № 9 (23).
- Europa przeciw Polsce.— «Trybuna Komunistyczna», М., 10 VI 1920, № 9 (23). Подпись: J. K.
- Tarapaty rządu polskiego.— «Trybuna Komunistyczna», М., 10 VII 1920, № 10 (24). Поражения польских войск и смена кабинетов в Польше.
- Międzynarodówka Komunistyczna.— «Trybuna Komunistyczna», М., 10 VII 1920, № 10 (24). Подпись: J. Karski.
- Sprawa rolna wobec rewolucji.— «Trybuna Komunistyczna», М., 10 VII 1920, № 10 (24).
- O nowy ład na wsi.— «Goniec Czerwony», Białystok, 14 VIII 1920, № 7. Как следует распорядиться землей в освобожденных польских деревнях.
- Polska proletarjacka a rewolucja europejska.— «Goniec Czerwony», Białystok, 15 VIII 1920, № 8.
- Pokój pomiędzy Latwią burżuazyjną a Rosją Sowiecką.— «Goniec Czerwony», Białystok, 19 VIII 1920, № 11.
- Nieście pomóc rannym.— «Goniec Czerwony», Białystok, 20 VIII 1920, № 12.
- Knowania piłsudczyków.— «Trybuna Komunistyczna», М., 21 XI 1920, № 11 (25). О поддержке польским правительством банд Петлюры и Балаховича.
- Wschodnie granice Polski na zasadzie pokoju ryskiego.— «Trybuna Komunistyczna», М., 21 XI 1920, № 11 (25). Подпись: J. M. О прелиминарном советско-польском договоре.
- Zjazd partji „niezależnych“ w Niemczech.— «Trybuna Komunistyczna», М., 21 XI 1920, № 11 (25). Подпись: J. Karski.
- Zagrożony pokój.— «Trybuna Komunistyczna», М., 28 XI 1920, № 12 (26). О невыполнении Пилсудским условий прелиминарного мира.
- Polska jasnopańska a uchodźcy.— «Trybuna Komunistyczna», М., 28 XI 1920, № 12 (26). Подпись: J. M. О нежелании польской делегации в Риге ускорить решение вопроса о возвращении польских беженцев на родину.
- Zdradzony czyn rewolucyjny.— «Trybuna Komunistyczna», М., 28 XI 1920, № 12 (26). Подпись: J. M. О поведении лидеров итальянской социалистической партии во время забастовки металлистов в сентябре и октябре 1920 г.
- Położenie międzynarodowe.— «Trybuna Komunistyczna», М., 5 XII 1920, № 13 (27). Подпись: J. M.
- Sliska droga.— «Trybuna Komunistyczna», М., 5 XII 1920, № 13 (27). О предоставлении концессий иностранным капиталистам.
- Gospodarka komun miejskich.— «Trybuna Komunistyczna», М., 12 XII 1920, № 14 (28).
- W sprawie uchodźców i wygnańców.— «Trybuna Komunistyczna», М., 26 XII 1920, № 16 (307). О медлительности польской делегации в решении вопроса о возвращении польских беженцев на родину.
- Трестирование промышленности в Германии.— «Народное хозяйство», М., XII 1920, № 18, стр. 88—89.
- Przedmowa do wydania polskiego in: «Księga Czerwona». Zbiór dokumentów dyplomatycznych o stosunkach Rosji a Polski od 1918 do 1920 roku. М., 1920, s. 1—V.

- Господин Дашинский и его отставка.— «Известия», 4 I 1921, № 2.
- Prez z Belwederczykami.— «Trybuna Komunistyczna», М., 16 I 1921, № 2—3 (32—33).
- Z życia Róży Luksemburg.— «Trybuna Komunistyczna», М., 23 I 1921, № 4 (34).
- Sprawa Górnego Śląska.— «Trybuna Komunistyczna», М., 13 II 1921, № 7 (37). О плевбисците в Верхней Силезии.
- Burżuazja polska zamierza ograbić uchodźców polskich.— «Trybuna Komunistyczna», М., 20 II 1921, № 8 (38).
- X-ty Zjazd Komunistycznej Partji Rosji.— «Trybuna Komunistyczna», М., 13 III 1921, № 11 (41).
- Kontrewolucjoniści rosyjscy w Polsce.— «Trybuna Komunistyczna», М., 20 III 1921, № 12 (42).
- Pokój z Polska.— «Trybuna Komunistyczna», М., 27 III 1921, № 13 (43). О подписании Рижского мирного договора.
- Sukcesy dyplomacji proletarjackiej.— «Trybuna Komunistyczna», М., 27 III 1921, № 13 (43). Подпись: J. Karski. О ратификации мирного договора с Турцией, Персией, Бухарой и о заключении торгового договора с Англией.
- Zaprzeczanie sprawy Śląskiej.— «Trybuna Komunistyczna», М., 3 IV 1921, № 14 (44). О результатах плевбисцита в Верхней Силезии.
- Kapitalizm w orałach.— «Trybuna Komunistyczna», М., 10 IV 1921, № 15 (45). Об экономическом положении в побежденных странах и странах-победительницах.
- Bigos hultajski.— «Trybuna Komunistyczna», М., 8 V 1921, № 19 (49). О поддержке польским правительством деятельности организаций Савинкова и Петлюры.
- Şzorka bonapartystyczna.— «Trybuna Komunistyczna», М., 8 V 1921, № 19 (49). Наполеон и восстановление польского государства.
- Kto sieje wiatr...— «Trybuna Komunistyczna», М., 15 V 1921, № 20 (50). О политике польских правых кругов по отношению к украинцам и белорусам.
- Nowe kooperatywy fabryczne.— «Trybuna Komunistyczna», М., 15 V 1921, № 20 (50). Подпись: J. Karski. Об организации в Советской России обмена части фабричной продукции на сельскохозяйственные продукты через кооперативы.
- Jak za Skalona.— «Trybuna Komunistyczna», М., 22 V 1921, № 21 (51). О праздновании 1 Мая в Польше.
- Delegacje w Moskwie i Warszawie.— «Trybuna Komunistyczna», М., 22 V 1921, № 21 (51). Подпись: J. Karski. Об отношении к польской делегации по репатриации в Москве и к советской делегации по репатриации в Варшаве.
- Kapitulacja Niemiec.— «Trybuna Komunistyczna», М., 29 VI 1921, № 22 (52). Об обязательствах Германии по условиям капитуляции и их последствиях для экономического и политического развития Германии и стран-победительниц.
- Вопрос о Верхней Силезии. I. Исторические этнографические справки. II. Промышленное развитие. III. Версальский договор. IV. Коммунистическое движение. V. «Польское восстание». — «Правда», 3, 4 VI 1921, № 120, 121.
- Międzynarodówka szunu.— «Trybuna Komunistyczna», М., 5 VI 1921, № 23 (53). К 3-му конгрессу Коминтерна. Характеристика международного рабочего движения и задачи борьбы с оппортунизмом в рабочих партиях.
- Krew naszą długo leją katy...— «Trybuna Komunistyczna», М., 12 VI 1921, № 24 (54). О расстреле 29 мая рабочего митинга в Домброве Гурничей.
- Recenzja. «Rosja Sowiecka a Polska». Wydawnictwo Ludowego Komisarjatu Spraw Zagranicznych, М., wrzesień 1921 r.— «Trybuna Komunistyczna», М., 9 X 1921, № 41—42 (71—72). Подпись: J. K.

1922

- Пруссаки Дальнего Востока.— «Правда», 7 VII 1922, № 149. Японское правительство продолжает саботировать переговоры.
- Ruzykancka gra.— «Trybuna Komunistyczna», М., 16 VII 1922, № 27 (109). Польща накануне выборов в сейм.
- Японцы в Сибири.— «Красная газета», Пг., 1 VIII 1922, № 171. О захватнической политике Японии.
- Гражданская война в Китае.— «Красная газета», Пг., 3 VIII 1922, № 173.
- Rosja Radziecka a świat kapitalistyczny (po konferencji w Haadze). — «Trybuna Komunistyczna», М., 6 VIII 1922, № 30 (112).
- Переговоры с Японией.— «Петроградская правда», 8 VIII 1922, № 176.
- О nasze pismo.— «Trybuna Komunistyczna», М., 20 VIII 1922, № 32 (114). Об укреплении связей газеты с массами.
- Борьба сельскохозяйственных рабочих в Польше.— «Петроградская правда», 25 VIII 1922, № 190.
- Международное положение Дальне-Восточной республики.— «Коммунистическая революция», 1 IX 1922, № 9—10, стр. 103—106.

Почему они не желают сокращать вооружение.— «Петроградская правда», 5 IX 1922, № 198. Правительства Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии уклоняются от проведения конференции по сокращению вооружений.

Австрийские дела.— «Красная газета», Пг., 6 IX 1922, № 200. О политической и экономической слабости современной Австрии.

Przeciw militarizmowi.— «Trybuna Komunistyczna», М., 10 IX 1922, № 35 (117). Об отказе Польши и Финляндии от советского предложения созвать конференцию по разоружению.

Русско-японские переговоры.— «Петроградская правда», 26 IX 1922, № 216.

Аграрный вопрос.— «Петроградская правда», 22 X 1922, № 239. О задачах аграрной секции накануне IV конгресса Коминтерна.

Franciszek Mehring (1846—1919).— «Kalendarz Komunistyczny na rok 1922», М., 1 V 1922, s. 87—89.

1923

Оккупация Рурского бассейна и германские рабочие.— «Правда», 26 I 1923, № 17; то же — «Петроградская правда», 26 I 1923, № 18.

Роль Польши в теперешней империалистической суматохе.— «Петроградская правда», 30 I 1923, № 21.

Важные задачи нашей экономики.— «Правда», 20 II 1923, № 38. О товарообмене в стране в период нэпа и об экспорте и импорте товаров.

На помощь жертвам международной революционной борьбы.— «Петроградская правда», 17 III 1923, № 60. О международной организации помощи борцам революции.

Привет товарищам, прибывшим из польских тюрем! — «Рабочая газета», М., 20 III 1923, № 61.

МОПР в борьбе за освобождение человечества.— «МОПР», 7 XI 1923.

Революционное движение в Польше.— «Уральский рабочий», Екатеринбург, 18 XII 1923, № 262.

СССР — Германия — Польша (Доклад вождя польской коммунистической партии т. Мархлевского).— «Уральский рабочий», Екатеринбург, 20 XII 1923, № 263.

М. Черных

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1965 г.
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

1. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Международные отношения, взаимоотношения братских стран и партий, внешняя политика

Б о б р о в Р. Л. Идеология и международное сотрудничество социально противоположных государств.— «Вестник ЛГУ», 1965, № 17. Серия экономики, философии и права, вып. 3, с. 97—104.

Б о д ю л И. Замечательные плоды братской дружбы (Развитие эконом.-культ. связей между Молдавской ССР и НР Болгарией).— «Коммунист Молдавии», 1965, № 9, с. 3—11.

К о л б е н к о в Н. Ленинская теория социалистической революции и современность.— «Коммунист Белоруссии», 1965, № 10, с. 36—41.

К у н д ю б а И. Д. Борьба СРСР за визнання Польської Народної Республіки (1944—1945 рр.).— «Питання нової та новітньої історії», 1965, вып. 1, с. 13—27.

2. Экономика, экономическое сотрудничество

А л ь т ш у л е р А. Б. Международный банк экономического сотрудничества и новая система межгосударственных расчетов.— «Сборник информационных материалов» (Секция права Всесоюзной торговой палаты), 1965, вып. 18, с. 32—40.

Б а р а н о в Э. Ф. Экономико-математические исследования в социалистических странах.— «Экономика и математические методы», 1965, вып. 5, с. 799—804.

Б о д р о в а В. Сдвиги в населении европейских социалистических стран.— «Вопросы экономики», 1965, № 12, с. 137—142.

Болгарская экономика на пути подъема. Новая система планирования и руководства народным хозяйством республики.— «Правда», 1965, 6 декабря.

Б о н д а р е н к о В. Г. Участь Української РСР у радянсько-чехословацькому співробітництві в паливно-енергетичній промисловості.— «Питання політ. економії», 1965, вып. 14, с. 38—45.

Б у д к і н В. С. Міжнародний поділ праці і розвиток сировинної та енергетичної бази країн РЕВ.— «Питання політ. економії», 1965, вып. 4, с. 3—9.

Б у л а ш М. О. Развитие радянсько-

польского співробітництва у паливно-енергетичній промисловості.— «Питання політ. економії», 1965, вип. 14, 10—17.

Ветвичка М. Вам спасибо и любовь вам! (О сотрудничестве советских и чехосл. кооператоров).— «Советская потребительская кооперация», 1965, № 11, с. 53—56.

Владов Д. Распределение дохода в трудовых кооперативных земледельческих хозяйствах Болгарии.— «Вопросы экономики», 1965, № 12, с. 104—113.

Владова Н. О тенденциях развития фонда накопления в социалистических странах.— «Научные труды» (Новосибирский ун-т). Серия эконом., 1965, вып. 6, с. 220—236.

Ганчев Т. Подготовка кооперативных кадров в Болгарии.— «Советская потребительская кооперация», 1965, № 12, с. 55.

Гыркочев Н., Луканов К. Мукомольно-элеваторная промышленность Болгарии.— «Мукомольно-элеваторная промышленность», 1965, № 11, с. 28—29.

Деятельность Совета Экономической Взаимопомощи.— «Бюллетень экономической информации» (Совет Экономической Взаимопомощи), 1965, № 4, с. 43—68; № 5, с. 42—50; 1966, № 1, с. 66—83.

Евстигнеева Ю. Г. Тарификация труда в Единых сельскохозяйственных кооперативах Чехословацкой Социалистической Республики.— «Доклады и сообщения» (Всесоюзный научно-исследовательский ин-т экономики сельского хозяйства), 1965, № 18, с. 115—119.

Зажицкий Д. Возрожденная Варшава.— «Городское хозяйство Москвы», 1965, № 9, с. 32—38.

Изменения в структуре машиностроительной промышленности Польши.— «Бюллетень экономической информации» (Совет Экономической Взаимопомощи), 1965, № 4, с. 86—88.

Ильков М. Кооперация крестьянской взаимопомощи (О деятельности с.-х. кооперативов ПНР. Крестьянская взаимопомощь).— «Советская потребительская кооперация», 1965, № 12, с. 52—54.

Козлов В., Соловьев С. Обмен научными достижениями и передовым опытом (О сотрудничестве стран СЭВ в области строительства).— «Экономика строительства», 1965, № 10, с. 59—61.

Кржовина Ф. Стандартизация в Чехословацкой Социалистической Республике.— «Стандартизация», 1965, № 7, с. 26—28.

Леш М. Изучение спроса в Польше.— «Советская торговля», 1965, № 12, с. 44—45.

Литовченко О. И. О характере международно-правового регулирования экономических отношений социалистических государств.— «Ученые записки» (Саратовский юрид. ин-т), 1965, вып. 12,

Вопросы государства и права, с. 35—42.

Милиц Б. Условия пропорциональности в социалистическом хозяйстве.— «Экономика и математические методы», 1965, вып. 4, с. 515—521.

Михайловский В. И. Участие Украинской РСР у співробітництві СРСР з країнами Ради Економічної Взаємодопомоги в галузі хімічної промисловості.— «Питання політ. економії», 1965, вип. 14, с. 61—67.

Нечаева Р. Л. Объединения в промышленности Польской Народной Республики.— «Обзорная научно-экономическая информация» (Н.-и. ин-т организации управления и нормативов), 1965, вып. 7, с. 1—20.

Ордуханова Т. П. Научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ и пути его дальнейшего развития.— Тр. Всесоюз. юридич. заочн. ин-та, 1965, т. 4, с. 46—70.

Смолянова В. Б. Структурні зміни в промисловості європейських країн народної демократії.— «Питання політ. економії», 1965, вип. 4, с. 115—123.

Сотрудничество в области машиностроения.— «Бюллетень экономической информации» (Совет Экономической Взаимопомощи), 1965, № 5, с. 14—21.

Сотрудничество в области электроэнергетики.— «Бюллетень экономической информации» (Совет Экономической Взаимопомощи), 1965, № 5, с. 3—9.

Сухарев В. В. Початок масового соціалістичного значання в народній Чехословаччині (1949 р.).— «Питання нової та новітньої історії», 1965, вип. 1, с. 3—12.

Тивончук І. О. Торговля СРСР з соціалістичними країнами — членами Ради Економічної Взаємодопомоги на сучасному етапі.— «Питання політ. економії», 1965, вип. 14, с. 68—76.

Филипов Й. Влияние технического прогресса на производительность труда и себестоимость в отраслях легкой и пищевой промышленности Народной Республики Болгарии.— Тр. Моск. ин-та народного хозяйства, 1965, вып. 35, с. 176—190.

Харченко З. У. Зовнішня торгівля СРСР з Польщею та участь у ній Української РСР.— «Питання політ. економії», 1965, вип. 14, с. 108—114.

Хилук Ф. М. Проблеми регіонального економічного планування в соціалістичних і капіталістичних країнах (За матеріалами III наради з екон. питань, скликані Европ. Екон. Комісією ООН. Женева. Листоп., 1964 р.) Сб.: «Розміщення продуктивних сил УРСР». Вип. 1, 1965, с. 12—20.

Шабуніна В. Перестройка управления народным хозяйством в Болгарии.— «Новое время», 1965, № 52, с. 7—9.

Шипкин П. У. До питання про

вирівнювання рівнів економічного розвитку соціалістичних країн (на прикладі Чехословаччини та Болгарії).— «Питання політ. економії», 1965, вип. 4, с. 85—92.

3. Партийная жизнь

Дудинский И. В. Деятельность компартий по укреплению сотрудничества социалистических стран.— «Вопросы истории КПСС», 1965, № 12, с. 29—41.

4. Государственное строительство и право

Бергерс Л. А. Вопросы предупреждения правонарушений несовершеннолетних в юридической литературе Польской Народной Республики.— «Вопросы предупреждения преступности», 1965, вып. 2, с. 154—162.

Малинин С. А. О правосубъектности международных организаций.— «Вестник ЛГУ», 1965, № 17. Серия экономики, философии и права, вып. 3, с. 105—117.

Местные народные суды Чехословацкой Социалистической Республики.— «Советская юстиция», 1965, № 23, с. 19—20.

Михеенко М. М. Громадські обвинування і захист у кримінальному процесі європейських соціалістичних країн.— «Проблеми правознавства», 1965, вип. 2, стр. 115—122.

Монастирський є. Організаційно-правові форми участі трудящих в управлінні виробництвом в зарубіжних соціалістичних країнах.— «Радянське право», 1965, № 7, с. 93—98.

Новотный А. 20-летие Чехословацкой Социалистической Республики.— «Бюллетень экономической информации» (Совет Экономической Взаимопомощи), 1965, № 4, с. 69—86.

Пащук А. Новый Цивильно-процесуальный кодекс Польской Народной Республики.— «Радянське право», 1965, № 8, с. 93—96.

Рамзайцев Д. Ф. Право, применяемое внешнеторговыми арбитражными судами социалистических стран.— «Советское государство и право», 1965, № 12, с. 54—60.

Шур Г. М. Социалистическое строительство в Польской Народной Республике (Исторический очерк).— «Научные записки» (Ташкентский ин-т народного хозяйства), 1965, вып. 22, с. 206—225.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. История

Андеп В. П., Моторний В. А., Трофимович К. К. Неопублікована рукописна чеська грамота з XIV ст.

З дод. текста чес. мовою.— «Вісник Львівського ун-ту». Серія філол., 1965, вип. 3, с. 52—55.

Атанасов П. Роль М. П. Драгоманова у зміцненні українсько-болгарських зв'язків.— «Український історичний журнал», 1965, № 9, с. 26—39.

Бельска М. В. Пролетарська солідарність робітників в Україні з трудящими зарубіжних країн (1933—1937 рр.).— «Український історичний журнал», 1965, № 10, с. 60—67.

Білякевич У. У. З історії створення польських військових формувань у Росії напередодні I Всеросійського з'їзду військових полків (Берез-трав. 1917 р.).— «Вісник Львівського ун-ту». Серія істор., 1965, вип. 3, с. 32—45.

Білякевич У. У. З історії участі польських соціал-демократів у легальній більшовицькій та прогресивній пресі в Росії напередодні і під час першої світової війни.— «Питання нової та новітньої історії», 1965, вип. 1, с. 84—96.

Борис В. З антислов'янської політики Австрії у 1851 р. (За документами з фондів в Центр. держ. істор. музею УРСР у Львові).— «Архіви України», 1965, № 6, с. 56—68.

Волькович Л. Ю. Деякі питання соціально-економічного становища Королівства Польського в кінці 80-х на початку 90-х років XIX ст.— «Вісник Львівського ун-ту». Серія історич., 1965, вип. 3, с. 54—60.

Грачев В. П. Из истории изучения славянских средневековых институтов (Вопрос о жупах и жупанах в историографии).— «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», 1965, т. 29, с. 178—209.

Гуляк А. З історії діяльності іноземних інтернаціоналістів на півдні України (1918—1919 рр.).— «Архіви України», 1965, № 4, с. 63—69.

Демиденко Л. А. Сім'я та сімейний побут болгар Одещини (На матеріалах Болградського району).— «Народна творчість та етнографія», 1965, № 5, с. 39—44.

Довженок В. Й. Слов'яни на Дунаї (IV робоча нарада Міжнар. семінару з слов'янської археології. Будапешт. Жовт. 1963 р.).— «Археологія», 1965, т. 18, с. 209—215.

Доннерт Э. Россия и балтийский вопрос в политике Германии 1558—1583 гг.— «Исторические записки», 1965, т. 76, с. 175—216.

Думка М. Праслов'яни. Вікно в історію.— «Жовтень», 1965, № 12, с. 125—129.

Захаров В. В. Задарский статут 1305 г. и его данные о ремесле и промыслах.— «Сборник работ аспирантов» (Воронежск. гос. ун-т), 1965, вып. 1, с. 204—207.

Иванов Ю. Ф. Некоторые проблемы аграрного развития Чехии XIV—

начала XV в. в современной историографии.— В сб.: «Средние века», вып. 28, 1965, с. 251—260.

Калениченко П. М. З історії революційного робітничого руху в польській буржуазно-поміщицькій державі на початку її існування. (Листоп.— груд. 1918 р.).— «Питання нової та новітньої історії», 1965, вип. 1, с. 63—73.

Калениченко П. М. Польські трудящі в боротьбі за змінення Радянської влади (1918—1920 рр.).— «Український історичний журнал», 1965, № 11, с. 56—64.

Качій Ю. Зв'язки населення Закарпаття з російськими військами в роки першої світової війни.— «Архіви України», 1965, № 6, с. 41—47.

Кисельов В. У. З історії організації та діяльності інтернаціональних (іммігрантських) сільсько господарських колективів на Україні.— «Український історичний журнал», 1965, № 9, с. 75—81.

Обушенкова Л. А. Архивные комплексы по истории восстания 1863 г. (Документальные материалы административных органов управления территориями, охваченными восстанием).— «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», 1965, т. 29, с. 90—114.

Озолин А. Н. Гуситское движение в исторической литературе народно-демократической Польши.— «Историкографический сборник» (Саратовский гос. ун-т), № 2, 1965, с. 91—113.

Поваляев В. М. Первая Балканская социал-демократическая конференция (Белград, 7—9 января 1910 г.).— «Сборник работ аспирантов Воронежского гос. ун-та», 1965, вып. 1, с. 181—188.

Польские епископы и германский реванизм (О полит. посланиях польских епископов к представителям католической церкви ФРГ).— «Новое время», 1965, № 52, с. 14.

Пономарев Б. Исторические уроки VII конгресса Коминтерна.— «Коммунист», 1965, № 16, с. 14—31.

Ратич М. О. Революційний рух на польських землях під владою Австрії на початку XX ст. (1901—1907 рр.).— «Вісник Львівського ун-ту». Серія історич., 1965, вип. 3, с. 46—53.

Румянцев А. Историческое значение VII конгресса Коминтерна и современное коммунистическое движение.— «Коммунист», 1965, № 15, с. 18—33.

Рыбаков Б. А. Славянский весенний праздник XI века. В сб.: «Материалы и исследования по археологии СССР», вып. 130, 1965, с. 254—257.

Свежинський П. В. Вплив Великої Жовтневої соціалістичної революції на піднесення аграрного руху в Східній Галичині в 1918 р.— «Український історичний журнал», 1965, № 10, с. 84—89.

Сидельников С. У. Роль двох поїздок Василя Левського в Болгарію (Груд. 1878—серп. 1879 рр.) у створенні першого Болгарського Революційного Центрального Комітету.— «Питання нової та новітньої історії», 1965, вип. 1, с. 97—109.

Сохань П. С. Участь трудящих зарубіжних країн у боротьбі за перемогу Великої Жовтня.— «Український історичний журнал», 1965, № 11, с. 34—44.

Сторожук В. П. Польская эмиграция в Румынии и восстание 1863 года (По материалам донесенной дипломатических представителей России).— «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», 1965, т. 29, с. 77—89.

Тальвирская З. Я. Создание Ошмянской революционной организации и общества «Пентковичей» в 1861—1862 гг. (Из истории освободительного движения в Виленской губернии).— «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», 1965, т. 29, с. 51—76.

Федосова Т. Ф. Польское студенческое общество в Московском университете (1855—1863 гг.).— «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», 1965, т. 29, с. 24—50.

Фишер И. Р. Некоторые черты барщинно-фольварочного хозяйства в Словакии XVII века.— «Ученые записки» (Марийский гос. пед. ин-т), 1965, т. 27, с. 235—238.

Фишер И. Р. Основные моменты аграрного развития Словакии XVII века в словацкой исторической литературе.— «Историкографический сборник» (Саратовский гос. ун-т), вып. 2, 1965, с. 114—133.

Чернявський Г. И. Страйк болгарських текстильників у 1929 році.— «Питання нової та новітньої історії», 1965, вип. 1, с. 35—45.

Чудиновских Э. И. Торговая деятельность населения далматинских городов в XIII—XIV вв.— «Ученые записки Уральского гос. ун-та», 1965, вып. 4, с. 85—100.

Шиделарж Б. Вестфальский мирный конгресс 1643—1648 гг. и чешский вопрос. В сб.: «Средние века», вып. 28, 1965, с. 210—227.

Штакельберг Ю. И. Финансовые проекты повстанческого Национального правительства (К истории польского освободительного восстания 1863—1864 гг.).— «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», 1965, т. 29, с. 115—133.

2. Культура. Литература. Наука. Международные культурные и научные связи

Алексеева Л. На болгарской земле (О культурно-массовой работе в Народной Республике Болгарии).— «Куль-

турно-просветительная работа», 1965, № 12, с. 37—39.

Б а ш и н д ж а г а н Н. Герой и народ (Традиции романтического характера и поиски нового героя в социалистическом искусстве Польши).— «Вопросы эстетики», 1965, вып. 7, с. 262—265.

В а й с б р о д М. Музыкальные путешествия Чапека (Тема музыки в творчестве К. Чапека).— «Советская музыка», 1965, № 10, с. 114—118.

В а р а в е й М. С. Асноўныя нап-рамкі і формы культурнага аўтрапоўніцтва Беларускай ССР і еўрапейскіх сацыялістычных краін.— «Весці АН БССР». Серыя грамад. навук., 1965, № 3, с. 55—63.

В е л е ц к а я Н. Рабочий фольклор и его место в национальной культуре (О чехословацкой фольклористике).— «Вопросы литературы», 1965, № 12, с. 276—277.

Г а к к е б у ш В. Театр без завісн (Про гастролі Варшавського Повпшечного театру в Москві і Вільнюсі).— «Всесвіт», 1965, № 10, с. 130—136.

Г а с к о М. Е. Желіговський про Шевченка і Міцкевича (З додат. двох віршів Желіговського).— «Радянське літературознавство», 1965, № 10, с. 71—73.

Г о р с ь к и й В. С. Деякі питання методології дослідження історії культурних взаємовідносин (На матеріалах історії укр.-болг. культ. взаємин).— «Український історичний журнал», 1965, № 9, с. 47—54.

Д о б р ы н и н а Е. Новый балет Праги (К гастролям в Москве).— «Советская музыка», 1965, № 12, с. 79—82.

С а п е г о И. Скульптура Ивана Ментровица (О творчестве югославского скульптора).— «Искусство», 1965, № 4, с. 37—44.

С е р г е е в а Е. Ярослав Ивашкевич: Жизнь всегда побеждает. (По материалам беседы с польским писателем).— «Иностранная литература», 1965, № 10, с. 254—255.

С е р е д ю к І. Дружба двох митців (українського художника М. Івасюка і польського художника І. Брандта).— «Всесвіт», 1965, № 10, с. 40—42.

С и б і р с ь к и й В. Експонують друзі. (Про виставку творів Всеполюської групи художників «Захента» в Харківі).— «Прапор», 1965, № 12, с. 96—98.

Т а б о р и с с к а я И. М. Изучение малых городов Польши.— «Вопросы градостроительства», 1965, вып. 1, с. 65—66.

У р а з о в а Л. Югославский плакат (По материалам выставки в Москве. Июль 1965 г.).— «Искусство», 1965, № 12, с. 47—52.

Х а д ж и х р и с т о в Х. Окружные библиотеки Болгарии. Современное состояние и перспективы развития.— «Библиотекосведение и библиография за рубежом», 1965, вып. 17, стр. 3—29.

Ц ы б е н к о Е. З. Белинский и польская литературная критика 40—50-х годов XIX в.— «Известия АН СССР», Серия литературы и языка, 1965, вып. 5, с. 413—420.

3. Я з ы к о з н а н и е

В а с е в а - К а д ы н к о в а И. Частотность употребления деепричастий в современном русском и болгарском языках.— «Русский язык в национальной школе», 1965, № 6, с. 69—72.

И в н ч М. Оппозиция: «Односоставное предложение» — «Двусоставное предложение».— «Научные доклады высшей школы». Филол. науки, 1965, № 4, с. 181—184.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«*Език и литература*», 1966, № 1

Г. Н а й д е н о в а - С т о п л о в а. Проблемы Ренессанса в творчестве Пенчо Славейкова; С. С т е ф а н о в. Семантика некоторых суффиксов болгарского языка; С. Р у с а к и е в. Творческий путь Дмитрия Фурманова; Ю. Б е г у н о в. «Беседа о вновь появившейся ереси Богомила» Козмы Пресвитера и запрещение паломнических путешествий в старой русской литературе; Е. Г е о р г и е в. О происхождении болгарской и славянской письменности.

«*Studia slavica*», 1965, № 3—4

И. Х. Т о т. Музейное евангелие (Евангелие № 104 фонда 256 Гос. биб-ки СССР им. В. И. Ленина); Э. П а п. О функциях и о тенденциях развития потен-

циальных имен действия в современном русском литературном языке; Е. Ф ю д е д и. К истории поселения словаков в XVIII столетии на территории современной Венгрии; Л. Д о б о с с ы. Судьба чешской народной книги в венгерской философии и литературе; И. М о к у т е р. Петр Великий в сербской литературе XVIII века; Г. Б о н и с. Связь между Summa Legum и Tripartitum; X. Э л и т т э. Именные флексивные причастия действительного залога и их основные предикативные функции в древнерусском языке; М. Х а ц е к о в а. Матей Бел как лексикограф.

«*Zeitschrift für Slawistik*», 1965, № 5

Е. В е й с. Отношение социалистических немецких писателей к советскому

литературному развитию 1917—1933 гг.; Г. Шаумян. Об иностранной проблематике в советской литературе; Б. Хиллер. Художественная проблематика в романе К. Федина «Братья»; М. Моряшевич. К толкованию сербско-хорватских народных песен Яковом Гриммом; Ю. Лотман. Место Ломоносова в истории русской экономической мысли; Т. Витковский. Праславянское «у» и его позднейшее произношение в бывших диалектах территории Мекленбурга и Поморья; Г. Вальтер. Попытка определения морфологической системы среднереческого языка периода славянской миссии.

«Z pola walki», 1966, № 1

Ф. Тых. Венский конгресс историков; З. Ландау. Основные тенденции развития рынка труда и заработной платы в Польше в период инфляции (1918—1920 гг.); Ю. Ковальский. О некоторых современных аспектах национального вопроса; Дискуссия о деятельности Коммунистического Интернационала; Переписка между коммунистическими деятелями в Испании и Политбюро ЦК КПС (1937 г.). Подгот. к печати С. Айзвер; Заседание Главного совета Польской социалистической партии в мае 1936 г. Подгот. к печати Я. Томицкий.

«Pamiętnik literacki», 1965, № 4

Я. Рымкевич. Персефонов сад; М. Грабовская. Гейне и Великая эмиграция; Ю. Доланский. Отзвуки польского январского восстания в чешской литературе; М. Подраза-Квятковская. О Миряме — критике; Л. Пщеловская. Стих — стиль — диалог; Вокруг двух редакций «Варшавянки»; С. Фишман. Материалы о Мпцкевиче в парижских «Archives Nationales»; Письма Юлиана Туви-ма к Ярославу Ивашевичу.

«Slavia orientalis», 1965, № 4

М. Маёнова. Виктор Владимирович Виноградов (По случаю его семидесятилетия); Е. Ленарчик. Рассказы Максима Горького о босяках и модернистский бунт; Т. Позняк. Блок и Достоевский.

«Československý časopis historický», 1966, № 1

А. Мольнер. Место Гуса в истории европейской Реформации; М. Тэгель. Политические взгляды Яна А. Коменского и их отражение в его произведениях; В. Старчевич. Диктатура короля Александра в Югославии в 1929—1931 гг. и ее характер; З. Фиала. Ос-

новные проблемы политической и культурной истории Чехии IX—X вв. в свете современных данных.

«Slovanský přehled», 1966, № 1

В. Чейхан. Русофильство Фр. Палацкого после 1848 г.; Ш. Колафа. Л. Н. Толстой в чешской политической жизни в начале века; И. Лангер. Славянская иммиграция в США в конце 19-го века; Э. Речкова. Выборы в Венгрии осенью 1945 г.; Й. Голечек. СЭВ — прошлое и перспективы; Й. Грозичек. Роль «исторической славистики» в марксистской историографии; В. Моулпс. Идеологические кампании в СССР после войны.

«Slovenská literatúra», 1966, № 1

Л. Н. Новомеский. На переломе; С. Шматлак. Возникновение и развитие сюрреализма (1935—1945 гг.); О. Сус. Новая концепция психологии литературного творчества и «психополитика»; Л. Гольдман. Метод генетического структурализма в литературной истории; Ф. Каутман. Современное искусство и реализм.

«Slovenská reč», 1966, № 2

Е. Иона. Штуровские основы словацкого словаря; Дискуссия о Словаре словенского языка; Ш. Пецлар. Ответ на критику Словаря словацкого языка.

«Slovo a slovesnost», 1966, № 1

Б. Гавранек. Чешский язык Гуса; П. Зима. К общим проблемам исследования язычных областей; И. Полдауф. Неактуальность как грамматическая категория чешского глагола; П. Новак. Об одной стилистической модели как составной части языкового кодирования.

«Jugoslovenski istorijski časopis», 1965, № 3

Б. Джурджев. Сословия, классы и революция в истории; Р. Губерина. Формы добровольных пожертвований в Народно-освободительный фонд в Далмации; Б. Храбак. Оправданность применения так называемого традиционного исторического метода и применения других, особенно квантитативных методов, в исторических исследованиях; Я. Марьянович. Тезисы к разработке некоторых проблем в области исследовательской работы по новейшей истории; П. Морача. О некоторых проблемах организации и методологии исследований истории югославского рабо-

чего движения и революции; Б. Петранович. Исследования по истории социалистической революции и некоторые основные аспекты сотрудничества отдельных дисциплин.

«Историјски записи», 1965, № 3

А. Фаричич. О возникновении королевской власти у приморских сербов; Г. Станоевич. Население Истрии в XVII веке в свете иммиграции из Черногории и Черногорского приморья; Н. Ражнятович. Женитьба князя Петра Карагеоргиевича и черногорско-сербские отношения; Д. Ж. Вуйович. Положение в квислинговских объединениях в Старой Черногории в середине 1944 г.; Д. Вуйович. Французский посол в Риме о черногорско-итальянских отношениях в 1898 г.

«Izraz», 1965, № 12

Д. Елчиц. Повествовательное искусство Владана Деспицы; Е. Денегри. Заметки о живописи Бате Михайловича; Н. Иванишин. Исследование «Сборника» М. Крлежи; Н. Петкович. Лирический круг Милана Дединца; М. Рпзвич. Роман коллектива и двойственность реализации в искусстве; Р. Таутович. Радуга над Боснией. (Об одной панораме современной боснийской поэзии); М. Сушко. Предмет критик и предмет искусства.

«Izraz», 1966, № 1

Г. Лукач. Эссе об эссе; В. Балванович. Юмор шутки в фильме; М. Богичевич. Один из видов нашего послевоенного романа; Д. Солев. Ситуация 1965; Т. Йевич. Муса Чазим Чатич; М. Ризвич. Муса Чазим Чатич между эротикой и мистикой; Б. Кроче. Поэзия и литература.

Česká literatura, 1966, № 1

Вопросы текстологии (доклады, прочитанные на сессии текстологической комиссии Международного комитета славистов, состоявшейся 27—29 сентября 1965 г. в Праге). Ф. Свейковский. Сообщение о сессии; З. Голиньский. Что надо понимать под понятием «канонический текст»; Д. Лиחהчев. Роль эстетической оценки при подготовке произведения; М. Бакош. Современное значение эстетического принципа в текстологии; Ф. Водичка. Текстологическая структура литературного произведения; К. Горский. Критерии использования рукописи при исправлении авторизованного текста; Б. Скржечек. Неавторизованные издания как

источник для изучения текста; Й. Грабек. Несколько замечаний по поводу архетипа; М. Червенка. Стилистический вклад в теорию вариантов; Ф. Свейковский. Исследование средневековых драм с точки зрения текстологии; Я. Колар. О вкладе текстологии в литературную историю и историческую поэтику; О. Кралик. Текст архетипа и последующие изменения.

«Etudes Balkaniques», 1965, № 2—3¹

В. Хаджиниколов. Традиции интернационализма в Болгарской коммунистической партии и борьба за болгаро-советскую дружбу; П. Стерев. Вклад греческого народа в антифашистскую освободительную борьбу и некоторые проявления греко-болгарского боевого содружества; Г. Ганев. Борьба Румынской коммунистической партии против наступления фашизма, за создание антифашистского народного фронта в 1933—1940 гг.; Ю. А. Боев. Проблема «интегрита» Османской империи во внешней политике Франции 1912—1913 гг.; Н. Хаджипанделис. Возникновение и развитие современного греческого государства; Л. Берров. Финансовый капитал западных стран и балканские страны в 20-е годы; С. Е. Сиявущил. Саид Фаик Абасьяник или яростное стремление понять; Н. Капиджич. Восстание 1882 г. в Герцеговине и влияние на него Болгарии; Кр. Шарова. Идеи Васы Пеллагича в Болгарии; М. Бур. Австрийская военная граница в XIX в. Новые данные по истории Воеводины; В. П. Мутафчиева. Аялык в последние десятилетия XVIII в.; Ст. Великов. Болгарские переводы турецких писателей; Н. К. Кондов. Демографические заметки о сельском населении Нижнего Стримона в первой половине XIV в.; Р. Моллов. «Керем и Асли» и его балканские варианты; А. Маргос. Два армянских источника XIII в., касающиеся некоторых исторических событий периода Второго Болгарского царства; Д. Хеммердингер. Сравнительное изучение греческой, латинской и славянской редакций жития Авраама; А. Фоль. Развитие городской жизни в странах, находящихся между Дунаем и Эгейским морем до римского завоевания; К. Манчев. Правительство Цветковича — Мачека и борьба народных масс против присоединения Югославии к трехстороннему пакту.

¹ Содержание журнала № 1 см. «Советское славяноведение», 1966, № 1, стр. 127.

ТРЕТЬЯ МЕЖВУЗОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИСТОРИКОВ-СЛАВИСТОВ В ВОРОНЕЖЕ

Мысль о специальных регулярных форумах славистов-историков возникла в январе 1961 г. во время Координационного совещания славистов, созданного Институтом славяноведения АН СССР¹. Инициативу созыва таких, по существу, всесоюзных совещаний историков-славистов (в дальнейшем мы будем называть их межвузовскими конференциями) взяла на себя кафедра истории южных и западных славян Московского университета. В феврале 1962 г. была созвана 1-я (московская) межвузовская конференция историков-славистов², а в июле того же года согласно приказу Министерства высшего и среднего специального образования СССР при МГУ была создана Координационная комиссия по истории зарубежных славян. В октябре 1963 г. проведена 2-я межвузовская конференция историков-славистов в Киевском университете³. На ней было принято решение — созывать подобные сессии раз в два года. Выполняя это решение, Координационная комиссия созвала 1—5 февраля 1966 г. 3-ю межвузовскую конференцию историков-славистов в Воронеже, посвященную 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции и 20-летию победы народно-демократической власти в зарубежных славянских странах. В ней участвовало более 100 славистов из 36 городов Советского Союза.

Первое пленарное заседание началось с выступления ректора Воронежского университета проф. В. П. Мелешко, ко-

торый охарактеризовал состояние славяноведения в Воронеже и коротко рассказал о задачах, стоящих перед советскими историками-славистами. И. А. Воронков (Москва) сообщил о выполнении решений Киевской конференции. А. Я. Манусевич (Москва) выступил с докладом «Великая Октябрьская социалистическая революция и зарубежные славянские народы (советская историография)». Подвергнув критике буржуазную историографию, отрицавшую решающую роль Октябрьской революции в образовании независимых национальных славянских государств, докладчик охарактеризовал марксистско-ленинскую концепцию, разработанную советскими историками и изложенную в общих трудах по истории зарубежных славянских стран, где разъясняется прямая причинная связь между Октябрьской революцией и восстановлением независимости Польши, Чехословакии, Югославии. Докладчик отметил некоторые ошибки и упрощения в освещении этого вопроса: абсолютизация в отдельных случаях роли Октябрьской революции и недооценка борьбы самих славянских народов, иногда ошибочная оценка роли буржуазии славянских стран в связи с некритическим восприятием выдвинутого И. В. Сталиным на XIX съезде партии положения, что буржуазия выбросила знамя независимости за борт. В заключение докладчик остановился на некоторых вопросах изучения истории движения интернационалистов.

И. М. Белявская (Москва) выступила с докладом «Проблемы социалистического строительства в зарубежных славянских странах». Она отметила, что за последние годы произошел сдвиг — историки-слависты стали больше уделять внимания новейшей истории зарубежных славянских народов. Однако проблемы социалистического строительства мы изучаем еще недостаточно, несмотря на созданные после XX съезда КПСС условия для их творческого исследования. Докладчик выделила важнейшие проблемы: революционные процессы 1944—1948 гг., переход к социалистическому строительству и заимствование советского опыта, централизация управления и другие, и подчеркнула необходимость глубокого их

¹ См. «Актуальные проблемы славяноведения». — «Краткие сообщения Института славяноведения» (КСИС), вып. 33—34, М., 1961; М. Н. Кузьмищ. Координационное совещание по актуальным проблемам славяноведения. — «Вопросы истории», 1961, № 6.

² «Совещание историков-славистов в Московском университете». — «Вопросы истории», 1962, № 6; Е. С. Макова. Совещание историков-славистов в Москве. КСИС, вып. 40, 1964.

³ И. А. Воронков, В. Г. Карасев. Второе совещание историков-славистов. — «Вопросы истории», 1964, № 1; Л. Г. Ляшенко. Друга нарада істориків-славистів у Києві. — «Український історичний журнал», 1964, № 1.

изучения, применяя сравнительный метод исследования.

После пленарного заседания в течение трех дней работали секции новейшей, новой и средневековой истории.

На секции новейшей истории было прочитано наибольшее количество докладов и сообщений — 33. Кроме того, 19 человек выступили в прениях. Большинство докладов и сообщений было посвящено истории Болгарии (19). Тематика выступлений может быть сведена к 3-м основным проблемам: Великая Октябрьская социалистическая революция и интернационалисты, революционные процессы и их характер в годы второй мировой войны, социалистическое строительство в зарубежных славянских странах. Кроме того, ряд выступлений был посвящен деятельности коммунистических и рабочих партий между двумя мировыми войнами, международным отношениям этого периода, а также истории культуры.

Работа секции открылась докладом А. М. Шнитмана (Мурманск) «В. И. Ленин и болгарское революционное движение». Отметив большое внимание В. И. Ленина к истории болгарского народа, докладчик рассказал об использовании В. И. Лениным опыта болгарского революционного движения в разработке революционной стратегии и тактики. С сообщениями, посвященными движению интернационалистов, выступили А. М. Матвеев (Ташкент) «Участие югославян в борьбе за Советскую власть в Средней Азии (1918—1920 гг.)»; И. М. Кулинич (Киев) «Революционная деятельность группы коммунистов славянских стран (Чехословакия, Югославия, Болгария) на Украине (1918—1920 гг.)»; П. С. Сохань (Киев) «Участие болгарских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне на Украине (1917—1920 гг.)»; И. Д. Очак (Москва) «Югославские „возвращенцы“ из России (1918—1923)». Эти сообщения базируются на местном архивном материале, уточняют и в ряде случаев по-новому освещают некоторые вопросы движения интернационалистов на территории нашей страны.

С докладами и сообщениями о деятельности коммунистических и рабочих партий в период между двумя мировыми войнами выступили В. Г. Дядькин (Орджоникидзе) «К оценке проекта программы Болгарской компартии (1923 г.)»; Г. И. Червянский (Харьков) «Создание рабочей партии в Болгарии (1927 г.)»; П. И. Резонов (Москва) «Чехословацкая компартия накануне VII Конгресса Коминтерна»; Р. Н. Гришина (Москва) «Болгарская компартия и Коминтерн в 1932—1934 гг.». В связи с докладами завязалась оживленная дискуссия о деятельности Коминтерна и коммунистических партий после 1939 г. В выступлениях И. В. Ганевича (Одесса), М. Н. Чемпалова (Свердловск), П. С. Соханя было

высказано мнение о том, что Коминтерн и братские компартии и после заключения советско-германского пакта 1939 г. по-прежнему считали фашизм главной опасностью. Изменились лишь формы и методы борьбы, стратегическая же линия осталась той же.

Участники конференции прослушали сообщения по внешней политике и международным отношениям на первом этапе общего кризиса капитализма. Эта проблема рассматривалась в выступлениях И. М. Теодоровича (Черновцы) «Попытка сговора США и держав Антанты с Германией и Австро-Венгрией за счет славянских стран после победы Октябрьской революции»; Д. Б. Мельцера (Минск) «Борьба трудящихся масс Болгарии за установление дипломатических отношений с Советской Россией (1917—1923 гг.)»; И. Н. Чемпалова «Присоединение Болгарии к Тройственному пакту и позиция западных держав»; Н. А. Мохова (Кишинев) «Проблема периодизации историографии русско-румынских и советско-румынских отношений».

Доклады В. П. Радькова (Москва) «Возникновение народно-демократических органов в Югославии (1941—1943 гг.)», И. В. Ганевича «Характер и движущие силы антифашистской борьбы народных масс Болгарии в период второй мировой войны» и И. Д. Кудюбны (Киев) «Характер и некоторые особенности народно-демократической революции в Польше», а также сообщения С. Л. Каирова (Николаев) «О некоторых социально-экономических преобразованиях в ходе демократической революции и народно-освободительной борьбы югославского народа в 1941—1945 гг.» и А. А. Копылова (Каменец-Подольск) «Участие комитетов Отечественного фронта в установлении народно-демократической власти в Болгарии» вызвали оживленную дискуссию о характере революций в славянских странах, особенно в Болгарии. И. В. Ганевич говорил об одном, социалистическом этапе революции народно-демократической по форме. Задачи демократического этапа революции, по мнению И. В. Ганевича, решались попутно. Эту точку зрения в своем докладе о культурной революции в Болгарии, а также в специальном выступлении поддержал Г. Н. Попов (Харьков). Р. П. Гришина, А. Н. Киршевская (Москва), С. И. Магазинер (Ровно) подчеркнули необходимость учитывать соприкосновение враждебных элементов, наличие буржуазных представителей в первых правительствах Отечественного фронта, нерешенность на первых порах внешнеполитических проблем и т. д. Дискуссия показала необходимость специального глубокого исследования поставленных вопросов.

Наконец, последняя проблема — социалистическое строительство в зарубежных славянских странах — нашла отраже-

ние в обстоятельном докладе В. Н. Белановского «Борьба трудящихся Болгарии за выполнение исторических решений VIII съезда БКП». Докладчик подчеркнул значение решений VIII съезда БКП, разработавшего новую генеральную линию партии на 1961—1980 гг., и на конкретных примерах показал массовость движения за коммунистический труд, а также процесс воспитания нового человека — строителя социализма в Болгарии. Этой же проблеме были посвящены доклады и сообщения Н. И. Леднева (Харьков) «Из опыта идеологической работы Болгарской компартии (1956—1962 гг.)»; В. В. Сухарева (Харьков) «Рабочий класс Чехословакии в период строительства социализма (историография)»; В. Д. Мозерова (Саранск) «О некоторых вопросах индустриализации Болгарии в свете решений апрельского Пленума ЦК БКП 1956 года»; Г. И. Копанева (Ленинград) «Польское крестьянство на пути к социализму». Эти вопросы затрагивались и в докладах и сообщениях, посвященных аграрным преобразованиям в Болгарии: в интересном по постановке вопросов выступлении А. Н. Киршевой «Аграрные преобразования в Болгарии в 1944—1948 гг.», в сообщении Д. Г. Песчаного (Краснодар) «К вопросу о сотрудничестве СССР и НРБ в области сельского хозяйства в Болгарии» и А. И. Черния (Ровно) «Из истории кооперативного движения в Болгарии».

Остальные сообщения касались проблем второй мировой войны, источниковедения, рабочего движения. С такими сообщениями выступили Б. М. Руколь (Москва) «Чехословацкая эмиграция в СССР в годы второй мировой войны»; Н. Л. Третьякова (Москва) «Из истории борьбы ППР за народно-демократическую власть в Польше в 1944—1945 гг.»; Н. И. Турвиненко (Харьков) «Освобождение Болгарии Советской Армией»; Н. Т. Сапронова (Воронеж) «Народное образование в Болгарии накануне реформы 1921 года»; А. Н. Горятнов (Москва) «Неопубликованный труд Г. Бакалова в фондах библиотеки им. В. И. Ленина»; С. М. Стецкевич (Ленинград) «О создании рабочих советов в Польше в 1919 г.».

На секции новой истории было сделано 24 доклада и сообщения по проблемам, главным образом национально-освободительного движения, межславянских революционных связей и историографии. 15 человек выступили в прениях.

С. А. Никитин (Москва) в докладе «Болгарский город в период освобождения» использовал материалы русской переписи 1879 г. Он подробно охарактеризовал развитие и значение сельского хозяйства промыслов в ряде городов после освобождения страны русскими войсками. Все

это убедительно свидетельствовало о мелкобуржуазном развитии болгарского города периода национального освобождения. И. А. Воронков в докладе «Восстание 1830—1831 гг. в Литве» показал своеобразие развития восстания и роль различных социальных слоев в движении. Несмотря на консервативный характер восстания, оно имело большое международное значение, так как нанесло удар царизму и отстранило от революционной Франции и Бельгии опасность русско-прусской интервенции.

К. Л. Струкова (Москва) рассмотрела особенности национально-освободительной борьбы балканских народов против турецкого владычества во второй половине 60-х годов XIX в. Наиболее подробно в ее сообщении были освещены национальное движение в Македонии и деятельность Василия Диамандиева. Л. П. Лаптева (Москва) избрала темой своего доклада «Национальное движение лужицких сербов в конце XVIII — начале XIX в.». Автор ввела в научный оборот новые источники. Некоторые положения, выдвинутые докладчиком, вызвали оживленную дискуссию. Н. М. Пашаева, А. З. Нюркаева (Пермь), И. С. Достян говорили о необходимости учета социального расслоения лужицких сербов, более аргументированной оценки движения в целом. Б. М. Коган (Ленинград) в сообщении «К вопросу о сущности национального чешского возрождения» остановился на историографии вопроса, характере идей чешского национального возрождения, его истоках и связях со славянскими и европейскими странами. По мнению Б. М. Когана на оформление идей чешского национального возрождения большое влияние оказала русская культура и общественно-политическая мысль. Размежевание либералов (В. Ганка, Ф. Палацкий), демократов (П. Шафарик, Ф. Челаковский) и радикалов (К. Сабина, Э. Арнольд) произошло лишь в конце 40-х годов XIX в. В прениях по сообщению Б. М. Когана (А. С. Мильников, Л. П. Лаптева, Н. М. Пашаева) высказывались соображения о правомерности термина «чешское национальное возрождение» и о своеобразии его идейного развития.

А. И. Бортников (Воронеж) сделал доклад «Роль декабристов как зачинателей русско-польского революционного союза». Полемизируя в ряде вопросов с П. Н. Ольшанским, докладчик считает, что декабристы, преодолевая серьезные трудности и сопротивление магнатского большинства комитета польского Патриотического общества и его членов на Украине, получили поддержку демократически настроенных членов и заключили в течение 1824 и 1825 гг. соглашения по основным вопросам совместной борьбы. С этой точкой зрения не согласился И. А. Воронков, который указал на не-

обходимость подтверждения выдвинутого тезиса документальными данными. Б. С. Попков (Петрозаводск) в своем докладе рассмотрел отношение русских деятелей к И. Лелевелю. Если передовые круги России во главе с декабристами проявляли большой интерес к исторической концепции Лелевеля и его полемике с Н. М. Карамзиным, то представители охранительных начал резко враждебно отнеслись к демократической деятельности польского историка. Б. С. Попков обратил внимание на связи И. Лелевеля с А. И. Герценом, М. Бакунным, П. В. Анненковым и другими представителями русского демократического движения. Для них имя Лелевеля было символом польско-русского революционного союза в борьбе против царского самодержавия.

Г. А. Пляшко (Одесса) избрала темой своего сообщения отношение прогрессивной украинской интеллигенции к польскому восстанию 1863 года. В частности, ею было отмечено формирование повстанческих отрядов на территории Украины, которые были готовы выступить на помощь восставшим полякам. Польско-украинские революционные связи в Галиции во второй половине XIX в. были раскрыты С. Н. Злупко (Львов), который также остановился на критике И. Франко, М. Павлюком и И. Терлецким некоторых догматических пунктов программы польских социал-демократов. С. Ф. Коваль (Иркутск) проанализировал материалы, касающиеся участия польских революционеров и ишутинско-худяковской группы в подготовке освобождения Н. Г. Чернышевского и Н. А. Серно-Соловьевича из сибирской ссылки в 1865—1866 гг. Г. В. Бердников (Воронеж), используя архивные материалы, показал многообразные польско-итальянские революционные связи периода Рисорджименто и восстания 1863 г.

В докладе В. Г. Карасева и В. Н. Кондратьевой (Москва) «Омладина и Россия» были поставлены вопросы о различных этапах омладинского движения и отношения к нему как официальной России, так и русского либерально-буржуазного и революционно-демократического направлений. И. А. Коваленко (Каменец-Подольск) выступил с докладом «Вопросы истории южных и западных славян в освещении украинских историков XIX века». Он указал, что если для общей методологии Ю. Венелина, О. Бодянского, И. Срезневского и некоторых других историков характерно влияние идей реакционного славянофильства и панславизма, то Т. Г. Шевченко, как позднее и И. Франко, четко обосновали идею единства славян во имя социального и национального освобождения трудящихся. Докладчик охарактеризовал также научно-педагогическую деятельность кафедр славяноведения Киевского, Одес-

ского и Харьковского университетов. В сообщении А. С. Мыльникова (Ленинград) «Состояние и задачи изучения просветительской идеологии в Чешских землях XVIII в.» подробно рассмотрены работы чехословацких и советских историков о чешском просветительстве.

О важности некоторых новых архивных материалов для характеристики мировоззрения В. И. Григоровича говорил в сообщении «Неизвестные рукописи В. И. Григоровича» А. В. Сергеев (Казань). Он отметил, что эти материалы позволяют проследить отношение В. И. Григоровича к философско-историческим концепциям Б. Бауэра, А. Руге, Г. Гейне, Э. Ренана, а также к русскому революционно-демократическому движению 40-х годов XIX в. Англо-русское соперничество в Сербии в 30-х годах XIX в. было рассмотрено в историографическом обзоре И. С. Достяна (Москва), в котором дана оценка как мемуарной, так и монографической литературы.

Ряд докладов и сообщений затрагивал вопросы рабочего движения и внешней политики. Проблема борьбы течений в сербской социал-демократической партии (СДП) в годы первой мировой войны было посвящено сообщение А. З. Нюркаевой. В нем показаны разногласия в СДП, постепенное оформление ее левого крыла во главе с Д. Поповичем и Т. Кацлеровичем, а также их деятельность в период Кинтальской и Стокгольмской конференций. Л. Е. Волькович (Львов) осветил причины первоначальных разногласий и постепенное сближение польских рабочих организаций, известных под названиями «II Пролетариат» и «Союз польских рабочих». Любопытные данные, характеризующие динамику стачечного движения в Польше накануне первой мировой войны, привел в своем сообщении Б. Я. Табачников (Воронеж). А. К. Мартыненко (Киев) затронул вопрос о поддержке Россией Болгарии в ее борьбе за укрепление государственного суверенитета в 1896—1899 гг. В. П. Султанов (Пенза) сосредоточил свое внимание на истории проникновения германского империализма в Болгарию в начале XX в. (1900—1907 гг.). С. И. Магазинер, используя разнообразие источники, проследил политику Габсбургской монархии в период Балканской войны 1912—1913 гг.

Н. М. Пашаева в своем сообщении дала обзор славянского фонда Исторической библиотеки, в котором наиболее полно представлены литература и источники периода генезиса капитализма и национально-освободительного движения славянских народов в XVIII—XIX вв. А. С. Мыльников рассказал о личных фондах русских славистов середины XIX в. (И. С. Аксакова, М. Н. Погодина, О. М. Бодянского, В. И. Майкова и др.), находящийся в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Секция истории средних веков заслушала 20 докладов и сообщений и 30 выступлений в прениях. Наибольшее количество выступлений было посвящено историографии. В нескольких докладах и сообщениях рассматривались проблемы средневекового города и аграрных отношений и, наконец, два доклада базировались на археологических материалах.

Г. Э. Санчук (Москва) в докладе «Проблема германо-славянских отношений раннефеодального периода (X—XII вв.) в послевоенной немецкой историографии» отметил, что несмотря на стремление некоторой части западногерманских историков освободиться от повиннистических взглядов и отказаться от игнорирования роли славянских народов в истории Европы, реакционное направление в западногерманской историографии все же преобладает. Большинство западногерманских медиевистов пытается обосновать современные реваншистские планы политиков ФРГ якобы цивилизаторской ролью немецкой империи X—XII вв. среди славянских народов. В заключение докладчик остановился на характеристике работ историков-марксистов ГДР. Основной тезис доклада В. Б. Вилинбахова (Ленинград) «Балтийские славяне в русской и советской историографии» о том, что «история балтийского славянства никогда не пользовалась достаточным вниманием отечественной науки и по сей день фактически остается вне поля зрения наших исследователей» вызвал возражения Л. П. Лаптевой, Г. Э. Санчука, В. М. Фоменковой (Киров) и др. Выступавшие указывали на недооценку докладчиком работ Н. П. Грацианского. Доклад Л. В. Разумовской (Ленинград) был посвящен изучению польского средневекового города в послевоенной польской и советской историографии.

Отдельные историографические проблемы затрагивались в сообщениях Г. И. Липатиной (Воронеж) «К вопросу о взглядах И. И. Срезневского на историю славян», Е. П. Наумова (Москва) «Советская историография о средневековом сербском законодательстве», М. А. Казаковой (Саратов) «Проблемы генезиса чешского феодализма в научном наследии А. Н. Ясинского», В. П. Грачева (Москва) «К теоретической постановке вопроса о жуках и жупанах в историографии», Я. С. Мельничука (Ивано-Франковск) «Крестьяне Саноцкой земли XVI—XVIII веков в советской историографии», И. В. Созина (Москва) «Польская и советская историография о проблеме принудительного найма в фольварочном хозяйстве Польши XVIII в.».

Городской тематике были посвящены доклады и сообщения М. М. Фрейденберга (Великие Луки) «Товарное производство в Далматинской Хорватии в XIII —

XIV вв.», Э. И. Чудиновских (Ивано-Франковск) «Купечество далматинских городов XIII—XIV вв.», В. В. Захарова (Воронеж) «Торговля Задара в XIII—XIV вв.», В. Г. Бабаева (Горький) «О статутах островов Кварнера как источник по социально-экономической истории» и Т. П. Брянцева (Киев) — о некоторых вопросах социально-экономического развития городов Польши в XIV — первой половине XV в.

Вопросы аграрной истории нашли отражение в докладах и сообщениях Н. П. Манащичевой (Воронеж) «К вопросу об аграрных отношениях в Дубровнике в XIII—XIV вв.», Е. Г. Филонова (Ростов) «Разложение общины и изменения в феодальном строе Приморской Хорватии на рубеже XII—XIII вв.», К. Р. Фишер (Йошкар-Ола) «Положение крестьянства Словакии в XVII в.», Г. Д. Бурдей (Саратов) остановился на вопросах международного положения в Восточной Европе XIV—XVI веков.

Выступавшие в прениях высказали ряд интересных соображений. А. С. Шофман (Казань) обратил внимание на то, что часто за историографической тематикой скрываются критико-библиографические обзоры. А. Е. Москаленко отметил необходимость использования архивных материалов в работах, посвященных советской историографии. Е. П. Наумов, А. Д. Ролова (Рига), Е. А. Ефремов (Пенза) и другие говорили о плодотворности локальных исследований, которые должны предшествовать широким обобщающим трудам, высказывали критические замечания по докладам и вместе с тем единодушно отмечали возросший интерес к проблемным исследованиям. В связи с этим очень живо обсуждались археологические доклады М. Ю. Брайчевского (Киев) «Проблема синтеза рабовладельческих и феодальных отношений в истории славянских народов» и И. И. Винокура (Каменец-Подольск) «Идеология и религиозные культы славянских племен в первой половине I тысячелетия н. э.». Все выступавшие отметили желательность более широкого привлечения археологов к участию в совещаниях историков-славистов.

Последний день конференции (2-е пленарное заседание) был посвящен обсуждению журнала «Советское славяноведение» (с докладом о работе которого выступил главный редактор И. И. Костюшко), выступлениями руководителей секций (И. М. Белявской, С. А. Никитина, А. Е. Москаленко).

Конференция приняла решение, в котором отмечается, что за два с лишним года, прошедших со времени Киевской конференции, советские историки-слависты добились заметных успехов. Появились новые исследования по различным вопросам истории зарубежных славянских стран, улучшилось сотрудниче-

ство и координация в области учебно-методической работы, значительно повысился уровень подготовки кадров историков-славистов. С 1965 г. начал выходить журнал «Советское славяноведение».

Однако в работе советских историков-славистов есть еще немало недостатков и трудностей. По-прежнему не изжиты дублирование и параллелизм в тематике исторических исследований, что свидетельствует о недостаточной координации и взаимной информации. Неудовлетворительно обстоит дело с подготовкой учебных пособий по истории южных и западных славян, в особенности по историографии и источниковедению. Слабо разрабатываются отдельные важные проблемы истории зарубежных славянских народов (например, вопросы социалистической революции и социалистического строительства в Югославии и Польше, вопросы средневековой истории Болгарии и другие).

Конференция обратила внимание историков-славистов на необходимость дальнейшего изучения следующих важнейших проблем: Великая Октябрьская социалистическая революция и зарубежные славянские страны; влияние идей ленинизма на развитие революционного движения зарубежных славянских народов; участие трудящихся зарубежных славянских стран в борьбе за победу и упрочение Советской власти в СССР; участие советских людей в движении Сопротивления в годы второй мировой войны; народно-демократические и социалистические революции и строительство социализма; рабочее коммунистическое и национально-освободительное движение; социально-экономическое и политическое развитие зарубежных славянских народов в период феодализма и капитализма; история культуры; межславянские связи и отношения славянских народов с неславянскими; критика концепций буржуазной историографии; разоблачение идеологии и политики западногерманских реваншистов; проблемы источниковедения.

Успешная разработка указанных проблем может быть осуществлена на основе творческого применения марксистско-ленинской теории и методологии, расширение круга исторических источников, глубокого и всестороннего изучения фактического материала, сравнительно-исторического исследования общественных явлений и событий.

Конференция призвала историков-славистов больше внимания уделять теоретическим проблемам, шире использовать в научной работе творческие дискуссии, усилить координацию исследований внутри страны и с зарубежными научными учреждениями, а также обмен взаимной информацией.

Неотложной задачей историков-славистов является ускорение подготовки учеб-

ников и учебных пособий по истории южных и западных славян, историографии и источниковедению, а также издавать серии документальных публикаций по истории зарубежных славянских народов, объективная и своевременная критическая оценка всей литературы по истории зарубежных славянских народов, выходящей как у нас, так и за рубежом.

По мнению участников конференции было бы целесообразно создать специальный информационно-библиографический журнал по истории, а также возобновить издание журнала Министерства высшего и среднего специального образования СССР — «Исторические науки».

Конференция рекомендовала историкам-славистам включиться в работу местных обществ по охране памятников истории и культуры народов нашей Родины.

Конференция признала необходимым провести совместно с Институтом славяноведения АН СССР очередную IV Межвузовскую научную конференцию историков-славистов в феврале 1968 г. в г. Минске при Белорусском государственном университете имени В. И. Ленина, сосредоточив при этом внимание на следующих научных проблемах: а) В. И. Ленин и коммунистическое и рабочее движение в зарубежных славянских странах; б) революционные процессы в зарубежных славянских странах на заключительном этапе второй мировой войны и после нее, их предпосылки и особенности; в) социально-экономическое развитие и национально-освободительное движение зарубежных славянских народов в конце XVIII — начале XX в.; г) межславянские связи и отношения; д) аграрное развитие славянских стран и славянский город в эпоху средневековья; е) славяне в период перехода к классовому обществу, а также обсудить учебники по истории южных и западных славян, подготовленные Московским и Киевским университетами и программу курса по истории южных и западных славян.

Конференция высказалась за вовлечение студентов в работу совещаний историков-славистов, как это было сделано на воронежской конференции по инициативе Ивано-Франковского пединститута.

Участники конференции выразили глубокую благодарность Воронежскому университету за хорошую организацию конференции.

В заключение необходимо подчеркнуть большую плодотворность работ 3-й Воронежской межвузовской конференции историков-славистов, ее творческий характер. Дело, начатое пять лет назад, оказалось весьма жизненным. Оно имеет под собой твердую почву и будет развиваться.

В. В. Гусев, А. Е. Москаленко, Н. Т. Сапронова.

ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЙ СИМПОЗИУМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ БАЛТО-СЛАВЯНСКИМ ОТНОШЕНИЯМ

20—21 сентября 1965 г. в Белостоке состоялся польско-советский симпозиум, посвященный балто-славянским отношениям в раннем Средневековье. Симпозиум был организован Белостокским научным обществом по инициативе польских археологов, изучающих древности северо-восточной Польши. В течение ряда лет в Белостокском и Ольштынском воеводствах Польши работает Ятвяжская комплексная экспедиция под руководством Е. Антоневича. Помимо археологических памятников, принадлежавших древним балтийским племенам, населявшим данную территорию, экспедиция изучает топонимику и, в частности, гидронимику этих земель. В работе экспедиции наряду с польскими учеными принимают участие исследователи Швеции и Норвегии. За годы работ экспедиция накопила много разнообразного материала. Немало исследований проведено польскими историками и филологами в области истории древнепрусских племен. Новые обильные материалы о культуре балтийских племен и их взаимоотношениях со славянами получены также советскими учеными на территории прибалтийских республик, в Белоруссии и западных областях РСФСР.

Некоторым итогам в изучении всех этих материалов и был посвящен симпозиум в Белостоке, в котором приняли участие исследователи Варшавы, Познани, Лодзи, Торуня, Белостока и других городов. Участником симпозиума являлся и старейший польский археолог проф. В. Антоневич. Заседания проходили под председательством известного польского историка-медиевиста проф. А. Гейштора. Советская делегация была представлена учеными Москвы, Ленинграда, Минска, Вильнюса, Риги и Смоленска.

За два дня заседаний было заслушано 11 докладов. Е. Антоневич (Варшава — Белосток) в докладе «Некоторые спорные вопросы балто-славянских отношений в свете археологических, топонимических и письменных источников» анализировал остатки культуры балтийских племен, известные в Гданьском Поморье, в Хелминской земле, в Мазовии, на Подлясье и других славянских территориях. По мнению докладчика, они могли сохраниться вследствие пережитков древней балто-славянской общности или в виде отдельных элементов культуры ранее живших здесь балтийских племен, впоследствии ассимилированных славянским населением. Возможно также, что балтийская культура проникла на соседние славянские земли в результате мирных связей и военных походов.

Доклад «Славяно-ятвяжское погра-

ничье» прочитал Г. Ловмянский (Познань). Ятвяги, как показал докладчик, — это крупное этническое объединение балтийских племен, жившее по реке Бобр и на прилегающих к ней землях, до появления там славян. Та территория, которая принадлежала ятвягам, по данным археологических и письменных источников, в XII—XIV вв., была занята ими и в X—XI вв. К. Сляшский (Познань) в докладе «Захват Хелминской земли пруссами» критиковал взгляды немецких историков на вопрос о взаимоотношениях славянского и прусского населения на этой территории, которая, по данным археологии и топонимики, была заселена преимущественно славянским населением. В докладе «Поморско-прусская союз в XIII в.», прочитанном Я. Поверским (Торунь), на большом фактическом материале была показана длительная совместная борьба славянских жителей Поморья с пруссов против крестоносцев. Я. Бениак (Торунь) — «Миссия Бруно Кверфутского и проблема Селенции» — остановился на толковании термина «Селенция» в хронике средневекового автора Анонима Галла. Докладчик оспаривал утверждение, что этот термин относился к наименованию одного из ятвяжских племен Злинци, считая, что им обозначали одно из славянских племен, а именно лютичей.

Советские участники симпозиума прочли следующие доклады: П. Н. Третьяков (Ленинград) — «О балтах и славянах в области Верхнего Поднепровья» — доложил об итогах своих многолетних археологических работ и сопоставил их с гидронимическими исследованиями этой же территории. Вывод, к которому пришел П. Н. Третьяков, сводится к тому, что взаимоотношения славян и балтов в области Верхнего Поднепровья протекали как длительный многовековой процесс и что восточные балты приняли участие в формировании северной ветви древнерусской народности. Большой доклад «Особенности этнической структуры Древнерусского государства» был прочитан В. Т. Пашуто (Москва). В этническом многообразии Древней Руси немалая роль, по мнению докладчика, принадлежала населению Прибалтики.

Специфическими археологическими памятниками в течение ряда лет занимается Е. А. Шмидт (Смоленск). Это так называемые длинные курганы. В своем докладе «О балтийской культуре в верховьях Днепра в последней четверти I тысячелетия н. э.» Е. А. Шмидт отметил, что славяне могли ассимилировать и часть балтийского населения, жившего здесь в предшествующее время. П. А. Раппопорт (Ленинград) в сообщении «Город Рай»

показал, что древнерусский город Рай, который обычно связывали с городищем Райгород в Белостокском воеводстве, на самом деле был расположен на территории Вольши, недалеко от г. Любомля. Ф. Д. Гуревич (Ленинград) в докладе «Об этническом составе населения древнего Новогрудка» обратила внимание на то, что древнерусский Новогрудок, возникший на русско-литовском пограничье в конце X в., имел довольно пестрое население, где наряду с различными группами славян были и представители литовских племен. Э. Д. Шноре (Рига) в докладе «Латгало-славянские связи в восточной Латвии в период раннего Средневековья» на большом археологическом материале продемонстрировала проникновение восточнобалтийских вещей на славянскую территорию и славянских в Латгалию, что отражало живые экономические и культурные связи между прибалтийским и древнерусским населением.

Доклады как польских, так и советских ученых были заслушаны с большим

интересом и способствовали сближению исследователей обеих стран, работающих над проблемами балто-славянских отношений.

По окончании симпозиума советской делегации была предоставлена возможность ознакомиться с археологическими и архитектурными памятниками северовосточной Польши. Под руководством Е. Антоневича был осмотрен ряд поселений и погребальных сооружений, раскопываемых Ятвяжской комплексной экспедицией в Белостокском и Олыштынском воеводствах, а также великоленские соборы и замки: замок крестоносцев в Мальборке, собор во Фромборке и другие памятники архитектуры. Нельзя не отметить и посещение музеев, а также исключительно теплую встречу советской делегации с научной общественностью города Олыштына, создавшей в послевоенное время научное общество по изучению Мазур.

Ф. Д. Гуревич

СИМПОЗИУМ ПО ИСТОРИИ ПОЛЬСКОГО И РУССКОГО РОМАНА

С 17 по 19 ноября 1965 г. в Варшаве, в Институте литературных исследований Польской академии наук, состоялся симпозиум по истории польского и русского романа XIX—XX веков. По приглашению Польской академии наук в работе симпозиума, наряду с польскими учеными, приняли участие советские гости: д-р филол. наук Б. А. Бялик (Институт мировой литературы им. Горького АН СССР), д-р филол. наук Г. М. Фридлиндер и канд. филол. наук Л. Ф. Ершов (Институт русской литературы АН СССР).

Целью симпозиума был обмен мнениями о закономерностях и этапах развития жанра романа в русской и польской литературе. Эти вопросы живо интересуют польских и советских ученых. Помимо ряда исследований о происхождении романа и отдельных этапах его развития в русской и мировой литературе (работы В. Кожина, Л. Пинского, М. Бахтина, А. Елистратовой, Д. Обломиевского, Б. Рейнова, М. Храпченко, Б. Бурсова, А. Бушмина, А. Чичерина, В. Шкловского, В. Днепров, Д. Затонского, М. Кузнецова и др.), им посвящены выпущенные в последнее время Институтом русской литературы АН СССР коллективные обобщающие труды «История русского романа» и «История русского советского романа», главы в коллективной монографии ИМЛИ АН СССР «Теория литературы» и т. д. Тот же круг вопросов на материале истории польской литературы поставлен в исследованиях акад. К. Выки, профессоров М. Янион, М. Жмигродской, Г. Маркевича и других поль-

ских ученых. Это подготовило почву для проведения симпозиума.

Симпозиум открыл проф. Г. Маркевич, охарактеризовавший в своем вступительном слове его задачи и программу. На первом заседании Г. М. Фридлиндером был прочитан доклад «Главные этапы истории русского романа». Докладчик охарактеризовал отдельные, наиболее важные в структурном и типологическом отношении этапы развития русского романа, их общественно-историческую обусловленность и художественно-эстетическое своеобразие.

Доклады польских участников симпозиума были посвящены типологической характеристике отдельных периодов польского романа XIX и начала XX в. Проф. М. Янион в докладе об исторической повести польского романтика Э. Красинского «Ага-хан» поставила своей задачей на материале раннего произведения великого польского поэта исследовать общие признаки польского исторического романа эпохи романтизма, описать наиболее характерные черты его поэтики и стиля (оказавшие известное воздействие, по мнению докладчика, также и на развитие последующей польской исторической прозы вплоть до С. Жеромского). Проф. М. Жмигродская посвятила свой доклад, насыщенный свежими и интересными наблюдениями и вызвавший на симпозиуме оживленную дискуссию, выяснению типологических признаков польского романа 1815—1848 гг., периода перехода от романтизма к реализму. Проф. Г. Маркевич в докладе «Антиномии польского романа эпохи позитивизма» дал ценный

и содержательный анализ поэтики польского реалистического романа этого периода и вскрыл его внутренние противоречия, обусловленные исторической жизнью 70—80-х годов. Аналогичную задачу по отношению к роману периода «Молодой Польши» стремился решить доц. М. Глужинский. В своем докладе он поставил перед собой цель проследить в польском романе конца XIX — начала XX в. сложное сочетание и борьбу натуралистических и модернистских тенденций с реалистическими, преобразующимися и получающими новое развитие в исторической обстановке XX века.

Б. А. Бялик выступил на симпозиуме с докладом о русском романе начала XX в. и о Горьком-романисте, Л. Ф. Ершов с докладом «Классические традиции и советский роман». Доклады советских литературоведов вызвали широкую научную дискуссию, в которой приняли участие профессора Г. Вольпе, Г. Маркевич, М. Янион, доц. Р. Пшибыльский, Р. Зиманд и др. Со своей сто-

роны советские гости участвовали в обсуждении докладов по истории польского романа.

Во время пребывания в Польше советские гости были приняты академиком-секретарем I (гуманитарного) отдела Польской академии наук проф. С. Жулкевским, который в беседе с ними рассказал об основных направлениях работы польских литературоведов в последние годы и в данное время. Зам. директора Института литературных исследований ПАН проф. Г. Вольпе и другие ведущие сотрудники института познакомили советских ученых с его структурой, изданиями, вопросам планирования и организации научного труда.

На заключительном заседании советские и польские участники симпозиума выразили пожелание о регулярном проведении в будущем аналогичных встреч польских и советских историков литературы по взаимно интересующему их кругу научных проблем.

Г. Фриденбер

НА ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ ЛГУ

24 февраля 1966 г. на заседании Ученого совета филологического факультета Ленинградского университета состоялась защита докторской диссертации доцентом Киргизского университета, канд. филол. наук А. Е. Супруном на тему «Славянские числительные (становление числительных как особой части речи)».

Диссертация А. Е. Супруна — итог его многолетних исследований о славянских числительных. А. Е. Супруну принадлежат семь монографий («О русских числительных», Фрунзе, 1959; «Старославянские числительные», Фрунзе, 1961; «Полтавские числительные», Фрунзе, 1962; «Имя числительное и его изучение в школе», М., 1964, и др.) и большое количество статей.

В диссертации рассмотрены семантические предпосылки превращения числительных в особую часть речи, становление числительных как особой части речи в плане словообразования и формообразования. Подробно рассматриваются изменения синтаксических свойств числительных. В качестве приложения к диссертации приведены некоторые данные о частотности числительных в славянских языках.

Официальными оппонентами выступили: проф. ЛГУ Ю. С. Маслов, проф. Ужгородского университета И. А. Дзедзелевский, проф. ЛГУ Н. А. Мещерский. Ю. С. Маслов отметил в диссертации А. Е. Супруна удачное сочетание сравнительно-генетических и структурно-типологических подходов, умение ставить и решать тонкие и сложные вопросы синхронии и диахронии. По мнению И. А. Дзедзелевского, в результате обстоятельного анализа слов с числовыми значениями А. Е. Супруну удалось создать стройную картину становления славянских числительных как части речи. Он отметил некоторую диспропорцию при описании фактов отдельных славянских языков. Н. А. Мещерский видит основную заслугу А. Е. Супруна во восторженном подходе к осмыслению семантико-грамматических процессов, изученных с помощью современных методов исследования. Спорным признается причисление диссертантом «неопределенно-количественных» слов в разряд числительных.

Ученый совет постановил присудить А. Е. Супруну ученую степень доктора филологических наук.

В. М. Мокенко

В ИНСТИТУТЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ АН СССР

ЗАСЕДАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПАМЯТИ П. А. РОВИНСКОГО

В Институте славяноведения АН СССР 15 февраля 1966 г. состоялось научное заседание, посвященное жизни и деятельности известного русского слависта Пав-

ла Аполлоновича Ровинского (1831—1916), в связи с 135-летием со дня рождения и 50-летием со дня смерти ученого. Оно было организовано сектором исто-

рии зарубежных славянских стран периода феодализма и капитализма Института славяноведения совместно с Московским филиалом Всесоюзного географического общества; в заседании приняли участие сотрудники Института славяноведения, Института этнографии, Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, Московского государственного университета, Географического общества и других учреждений, родные и близкие П. А. Ровинского.

На заседании был заслушан ряд докладов. Н. И. Хитрова (Институт славяноведения АН СССР) в докладе «Ровинский и Черногория» охарактеризовала деятельность видного слависта. Уже в студенческие годы, благодаря влиянию проф. В. И. Григоровича, Ровинский проявил большой интерес к славянской истории (в особенности к южным славянам). В 60-х годах XIX в. Ровинский становится участником революционного движения, одним из ведущих членов «Земли и Воли», выполняет ответственные задания этого общества (в частности, при организации побега Н. Утина и — позднее — Н. Г. Чернышевского). Разаумеется, это закрывало ему дорогу к научной и преподавательской работе в высших учебных заведениях, в 70-е годы он находился под надзором полицейских властей.

Докладчик убедительно показал, что многолетняя деятельность Ровинского способствовала укреплению общественно-политических и культурных связей русского народа с зарубежными славянскими народами (чехами, словаками, сербами, черногорцами и др.). Ровинский много путешествовал, побывал в Чехии, Боснии, Сербии и Черногории, где с небольшими перерывами прожил с мая 1879 до 1906 г.

Уже вскоре после приезда в Черногорию Ровинский, вступив в один из черногорских отрядов, в связи с черногорско-турецким пограничным конфликтом, прибыл в Васоевчич, где в течение пяти месяцев, в «нераздельной жизни с народом и войском имел возможность проследить боевую жизнь черногорца от начала до конца во всех подробностях». После окончания военных действий Ровинский приступил к созданию фундаментального исследования о жизни черногорского народа. Им был собран богатейший материал по истории, этнографии, географии и статистике Черногории. Во время поездки в Россию в 1886 г. Ровинскому удалось договориться о субсидии Академии наук для издания его труда «Черногория в ее прошлом и настоящем».

Выполняя обязанности внештатного переводчика при русской миссии в Цетинье, Ровинский продолжал свою научную деятельность, принимал активное участие в общественной и культурной жизни Черногории и способствовал укрепле-

нию ее политических и культурных связей с Россией. Он был почетным членом черногорской Читальни в Цетинье, участвовал в создании исторического музея, в организации торжеств по случаю тысячелетия со дня смерти славянского просветителя Мефодия (1885), 400-летия черногорской типографии на Ободе (1893) и др. В 1890—1891 гг. под его руководством производились раскопки древнеримского города Диоклии (Дукля).

Из всех опубликованных Ровинским работ о Черногории наибольшую ценность представляет его обширный труд «Черногория в ее прошлом и настоящем» (т. I—III, 1888—1915), который еще при его жизни начал переводиться на сербский язык (с 1891 г. в газете «Глас черногорца»), а затем был переведен снова в 1953 г. Ровинский отмечает экономический застой Черногории при самодержавном правлении князя Николая (1860—1918), упадок сельского хозяйства, обезземеливание и задолженность крестьянства, рост бюрократии, ухудшение положения народных масс в начале XX в. в связи с ростом налогов, хозяйничанием итальянских капиталистов и т. д. Богатый фактический материал, особенно по этнографии Черногории, определяет ценность труда Ровинского, не утратившего своего значения и в наши дни.

В докладе Ю. В. Ивановой «Этнографические исследования П. А. Ровинского в Черногории» были подробно освещены принципы этнографической работы русского ученого на фоне достигнутых русской и юго-славянской науки того времени, обстоятельно рассмотрен вопрос об изучении Ровинским общественного устройства Черногории (таких институтов, как черногорское «племя», «братство» и т. д.) и албано-черногорских этнографических связей. Ровинский рассматривал черногорскую общественную систему с позиций историзма, характерного для ведущих русских этнографов его времени. Он расположил обширный этнографический материал в порядке, соответствующем общему ходу исторического процесса, подробно описал родовую структуру современной ему Черногории. Вместе с тем Ровинский показал, что с течением времени, с увеличением населения и ослаблением традиций коллективного хозяйства, реальные экономические функции перешли к мелким родовым объединениям, а за «племенами» оставались лишь публично-правовые функции. Он совершенно правильно отмечал размытость, неопределенность этнической границы между черногорцами и албанцами, большую подвижность населения во время турецкого господства на Балканском полуострове.

В. Г. Карасев (МГУ) остановился на связях Ровинского с прогрессивными сербскими деятелями и революционерами (Ж. Жуевичем, Й. Дречем и др.). Док-

ладчик обратил внимание на необходимость выяснения причин неучастия Ровинского в «Современнике» (Ж. Жуевич активно сотрудничал в этом издании, а Ровинский помещал свои статьи в газете «Очерки» и отношения Св. Марковича к Ровинскому (Маркович, характеризуя Ровинского как «друга либералов», использовал его статью в полемике с сербскими либералами и их вождем Вл. Ивановичем)¹.

О революционной деятельности Ровинского в рядах «Земли и Воли» и связях с сербскими революционерами (прежде всего с Ж. Жуевичем) рассказал в своем выступлении Е. В. Михайлов (ФБОН АН СССР). По мнению Е. В. Михайло-

ва, Ровинский продолжал революционную деятельность и после разгрома «Земли и Воли», а Ж. Жуевич входил в состав землевольческой «пятерки» Ровинского. Ряд предположений Е. В. Михайлова представляются неубедительными, так как они основаны на тенденциозных высказываниях о Ровинском (в частности, на оценке его как «социалиста» черногорским князем Николаем).

Эти доклады показали, что труды П. А. Ровинского и его деятельность требуют дальнейшего и тщательного исследования как историками-славистами, так и этнографами, географами, специалистами по истории русского революционного движения и общественной мысли XIX—начала XX в.

¹ См. С. Маркович. Избранные сочинения. М., 1956, стр. 811.

Е. П. Наумов

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ

19 января 1966 г. на заседании Ученого совета Института славяноведения АН СССР состоялась защита докторской диссертации Г. Ю. Гербильским на тему «Развитие прогрессивных идей в Галиции в первой половине XIX в. (до 1848 года)».

К защите была представлена монография Г. Ю. Гербильского «Развитие прогрессивных идей в Галиции в I половине XIX ст. (до 1848 року)», опубликованная в 1965 г. и явившаяся плодом многолетней научной деятельности автора.

Официальными оппонентами выступили д-р ист. наук Ф. П. Шевченко, д-р ист. наук В. М. Турок-Попов, д-р ист. наук И. И. Костюшко. Оппоненты в целом положительно оценили представленную к защите монографию. Они отметили, что исследование Г. Ю. Гербильского основано на большом документальном материале, глубоком критическом анализе

источников. В диссертации освещаются общественно-политические взгляды крестьян, прогрессивные черты в трудах и деятельности ученых Галичины (И. Могильницкого, И. Лавровского, М. Гриневского, В. Компаневича), антикрепостнические и антиклерикальные тенденции в украинской и польской публицистике (произведения П. Левицкого, И. Лозинского, З. Доленги-Ходаковского, В. Залеского, Ж. Паули), общественно-политические воззрения и деятельность просветительской группы «Руська Трійця», революционная публицистика 30—40-х годов; много внимания уделено связям прогрессивных деятелей Галиции с учеными и общественными деятелями России, польских земель, Чехии, Словакии и других стран. Ученый Совет проголосовал за присвоение Г. Ю. Гербильскому ученой степени доктора исторических наук.

А. И. Виноградова

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ GERMANO-СЛАВЯНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ГДР¹

Разгром фашизма в 1945 г. создал в Германии предпосылки для объективного научного исследования истории славян-

ских народов и особенно германо-славянских отношений. Однако естественно, что прошло несколько лет, прежде чем в этой

¹ См. также В. Sp i r u. Forschungen zur Geschichte der europäischen Volkdemokratien.— «Historische Forschungen in der DDR. Analysen und Berichte». Berlin, 1960, S. 474—507; Н. L e m k e, E. W i n t e r. Forschungen zur russischen Geschichte und zur Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen bis 1917

in der DDR. Ibid., S. 508—519; A. A n d e r l e, G. R o s e n f e l d. Die Erforschung der deutsch-sowjetischen Beziehungen in der Zeit der Weimarer Republik. Ibid., S. 520—531; C. G r a u. Aus der Tätigkeit der Arbeitsstelle für deutsch-slawische Wissenschaftsbeziehungen.— Spektrum. Mitteilungsblatt für die Mit-

области появились первые работы. Это объясняется прежде всего отсутствием соответствующих кадров. О начале изучения Восточной Европы после войны с новых позиций известный немецкий славяновед Э. Винтер писал: «Всем, кто любил Германию, была ясна необходимость новой ориентации в освещении истории славянских народов. СЕПГ вместе с Обществом германо-советской дружбы активно выступали именно за такое новое понимание истории не только русского, но и других славянских народов. Не следует забывать, что в этой борьбе за новую ориентацию ценную помощь оказали советские друзья Полтавский, Никитин, Эдельберг и др. Так в 1947 г. возник первый научный институт, стремящийся дать новую немецкую трактовку истории славянских народов — Институт истории Восточной Европы в Галле»².

С 1949 г. снова открылся Берлинский институт восточноевропейской истории и краеведения (позднее Институт истории народов СССР). Тем самым была создана основа для научной работы в Берлине, особенно с переходом туда в 1951 г. из Галле Э. Винтера³. В этот период разрабатывалась преимущественно история германо-славянских связей XVIII—XIX вв., но не были оставлены в стороне и другие темы.

В первые годы существования института появились три большие работы Э. Винтера, в которых были использованы собранные в основном еще в Галле мате-

arbeiter der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin (в дальнейшем DAW). Н. 5—6, 1961, S. 197—200. Часть публикаций по истории славянских народов содержится в кн.: Slawistische Publikationen der Deutschen Demokratischen Republik bis 1962. Bibliographie im Auftrage des Deutschen Slawistenkomitees herausgegeben vom Institut für Slawistik der DAW zu Berlin. Zusammengestellt und bearbeitet von H. Pohrt u. H. Rappich. Berlin, 1963. Об исследованиях сотрудников Академии и ее публикациях сообщается в сб.: «Jahrbuch der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin». Berlin, 1955—1965.

² E. Winter. Die Geschichte der slawischen Völker. — «Wissenschaftliche Annalen», 1956, Beiheft, S. 150 ff. См. также: Е го же. Zwanzig Jahre deutsch-sowjetische Wissenschaftsbeziehungen. — «Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge», 1965, Н. 5, S. 461 ff.

³ Публикации Э. Винтера в 1926—1956 гг. в сб.: «Deutsch-slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten». Berlin, 1956, S. 1—16 (DAW, Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik hrsg. v. H. H. Bielfeldt, № 9); Публикации за 1956—1961 — «Zeitschrift für Slawistik», Bd. VII, 1962, S. 400—408.

риалы. Первая — о Галле как исходном пункте немецкого изучения России XVIII в.⁴ Эта работа, как и его многочисленные статьи, касающиеся той же проблемы, встретила благоприятный отклик как внутри страны, так и за рубежом.

Еще через год появилась другая работа Э. Винтера, посвященная изучению западно- и южнославянских языков в Галле⁵. В ней дается обзор культурных связей Галле с лужицкими сербами, поляками, чехами, словаками и южнославянскими народами в XVIII и начале XIX в. Такие же связи прослеживаются и со славянами, проживавшими на территории Силезии, Литвы, Венгрии, Семиградья и Румынии. Работа Э. Винтера о чешской и словацкой эмиграции в Германию в XVII и XVIII вв.⁶ воссоздает картину угнетения чешского и словацкого народов феодалами и католической церковью, а также историю немецко-чешско-словацких связей.

Интересную работу о связях с Россией Генриха Вильгельма Людольфа (русская грамматика которого была издана в Оксфорде в 1691 г.) представил один из первых учеников Э. Винтера после войны П. Тетцнер⁷. В дальнейшем он занялся проблемами, связанными с деятельностью Феофана Прокоповича и историей возникновения Петербургской академии наук⁸. К сожалению, этот многообещающий ученый скончался в 1958 г. в возрасте 31 года.

Итогом работы Института до 1956 г. явился юбилейный сборник, выпущенный к 60-летию академика Э. Винтера. Он содержит 28 статей немецких и ино-

⁴ E. Winter. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jh. Berlin, 1953 (DAW, Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, № 2).

⁵ E. Winter. Die Pflege der west- und südslawischen Sprachen in Halle. Beiträge zur Geschichte des bürgerlichen Nationwerdens der west- und südslawischen Völker. Berlin, 1954 (DAW, Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, № 5).

⁶ E. Winter. Die tschechische und slowakische Emigration in Deutschland im 17. und 18. Jh. Beiträge zur Geschichte der hussitischen Tradition. Berlin, 1955 (DAW, Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, № 7).

⁷ J. Tetzner. H. W. Ludolf und Rußland. Berlin, 1955 (DAW, Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, № 6).

⁸ J. Tetzner. Theophan Prokopowitsch und die russische Frühaufklärung. — «Zeitschrift für Slawistik», Bd. 3, 1958, S. 351—368; е го же. Die Leipziger Neuen Zeitungen von Gelehrten Sachen über die Anfänge der Petersburger Akademie. Ibid., Bd. 1, H. 2, 1956, S. 93—120.

странных авторов. Две из них продолжают тематику о связях Галле с Россией (И. Тетцер и Б. Ламмель). Остальные посвящены германо-славянским связям в XVIII в. (П. Гофман и Г. Лемке) и проблемам истории нового времени (И. Май, Б. Брахман и Г. Розенфельд). Таким образом, уже в этот период наметились два круга проблем, изучаемых в Институте истории народов СССР при Берлинском университете: германо-славянские связи в эпоху Просвещения и германо-славянские отношения в эпоху империализма.

П. Гофман написал диссертацию о Г. Ф. Миллере; Г. Лемке — о польском раннем просвещении⁹. И. Май — о прусско-немецкой политике в Польше в 80-е годы XIX в.; Б. Брахман — о деятельности русских социал-демократов в Германии накануне первой мировой войны¹⁰. Книгу о германо-советских отношениях от Октябрьской революции до Рапалльского договора опубликовал Г. Розенфельд¹¹. В 1965 г. он окончил работу над второй частью своего труда, в котором рассматриваются германо-советские отношения от Рапалло до прихода фашистов к власти в Германии¹². Кроме того, им опубликовано 9 статей по проблематике германо-советских отношений с 1917 по 1945 г.

С 1955 г. наметился новый этап в изучении германо-славянской проблематики. 1 сентября 1955 г. было создано историческое отделение Института славистики Германской академии наук в Берлине. Вместе с возникшей весной 1955 г. в

Институте истории Германской АН группой по изучению истории славянских народов оно образовало в начале 1959 г. при Институте истории отделение истории науки и научных связей (преимущественно германо-славянских). Это отделение просуществовало до конца 1960 г. А с 1961 г. по 1 октября 1965 г. оно функционировало в качестве самостоятельной группы по истории германо-славянских научных связей при Академии наук. Руководителем всех этих отделений и групп был назначен академик Э. Вингер.

Образование двух научных центров в Берлине дало возможность разграничить области исследования. В университете ученые сосредоточили свое внимание на германо-славянских связях в эпоху империализма и в советское время, исследованием же более раннего периода стали заниматься в Академии наук.

Работавший в университете семинар способствовал укреплению контактов между Институтом истории народов СССР и Академией; здесь регулярно выступали со своими докладами сотрудники обоих учреждений, а также иностранные ученые, занимающиеся германо-славянскими связями.

Сотрудники института продолжают работать над проблемами истории России, а также русско-германских и советско-германских связей. Г. Гюбнер изучает отношения между Россией и Ватиканом в эпоху империализма, С. Штригниц — участие немецких интернационалистов в установлении Советской власти в России с 1917 по 1920 г., Г. Иэн написала диссертацию о связях между немецким и советским рабочим классом во времена Веймарской республики¹³, С. Кумпф — о русско-германских отношениях в 1878—1891 гг.¹⁴ Осенью 1963 г. Х. Шютцлер закончил работу о помощи Советского Союза в восстановлении Берлина в первые полтора года после разгрома фашизма. Часть этой работы была опубликована к 20-летию освобождения Берлина¹⁵.

⁹ P. Hoffmann. Gerhard Friedrich Müller — Die Bedeutung seiner geographischen Arbeiten für das Rußlandbild des 18. Jh. Phil. Diss. Berlin, 1959 (Maschinenschrift); H. Lemke. Die Brüder Zafuski und ihre Beziehungen zu Gelehrten in Deutschland und Danzig. Studien zur polnischen Frühaufklärung. Berlin, 1958 (DAW, Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. II).

¹⁰ J. Mai. Die preußisch-deutsche Polenpolitik 1885—1887. Berlin, 1962 (Veröffentlichungen des Historischen Instituts der E. M. Arndt-Universität Greifswald, Bd. 1); B. Brahmman. Russische Sozialdemokraten in Berlin 1895—1914. Mit Berücksichtigung der Studentenbewegung in Preußen und Sachsen. Berlin, 1962 (DAW, Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. XI).

¹¹ G. Rosenfeld. Sowjetrußland und Deutschland 1917—1922. Berlin, 1960 (Schriften des Instituts für Geschichte an der DAW, R. I, Allgemeine und deutsche Geschichte, Bd. 8).

¹² G. Rosenfeld. Die Rapallo-Partner. Die Sowjetunion im Kampf um die friedliche Koexistenz mit Deutschland 1922—1933. Phil. Habil. Berlin, 1965 (Maschinenschrift).

¹³ G. Jäh n. Die brüderlichen Beziehungen zwischen den sowjetischen Werktätigen und den deutschen Arbeitern in den Jahren 1921 bis 1924. Phil. Diss. Berlin, 1964 (Maschinenschrift).

¹⁴ S. K u m p f. Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung. Soziale und ökonomische Aspekte der Beziehungen zwischen Rußland und Deutschland im Zeitraum von 1878 bis 1891. Phil. Diss. Berlin, 1964 (Maschinenschrift).

¹⁵ H. Schüt z l e r. Die Unterstützung und Hilfe der Sowjetunion für die demokratischen Kräfte Berlins in ihrem Kampf um eine friedliche und demokratische Stadt. April — Mai 1945 bis Oktober 1946. Phil. Diss. Berlin, 1963 (Maschinenschrift). Частично опубликована под заголовком «Am Anfang des Weges...

Автор привлек много нового материала о братской поддержке, оказанной немецким антифашистам советскими оккупационными властями. Следующей темой своей работы Х. Шютцлер избрал историю германо-советских научных связей после 1945 г.

В апреле 1965 г. институтом при содействии группы истории германо-славянских научных связей при АН была организована в Берлине конференция, посвященная этим проблемам. Ее участники еще раз решительно выступили против фальсификации истории славянских народов империалистическим «остфоршунгом». Доклады этой конференции будут опубликованы к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции¹⁶.

В исследовательских планах Института истории народов СССР представлена также история западных, южных славян и народов Восточной Европы. Изучением германо-польских отношений на рубеже XIX—XX вв. занимается Э. Ульманн¹⁷. Польско-украинские связи и борьба украинского революционера-демократа Ивана Франко против агрессивной деятельности политического католицизма (клерикализма) в Западной Украине освещены в работе И. Метковской-Кайзер¹⁸. Исследование о германо-латвийских отношениях в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции и возникновения буржуазного латвийского государства закончил К. Оттерсберг¹⁹. М. Целлер защитил диссертацию о хорватском епископе Ю. Штроссмайере, деятельность которого во второй половине XIX в. существенно влияла на австрийско-югослав-

ские связи и отношения южных славян с Ватиканом²⁰.

С 1963 г. при институте работает отделение истории политики Ватикана в Центральной и Восточной Европе. Начало работе по этой тематике положил Э. Винтер, еще в 1950 г. выпустивший книгу о роли России и славянских народов в дипломатии Ватикана с 1878 по 1905 г., а в 1960—1961 гг. — двухтомную монографию «Россия и папство»²¹. В третьем томе автор предполагает осветить проблемы отношений Советского Союза с Ватиканом после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В первых двух томах рассматриваются отношения России с Польшей, Австрией, Византийской и Турецкой империями, балканскими государствами, Италией, скандинавскими странами, Германией, Францией, Англией и Испанией. Содержатся важные факты, необходимые прогрессивным силам для борьбы против политического клерикализма.

Борьбе с политическим клерикализмом в Германии служит и издаваемая с 1962 г. Э. Винтером и Г. Моором, при участии советских историков С. Д. Сказкина и Н. А. Смирнова, серия «Очерки по истории религиозной и научной мысли». В этой серии вышли работы Э. Винтера, посвященные истории австрийского католицизма с 1740 по 1848 г. и раннему гуманизму в движении реформации в XIV и начале XV в.²² Роль и функции

²⁰ M. Z ö l l e r. Wollen und Wirken des kroatischen Bischofs Josip Juraj Strossmayer (1815—1905). Beiträge über seine politischen, kulturellen und kirchlich-religiösen Bestrebungen unter dem Gesichtspunkt der nationalen und religiösen Einheit der südslawischen Völker. Phil. Diss. Berlin, 1935 (Maschinenschrift).

²¹ E. W i n t e r. Rußland und das Papsttum. T. 1: Von der Christianisierung bis zu den Anfängen der Aufklärung; T. 2: Von der Aufklärung bis zur Großen Sozialistischen Oktoberrevolution. Berlin, 1960, 1961 (DAW, Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. VI). В 1964 г. монография была издана однотомником в русском переводе; сейчас ведется подготовка ее польского издания. Рецензии на нее см.: «Literaturhinweise. Abteilung für Geschichte der imperialistischen Ostforschung an der Humboldt-Universität», 1964, H. 1, S. 1 ff.

²² E. W i n t e r. Der Josefismus. Die Geschichte des österreichischen Reformkatholizismus 1740—1848. Berlin, 1962 (Beiträge zur Geschichte des religiösen und wissenschaftlichen Denkens. Hrsg. in Verbindung mit S. D. Skaskin u. N. A. Smirnow v. E. Winter u. H. Mohr, Bd. 1); е г о ж е. Frühhumanismus. Seine Entwicklung in Böhmen und deren europäische Bedeutung für die Kirchenreformbestrebungen im 14. Jh. Berlin, 1964 (Beiträge zur Ge-

Die Befreiung Berlins durch die Sowjetarmee. Deutsch-sowjetisches Zusammenwirken bei der Rettung der deutschen Hauptstadt und beim antifaschistisch-demokratischen Neubeginn im Jahre 1945 in Berlin». Berlin, 1965.

¹⁶ См.: L. R i c h t e r, E. W e i ß. Deutsch-sowjetische Kulturbeziehungen von der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution bis zur Gegenwart.— «Zeitschrift für Slawistik», Bd. 10, 1965, S. 724—730.

¹⁷ E. U l l m a n n. Die Sozialdemokratische Partei Deutschlands und die Polnische Sozialistische Partei in Preußen 1890—1907. Beitrag zu einer Rosa-Luxemburg-Biographie. Phil. Diss. Berlin, 1965 (Maschinenschrift).

¹⁸ I. M i e t k o w s k a - K a i s e r. Ivan Frankos Beziehungen zu Polen im Kampf gegen den Klerikalismus. Phil. Diss. Berlin, 1964 (Maschinenschrift).

¹⁹ K. O t t e r s b e r g. Das Baltikum und Deutschland vom August 1914 bis März 1917. Phil. Diss. Berlin, 1963 (Maschinenschrift).

современного клерикализма в ФРГ и превращение его в орудие психологической подготовки нового «крестового похода» против мировой социалистической системы рассматриваются в работе Г. Моора. В другой его книге исследуется роль католических орденов в эпоху империализма²³.

Работа группы истории германо-славянских научных связей при Германской академии наук в Берлине ведется в трех направлениях: 1) организация международных научных конференций; 2) публикация сборников о германо-славянских связях; 3) издание документов и создание монографий, публикующихся в первую очередь в издаваемой академиком Э. Виптером серии «Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas» (до конца 1965 г. вышло 14 названий в 18 томах).

На первой конференции в Берлине в мае 1957 г. немецкие и советские ученые прочитали ряд докладов, посвященных жизни и деятельности Леонарда Эйлера. Материалы конференции были опубликованы в 1958 г.²⁴

В октябре 1958 г. в Берлине ученые Советского Союза, Польши, Чехословакии, Венгрии и обоих немецких государств обсуждали тему «Одни из первых немецких просветителей Э. В. фон Чирнхауз (1651—1708) и германо-славянские взаимосвязи». 5 советских, 1 польский, 3 чехословацких, 1 венгерский, 1 западногерманский и 11 докладов из ГДР, заслуживших на конференции, были опубликованы в 1960 г.²⁵

Следующая конференция по теме «Германо-русские научные связи во второй половине XVIII в.» состоялась в мае

schichte des religiösen und wissenschaftlichen Denkens, Bd. 3).

²³ Н. М о h r. Das Katholische Apostolat. Zur Strategie und Taktik des politischen Klerikalismus. Berlin, 1962 (Beiträge zur Geschichte des religiösen und wissenschaftlichen Denkens, Bd. 2); е г о же. Katholische Orden und deutscher Imperialismus. Mit einem Vorwort von M. M. Sejnman. Berlin, 1965 (Beiträge zur Geschichte der religiösen und wissenschaftlichen Denkens, Bd. 5).

²⁴ «Die deutsch-russische Begegnung und Leonhard Euler. Beiträge zu den Beziehungen zwischen der deutschen und der russischen Wissenschaft und Kultur im 18. Jh.». Hg. in Verbindung mit P. N. Berkov, N. A. Figurovskij und V. P. Zubov von E. Winter. Berlin, 1958 (DAW, Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. I).

²⁵ «E. W. von Tschirnhaus und die Fruhaufklärung in Mittel- und Osteuropa». Hg. in Zusammenarbeit mit N. A. Figurovskij, G. Harig, B. B. Kafengauz und A. Klíma von E. Winter. Berlin, 1960 (DAW, Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. VII).

1960 г. Прочитанные на ней доклады (9 — с советской стороны, 2 — с польской, 3 — с чехословацкой, 1 — с французской, 2 — с западногерманской и 18 из ГДР) почти все напечатаны в 1962 г.²⁶ 14 остальных (присланы на конференцию из ГДР, Западной Германии, Советского Союза, Чехословакии, Польши, Румынии), не затрагивавших непосредственно деятельности Ломоносова, Шлецера и Палласа, появились в 1963 г.²⁷

В декабре 1963 г. состоялась еще одна конференция, посвященная германо-славянским научным связям конца XVIII — начала XIX в.²⁸

Наряду с организацией международных конференций проводилась работа по опубликованию важнейших работ и источников, касающихся истории германо-славянских научных связей. Уже в 1956 г. была издана переписка между Б. Больцано и Ф. Пржигонским, а в 1965 г. — переписка между Б. Больцано и М. И. Феслом²⁹.

В сотрудничестве с Институтом истории естествознания и техники АН СССР в 1959—1965 гг. в Берлине опубликованы три тома переписки Л. Эйлера с Берлинской и Петербургской академиями наук³⁰.

²⁶ «Lomonosov-Schlözer-Pallas. Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen im 18. Jh.» Hg. in Zusammenarbeit mit C. Grau, P. Hoffmann und H. Lemke von E. Winter. Berlin, 1962 (DAW, Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. XII).

²⁷ «Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas». Bd. 7, Berlin, 1963, S. 319—446.

²⁸ Ibid., Bd. 9, Berlin, 1966, S. 247—264.

²⁹ E. W i n t e r. Der böhmische Vormärz in Briefen B. Bolzanos an F. Přihonský (1824—1848). Beiträge zur deutsch-slawischen Wechselseitigkeit. Berlin, 1956 (DAW, Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik, N 11); «Wissenschaft und Religion im Vormärz. Der Briefwechsel Bernard Bolzanos mit Michael Josef Fesl 1822—1848». Mit einer Einleitung von E. Winter. Hg. von E. Winter und M. Zeil unter Mitarbeit von L. Zeil. Berlin, 1965 (Beiträge zur Geschichte des religiösen und wissenschaftlichen Denkens, Bd. 4).

³⁰ «Die Berliner und die Petersburger Akademie der Wissenschaften im Briefwechsel Leonhard Eulers». T. 1: Der Briefwechsel L. Eulers mit G. F. Müller 1735—1767. Hg. und eingel. von A. P. Juškevič und E. Winter unter Mitwirkung von P. Hoffmann. T. 2: Der Briefwechsel L. Eulers mit Nartov, Razumovskij, Schumacher, Teplov und der Petersburger Akademie. Hg. und eingel. von A. P. Juškevič und E. Winter unter Mitwirkung von P. Hoffmann und Ju. Ch. Kopelevič. Berlin, 1959, 1961 (DAW, Quellen und

В ближайшие годы предполагается закончить издание дневников Д. Г. Мессершмидта, содержащих материалы по географии, этнографии, языкам, истории, флоре и фауне Сибири. Дневники издаются совместно Академией наук СССР и Немецкой академией наук в Берлине под редакцией Э. Винтера, Н. Фигуровского, Г. Ушманна, Г. Яроша и др.³¹ Были изданы также материалы, касающиеся деятельности А. Шлепера в России: его письма и рапорты о путешествии в Германию, предпринятом по поручению Петербургской академии³².

За последние годы установились и германо-украинские научные контакты. В 1963 г. вышел в свет том произведений Ивана Франко³³, содержащий его собственные работы, написанные на немецком языке, автобиографические материалы и переводы на немецкий язык произведений Т. Г. Шевченко. П. Кирхнер, участвовавший в работе над этим томом, закончил в 1964 г. исследование о немецких переводах произведений Т. Г. Шевченко³⁴. Оно было приурочено к празднованию в 1964 г. 150-летия со дня рож-

дения Т. Г. Шевченко. Немецкая академия наук в Берлине отметила эту дату организацией международного научного симпозиума³⁵.

Важность публикаций группы истории германо-славянских научных связей признают и ученые капиталистических стран. Так, западногерманский историк Э. Амбургер в своей работе «Германо-русские научные связи в немецких и русских работах с 1945 г.» пишет: Винтер «смог (в своей деятельности. — К. Г.) опереться на непосредственные связи с Академией наук СССР и ее Архив. Ничего подобного нет в исторической науке Федеративной республики»³⁶.

В последние годы продолжалась также защита диссертаций и публикация работ по истории стран Центральной и Восточной Европы. К. Грау написал книгу о русском ученом В. Н. Тагищеве³⁷, а также закончил работу по истории германо-русских культурных связей в эпоху Петра Великого. Диссертацию о германо-чешско-словацких культурных связях конца XVII — начала XVIII в. защитил Л. Рихтер³⁸. Л. Цейль подготовила работу о значении терезианско-йозефинской школьной реформы для чешского Возрождения конца XVIII в.³⁹ В. Цейль написал диссертацию о значении так называемого «Вендского», т. е. сербо-лужицкого, семинара в Праге для развития немецко-чешско-серболужицких связей в первой половине XIX в.⁴⁰ Связями берлинского профессора физики

Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. III); «Leonhard Euler und Christian Goldbach. Briefwechsel 1729—1764». Hg. und eingeleitet von A. P. Juškevič und E. Winter. Zum Druck vorbereitet von P. Hoffmann, T. N. Klado und Ju. Ch. Kopelevič. Berlin, 1965 (Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Philosophie, Geschichte, Staats-Rechts- und Wirtschaftswissenschaften, 1965, № 1).

³¹ D. G. Messerschmidt. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. T. 1: Tagebuchaufzeichnungen 1721—1722. Hg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. Mit einem Vorwort von W. Steinitz und A. V. Topčiev. Berlin, 1962. T. 2: Tagebuchaufzeichnungen Januar 1723—Mai 1724. In Verbindung mit zahlreichen Fachgelehrten hg. von E. Winter, G. Uschmann und G. Jarosch. Berlin, 1964 (DAW, Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. VIII).

³² «August Ludwig v. Schlözer und Rußland». Eingeleitet und unter Mitarbeit von L. Richter und L. Zeil herausgegeben von E. Winter. Berlin, 1961 (DAW, Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. IX).

³³ Ivan Franko. Beiträge zur Geschichte und Kultur der Ukraine. Ausgewählte deutsche Schriften des revolutionären Demokraten 1882—1915. Unter Mitarbeit von O. I. Bileckij und I. I. Bass hg. u. eingel. von E. Winter und P. Kirchner. Berlin, 1963 (DAW, Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. XIV).

³⁴ P. Kirchner. Zur Genesis und gesellschaftlich-literarischen Bedeutung der Sevcenko-Übersetzungen von Ivan

Franko und Erich Weinert. Phil. Diss. Berlin, 1964 (Maschinenschrift).

³⁵ См.: L. Richter. «Zeitschrift für Slavistik», Bd. 10, 1965, S. 134—136; C. G r a u. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», Bd. XIII, 1964, S. 1434—1436.

³⁶ «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Neue Folge, Bd. 10, 1962, S. 396, 398 f.

³⁷ C. G r a u. Der Wirtschaftsorganisator, Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N. Tatiščev (1686—1750). Berlin, 1963 (DAW, Quellen und Studien zur Geschichte Osteuropas, Bd. XIII).

³⁸ L. Richter. Das Zittauer Gymnasium als Mittler tschechisch-slowakisch-deutscher Wissenschafts- und Kulturbeziehungen in der Periode des Wirkens von Christian Weise und Christian Pescheck 1678—1744. Phil. Diss. Berlin, 1963 (Maschinenschrift).

³⁹ L. Zeil. Die Volksbildungsbestrebungen der josefinischen Aufklärung in Böhmen 1774—1805. Phil. Diss. Berlin, 1965 (Maschinenschrift).

⁴⁰ W. Zeil. Das Wendische Seminar in Prag in der 1. Hälfte des 19. Jh. Ein Beitrag zur Erforschung der deutsch-slawischen Begegnung im Kreis um Bernard Bolzano. Phil. Diss. Berlin, 1966 (Maschinenschrift).

Георга Адольфа Эрмана с Роспей за-нимается Ф. Кречмар⁴¹.

Академик Э. Винтер в октябре 1965 г. передал в издательство обобщающий труд о развитии раннего просвещения в Средней и Восточной Европе⁴².

⁴¹ F. K r e t s c h m a r. Georg Adolph Ermans Bedeutung für die deutsche Rußlandkunde in der Mitte des 19. Jh. Phil. Diss. Berlin, 1966 (Maschinenschrift).

⁴² E. W i n t e r. Frühaufklärung (im Druck).

Таков круг исследований и проблем, разрабатывавшихся в последние годы в Институте истории народов СССР и в бывшей группе истории германо-славянских научных связей.

В заключение можно сказать, что эти работы впервые в немецкой исторической науке подчеркнули важность изучения истории культуры России и других славянских народов, прежде всего, традиций дружбы между немецким народом и народами этих стран.

Конрад Грау

О РАБОТЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ ХОРВАТИИ

Институт истории рабочего движения Хорватии был основан в Загребе 1 октября 1961 г. как самостоятельное научное учреждение на базе Архива истории рабочего движения в Хорватии, который в свою очередь был создан на основе исторического отдела ЦК Союза коммунистов Хорватии. Институт был образован по решению Исполнительных комитетов ЦК СКХ и Главного комитета Социалистического союза трудового народа Хорватии в осуществление рекомендации ЦК СКЮ о создании во всех республиках научных институтов, которые бы своей систематической научной работой обеспечили разработку научной истории рабочего движения и социалистической революции народов Югославии.

За сравнительно короткое время (три года с небольшим с начала работы Института) были созданы основные материально-технические и организационные предпосылки для того, чтобы Институт стал самостоятельным научным учреждением. В подтверждение этого можно указать, что три года тому назад Институт начал работу с 20 сотрудниками, из которых только четверо имели высшее образование. А сейчас в Институте 130 сотрудников, из которых 80 человек с высшим образованием — историки, юристы, философы, искусствоведы и экономисты. Кроме того, Институт привлекает к работе около 50 внештатных сотрудников, среди которых около десяти профессоров университета и академиков.

Задачи Института состоят в исследовании всех существенных компонентов национальной и мировой политической, экономической и культурной истории, оказывавших влияние на развитие рабочего движения, революции и социалистического строительства в Хорватии, а также на внутреннее развитие и международное положение Югославии в целом.

Научно-исследовательский план Института предусматривает исследование весьма широкого хронологического периода с целью одновременного охвата всего

хода развития и всех основных этапов истории рабочего движения и социалистической революции, а частично и периода социалистического строительства.

В этом смысле главное направление исследований Института — изучение и научное объяснение:

— истории хорватского рабочего движения в социал-демократический период, т. е. с его зарождения до 1918 года;

— развития революционного рабочего движения в Хорватии в период буржуазной Югославии (1918—1941);

— истории народно-освободительной борьбы и социалистической революции;

— истории строительства социализма в нашей стране в связи с событиями в международном рабочем движении и в мировом историческом процессе, представляющими интерес для истории рабочего движения, революции и социализма в нашей стране и имеющими существенное значение для развития современного мира.

В соответствии с этим первоочередной задачей Института является научное освещение развития революционного движения в Хорватии, сыгравшего важную роль не только в новейшей истории хорватского народа, но и в рабочем движении и социалистической революции народов Югославии.

Таким образом, в своей исследовательской работе Институт стремился научно осветить историю революционного рабочего движения Хорватии в комплексе национальной и международной истории. Это значит, что должны быть изучены и раскрыты причины и следствия общественно-политических процессов в новейшей истории хорватского народа, их внутренняя обусловленность и взаимосвязь с историей других югославянских народов и с международными событиями.

Поскольку в нашей исторической науке меньше всего сделано в области исследования экономической и культурной истории и развития социалистической мысли, Институт, работая над историей рабочего движения, приступил к система-

тическому изучению тех явлений экономики и культуры, которые влияли на развитие рабочего движения, а также на развитие социалистической и марксистской мысли в нашей стране. Поскольку эта проблематика требует широких комплексных исследований (а до настоящего времени в этом направлении не было проделано необходимой подготовительной работы), в Институте стали изучаться передовые и революционные идейные течения в области культуры, искусства и науки в предреволюционный период и в период социалистического строительства. Большое внимание уделяется также основным проблемам общественно-политического развития и идейно-политических течений, появлению и развитию передовых идей и социалистической мысли у нас и в особенности изучению того, насколько последние являются результатом собственного развития, а насколько — иностранных влияний и как они влияли на формирование революционного движения в Хорватии и Югославии в целом.

Нет необходимости подчеркивать, что для истории рабочего движения особое значение имеет изучение развития марксистской мысли в собственной стране (в тесной связи с мировым рабочим движением) и вклада теории и практики социалистического строительства народов СФРЮ в международное социалистическое движение.

В этом плане Институт приступил к работе по подготовке исследований и переводов трудов и материалов по истории социалистической мысли в СФРЮ и в других странах, чтобы как можно полнее представить историческое развитие социалистической мысли во всех ее направлениях, ибо, несмотря на то, что основная социалистическая и марксистская литература уже переведена, в СФРЮ все еще чувствуется в этой области известный пробел. Результаты научно-исследовательской и переводческой деятельности будут публиковаться в серии «Библиотека по истории социалистической мысли».

Наряду с этим в настоящее время в Институте ведется работа над 68 исследовательскими темами, которые касаются отдельных периодов или важнейших вопросов истории рабочего движения, революции и социалистического строительства: из них по периоду до 1918 г. — 9 тем, по рабочему движению между двумя мировыми войнами — 11, по периоду народно-освободительной борьбы и социалистической революции — 19, по социалистическому строительству — 5, по истории экономики, культуры и развития социалистической мысли — 8 и по международному рабочему движению 8 тем.

В рамках Института работают Центр научной документации, Архив и Библиотека.

В каталогах Центра научной документации собрано 55 000 карточек и ведется работа еще над 150 000 библиографических карточек. Сотрудники Центра занимаются вопросами хронологии и библиографии, готовят проспекты и документацию, касающиеся всех направлений исследовательской деятельности Института. Приведена в порядок фототека из 5800 названий, главным образом по периоду революции и рабочего движения до начала народно-освободительной борьбы, а также систематизированы данные о 2630 мемориальных объектах.

Библиотека Института имеет специализированный характер; она располагает приблизительно 15 000 экземпляров книг и журналов, получает 60 отечественных и 64 иностранных журнала, 27 отечественных и 4 иностранных газеты, преимущественно по принципу обмена на журнал Института.

Архив Института интенсивно работал над упорядочением и пополнением архивных фондов, которые составляют в настоящее время 6346 единиц хранения (коробок), содержащих в общей сложности 2,5 миллиона документов: партийные и профсоюзные фонды; материалы о создании революционной народной власти, Социалистического союза и других общественно-политических организаций периода народно-освободительной войны и революции и общественно-политических организаций Югославии первого периода социалистического строительства. Фонды архива располагают 15 км киноплёнки (всего около 310 000 кадров).

Сектор мемуаров ведет систематическую обработку воспоминаний выдающихся общественно-политических деятелей, участников всех периодов революционного рабочего движения, народно-освободительной борьбы и революции. Пока сектор в основном обработал воспоминания, относящиеся к социал-демократическому периоду рабочего движения Хорватии и воспоминания участников Октябрьской революции. В настоящее время Институт имеет около двух тысяч рукописей — воспоминаний участников революционного движения.

Издательская деятельность является основным, хотя и не единственным направлением активного участия Института в научной жизни страны. Она соответствует намеченной программе и направлению работы Института в целом. Институт публикует результаты своей научной и научно-вспомогательной работы в соответствующих сериях или во внеочередных изданиях.

До сих пор Институт издавал следующие серии:

- Научная библиотека;
- Материалы по истории социалистической революции;

- Источники по истории социалистической революции;
- Мемуары и биографии;
- Библиотека развития социалистической мысли;
- Библиотека социалистических движений в современном мире.

К настоящему времени Институтом изданы: журнал «Пути революции» (№ 1—2, 3—4 и 5). Первые номера журнала являлись скорее сборниками трудов, но, однако, уже в следующем году предполагается издавать его в виде квартальника. Отдельными книгами были изданы: Ф. Туджман «Оккупация и революция»; Й. Цази «Независимые профсоюзы», II том; Д. Гругревич «Девятнадцатая северодалматинская дивизия»; П. Петричевич «Биография Иво Лолы Рибара»; «Антифашистское вече народного освобождения Хорватии». Сборник документов за 1943 г. под редакцией группы сотрудников Института; Дж. Косанович «Экономическая и политическая деятельность народной власти в ходе народно-освободительной борьбы»; «„Весьник“ за 1940—1941» (критическое издание под редакцией В. Стопара); Б. Стойсавлевиц «Проникновение капитализма в деревню в 1919—1929 гг.», «Округ Карловац в 1941 г.» (коллектив авторов). Готовятся к печати еще 12 книг.

Положение, существующее в нашей историографии, и тот факт, что Институт был основан позже аналогичных учреждений в других республиках, заставили его отступить от прежних «классических» методов организации научно-исследовательской работы. Первоначально Институт из-за недостатка подготовленных научных кадров должен был ориентироваться на молодых сотрудников, еще не имевших опыта подобной работы. Однако им были поручены самостоятельные научно-исследовательские задания под научным руководством авторитетных ученых, в основном внештатных сотрудников Института из числа профессоров университетов.

Всего Институт привлек к своей работе 53 внештатных сотрудника из числа наиболее видных научных работников, общественно-политических деятелей и участников революционного движения. Их сотрудничество, с одной стороны, обеспечило Институту возможность ведения научно-исследовательской работы в широком плане, а с другой — способствовало развитию научных исследований по соответствующей проблематике вне стен Института. Благодаря этому Институт стал открытым научным учреждением в подлинном смысле слова.

Научные сотрудники Института нередко выступают в качестве преподавателей университета, лекторов в различных школах, рабочих и народных университетах и т. д., а также сотрудничают в журналах, газетах, на радио и телеви-

дении. Такого рода участие в общественной жизни способствует развитию интереса у общественности страны к научной информации и освещению отдельных проблем отечественной и мировой истории и современной жизни.

Научные сотрудники и специалисты Института активно участвуют в работе крупнейших научных съездов, конгрессов, симпозиумов, семинаров и т. д., организуемых Институтом, другими югославскими научными учреждениями, а также зарубежными и международными научными учреждениями и организациями. Среди них следует назвать: симпозиум, посвященный 20-й годовщине Антифашистского веча народного освобождения Югославии, организованной факультетом политических наук (октябрь 1963 г.); симпозиум, созданный Югославянской академией наук и искусств и Советом по научной работе Социалистической Республики Хорватии, посвященный организации исследовательской работы (февраль 1964 г.); совещание историков в Сараеве (февраль 1964 г.); симпозиум о развитии македонской государственности (Скопье, октябрь 1964 г.); семинар историков Хорватии в честь 20-летия Антифашистского веча народного освобождения Хорватии (Сплит, октябрь 1964 г.); симпозиум, посвященный 50-летию со дня смерти Д. Туцовича (Белград, ноябрь 1964 г.).

Сотрудники Института участвовали также в работе трех международных научных съездов: Третьего съезда историков европейских движений Сопротивления (Карловы Вары, сентябрь 1964 г.); съезда, посвященного 100-летию Первого Интернационала (Вена, сентябрь 1964 г.); международного семинара по поводу 20-летия Словацкого народного восстания (Братислава, октябрь 1964 г.).

Сам Институт организовал до настоящего времени семь семинаров и сессий, имевших целью в первую очередь повышение научного уровня и квалификации институтских кадров и совершенствование исследовательской работы: семинар об исторических исследованиях и использовании архивных материалов (1962 г.); совещание с представителями комитетов по истории районных и общинных комитетов Союза коммунистов Хорватии, а также исторических и архивных учреждений и музеев (май 1963 г.); совещание по изучению экономических основ рабочего движения, проведенное совместно с экономистами, историками, социологами и демографами (июнь 1963 г.); симпозиум об «Очерках истории СКЮ» и о проблемах исследовательской работы в области истории рабочего движения и социалистической революции (декабрь 1963 г.); курсы по библиографии (март — май 1964 г.); научную сессию, посвященную 100-летию I Интернационала, 90-летию первой рабочей газеты и 70-летию основа-

ния социал-демократической партии в Хорватии (ноябрь 1964 г.).

Опыт, приобретенный на этих сессиях, семинарах и т. д., оправдывает стремление Института и впредь быть инициатором и организатором подобных научных мероприятий по особо актуальным проблемам новейшей истории, а также теории и практики социализма.

Сотрудники Института опубликовали до настоящего времени около 85 работ (монографий, исследовательских статей, обзоров) в институточных и во внеинституточных изданиях. Работы некоторых сотрудников переведены или переводятся на иностранные языки.

Благодаря своей научно-исследовательской работе Институт приобрел известность в стране и за границей; он поддерживает связи с аналогичными научными

учреждениями в стране и с большим числом научных учреждений за границей.

Все это создало предпосылки для дальнейшего развития в Институте истории рабочего движения Хорватии в Загребе систематической исследовательской работы по научному освещению той роли, которую рабочий класс и революционное движение под руководством Коммунистической партии сыграли в истории хорватского и других народов Югославии. Тем самым он в сотрудничестве с подобными учреждениями в других республиках вносит свой вклад в научную разработку истории рабочего движения, народно-освободительной борьбы и революции, а также социалистического строительства в СР Хорватии и во всей СФРЮ.

Франьо Туджман

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ НА ФИЛОСОФСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ УНИВЕРСИТЕТА ИМ. П. Й. ШАФАРИКА В КОШИЦАХ

Исследования по славистике — основная работа филологических кафедр нашего факультета. Внимание литературоведов сосредоточено в основном на проблематике славянских литературных взаимоотношений. Этим определяется и характер некоторых факультетских сборников (например, сб. «P. Z. Šafárik. Litteraria, štúdie a dokumenty», 1961; сборник кафедры русского языка и литературы, 1964; «Sborník Sevcenkovský», 1965). Проблемы связей рассматриваются и в отдельных научных работах и журнальных статьях (например, работы Йозефа Вавра «Иноязычные элементы в творчестве Кукучина» — «Slovenská reč», 1943/44, стр. 204—210; Павла Петруса «Словацкая литературная критика в конце 19 в. и другие литературы» — «Litte-garia», I, 1958, стр. 333—381 и др.; частично сюда можно отнести монографию Степана Добоша «Адольф Добрянский», 1956). Обширный материал по данной проблематике содержится в подготовленном к печати П. Петрусом I томе «Переписки Светозара Гурбана Ваянского», который в скором времени выйдет в издательстве Словацкой академии наук.

Следует упомянуть об исследованиях в области словацко-чешских связей (Антон Болек — «Отзвуки из Я. Гуса и Я. А. Коменского в творчестве П. О. Гведослава» и подготавливаемая к печати монография «П. О. Гведослав и чешская литература»), об отдельных работах по словацко-болгарской тематике (Г. Досев, П. Петрус — «К вопросу о развитии марксистской литературной критики в Болгарии» — «Slovenské pohľady», 1953, № 11) и по словацко-польским отношениям (А. Болек — «О переводах произведений Ю. Словацкого Гведославом», в сб. Príspevku k medzislovenským vzťahom

v československých dejinách», «Slovenské štúdie», III, стр. 419—435).

В области словацко-русских литературных связей очень интенсивно работают Андрей Червеняк, Павел Петрус, Михал Роман, Степан Добош, Илья Волощук и Йозеф Вавро. Особенно оригинальны статьи А. Червеняка, в которых рассмотрены отношения между творчеством С. Г. Ваянского и И. С. Тургенева («Несколько наблюдений над темой: Тургенев и Ваянский в словацкой критике» — «Сборник кафедры...», стр. 19—35; «К проблематике литературных образов И. С. Тургенева и С. Г. Ваянского» — «Шевченковский сборник», стр. 124—148; «Лишний человек» Тургенева в сопоставлении с «лишним человеком» Ваянского» — «Вестник Ленинградского государственного университета», 1965, № 8, стр. 67—75). Эти статьи автор включает в подготавливаемую к печати монографию «Ваянский и русская литература». К такому типу исследований относится и работа П. Петруса «Ваянский и Чехов» («Slovenská literatúra», 1962, стр. 288—303), анализирующая отношения между творчеством словацкого и русского писателя. Назовем еще статьи П. Петруса «Словацкая публицистика до 1918 г. и творчество Л. Н. Толстого» (Сборник «Творчество Л. Н. Толстого в Словакии», «Slovenské štúdie», IV, 1960, стр. 53—81), «Из переписки Йозефа Шкулъети с русскими авторами» («Сборник кафедры...», стр. 37—62); «Переписка Й. Шкулъети с Т. Д. Флоринским» («Шевченковский сборник», стр. 191—217); М. Романа «К вопросу проникновения советской литературы в Словакию и ее отзвуки в 30-х годах» («Шевченковский сборник», стр. 167—188), «Советская литература на страницах восточнословац-

кой прессы» («Науковий збірник музею української культури в Свиднику», 1965, стр. 96—107); С. Добоша «Русские книги в городе Прешове» («Шевченковский сборник», стр. 218—239).

Если Илья Волощук в своих работах останавливается на анализе творчества останавливается на анализе творчества украинских писателей («О творческом методе М. Шолохова с точки зрения современных проблем советской литературы» — «Сборник кафедры», стр. 63—81), то И. Вавро является переводчиком русской и советской литературы (А. С. Пушкин — «Пиковая дама» и некоторые рассказы, 1943; И. А. Гончаров — «Обломов», 1945; А. Ф. Писемский — «Богатый жехик», 1957; В. Гроссман — «Народ бессмертен», 1947; К. Федин — «Братья», 1950; А. Новиков — «Рождение музыканта», 1953; произведения М. Шолохова, К. Симонова и др.). Над этой проблематикой начинают работать И. Галайда «К некоторым вопросам революционной поэзии А. С. Пушкина 1817—1820 гг.», Ю. Рыбак «Синяя тетрадь» и некоторые проблемы перевода с русского языка на словацкий.

Многообещающе развивается на Факультете украинистика, причем особого внимания заслуживает исследование словацко-украинских взаимоотношений. Это прежде всего монография Ю. Бачи «Літературний рух на Закарпатті середини 19 століття» (1961); хрестоматия «Поезія Закарпаття» (1965), охватывающая период от XVI в. до наших дней, составители хрестоматии — Е. Рудловчак и украинский исследователь В. Микитась. Исследованию словацко-украинских взаимоотношений посвящены и другие работы:

Е. Рудловчак («Дружба чехов, словаков и закарпатских украинцев в советской литературе», в сб. «Z dejín československo-ukrajinských vzťahov», Братислава, 1957, стр. 476—501; «К вопросу взаимных культурных связей словаков и закарпатских украинцев в середине прошлого века», в сб. «Шевченковский сборник», стр. 149—166). К этой проблематике можно отнести и статьи И. Вавра «К вопросу о переводе Франко на словацкий язык» — сб. «Z dejín československo-ukrajinských vzťahov», стр. 195—200; П. Бунганича «Шевченко в переводе Кокавца» — «Шевченковский сборник», стр. 67—79; подготовленные к печати статьи А. Болека «П. О. Гвоздослав и Т. Г. Шевченко», «Из отношений Духновича к чешской и словацкой культуре»; Ю. Бачи «Значение традиции для современной украинской литературы в Чехословакии». Частично эту проблематику затрагивает и Илья Волощук в своей работе «Современная украинская литература в Чехословакии» (1958). Особое место занимают исследования в области фольклора (И. Гирик — «Украинские народные сказки Восточной Словакии», т. I, 1965; М. Мушинка — «Из истории украинского фольклора Восточной Словакии» — «Науковий збірник...», стр. 181—214, и др.).

Сейчас наши литературоведы готовятся к научной конференции о теоретических проблемах компаративистики, которую факультет в сотрудничестве со Словацкой академией наук планирует провести в 1967 г. — к VI съезду славистов в Праге.

Павол Петрус

CONTENTS

- K. I. Mikulsky.* The main features of the liquidation of exploiting classes in the socialist countries of Europe. *V. D. Koroliuk.* «Drang nach Osten» and the historic development of the peoples of Central, Eastern and South-eastern Europe in the feudal period (the survey of the Main research problems). *E. I. Demina.* The place of the damaskins in the history of liberary Bulgarian. 3

COMMUNICATIONS AND PUBLICATIONS

- G. I. Koliada.* On the history of Southern-Eastern Slavic book-printing contacts in the XVI—XVII centuries. *E. S. Makova.* The state of trade in Zagreb in the middle of the XVI century (as recorded in the customs books of the city commune). *Ju. Ritchik.* Jan Neruda's «Francesca di Rimini». *A. A. Ilushin.* «The feast of Atrius» in «Commedia Divina» (compared with the Slavic motifs and translations by Dante). *T. P. Agapkina.* Bedřich Vaclavek's unpublished letter. 34

BIBLIOGRAPHY

Review-articles and reviews

- N. N. Ulashchik.* «The 1863 insurrection. Materials and documents». *S. Sherlaimova.* The publications of works by the Czechoslovak Marxist critics. *S. N. Azbelev, V. B. Vilibakhov.* The magazine of the Polish folklorists. *V. G. Karasev, Г. М. Славин.* Освободительная война в Югославии (1941—1945 гг.). *V. D. Nazarov.* Historiographic sources on Slavic-Rumanian contacts. *Ju. I. Smirnov.* On the road of scientific search. 70

Notices

- R. P. Grishina.* Б. Григоров. Втората конференция на БКП. *Zdenka Simončić* (SFRJ). The documents and materials on the history of the People's liberation war and Revolution in Jugoslavia. *L. S. Kishkin.* «Výbor z české literatury husitské doby». *A. S. Mylnikov.* «Slovník českých spisovatelů». 89

Bibliographical publications and index

- M. Chernykh.* New materials for the bibliography of the works by J. Marchlewski. The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign Slav peoples published in the Soviet periodicals in 1965. (continued). The contents of the foreign periodicals. 92

SCIENTIFIC LIFE

- V. V. Gusev, A. E. Moskalenko, N. T. Sapronova.* The III Inter-University conference of historians-slavicists in Voronezh. *F. D. Gurevich.* The Polish-Soviet symposium on Balto-Slavic relations. *G. Fridlender.* The Symposium on the history of the Polish and Russian novel. *V. M. Mokienko.* At the Leningrad University Philological Department. 103

At the Institute of Slavic Studies

- E. P. Naumov.* Session in memoriam of P. A. Rovinsky. *A. I. Vinogradova.* The defence of the Dissertation Theses. 111

Scientific life Abroad

- Konrad Grau* (GDR). The study of the history of German-Slavic relations in the GDR. *Franjo Tudman* (SFRJ). On the work of the Institute for the history of the labour Movement in Croatia. *Pavol Petrus* (CSSR). On the scientific work of the literary scholars at the Philosophical Department of the Safarik University in Košice. 113

Адрес редакции:

Москва, Г-69. Трубниковский пер., 30а, тел. Б 1-27-40

Технический редактор *Т. А. Михайлова*

Т-03169	Подписано к печати 6/VI 1966 г.	Тираж 1000 экз.	Зак. 691
	Формат бумаги 70×108 ² / ₁₆	Печ. л. 10,8	Бум. л. 3 ¹ / ₈ Уч.-изд. листов 12,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб.

Д. 51 кв. 186
ТОЛСТОМУ И. И.
7 1.12 С С Р А Р

Индекс
70891